Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮЛЯ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 67376. Москва. Тираж 35.500 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К итогам июльского пленума ЦК и ЦКК.

Внутрипартийная оппозиция не изжила своих разногласий с партией и не прекратила своей фракционной работы после XIV с'езда партии. Напротив, за истекшее со времени этого с'езда полугодие имел место целый ряд новых фактов, свидетельствующих о дальнейшем отходе оппозиции от ленинской линии партии, об обострении ее борьбы с партией.

Эти новые факты, вносящие изменения в положение и роль оппозиции по сравнению с периодом XIV с'езда, наблюдаются по четырем важнейшим направлениям.

Во-первых, так называемая новая оппозиция необычайно заострила организационную борьбу против партии, неслыханным образом нарушая дисциплину и устав, организуя нелегальные собрания с участием некоторых членов руководящих органов партии, сторонников оппозиции,—используя во фракционных целях аппарат Исполкома Коминтерна, прибегая к шифрам, к конспиративным квартирам, к явной лжи перед ЦК и ЦКК и т. п. Именно эти обстоятельства, именно это заострение организационной борьбы,—а не идейные разногласия сами по себе,—вынудили пленум ЦК и ЦКК ответить также организационными мерами воздействия по отношению к товарищам, нарушившим дисциплину и злоупотребившим доверием партии (исключение из ЦК тов. Лашевича, вывод из Политбюро т. Зиновьева и т. д.).

Во-вторых, вполне оформился намечавшийся политически уже на XIV с'езде партии (а идейно, уже в предс'ездовской дискуссии по вопросам строительства социализма в нашей стране) блок новой оппозиции с троцкизмом, блок на основе принятия новой оппозицией главнейших положений троцкизма. Разногласия, отведшие новую оппозицию от общепартийных позиций, выросли по сравнению с периодом XIV партс'езда. Но, вместе с тем, эта оппозиция в сильной степени дискредитирует себя политически фактом своего ската в идейное лоно троцкизма, уже не только в организационно-партийных, но и в экономических и других вопросах. Все знают, что она начала свою фракционную борьбу с партией под знаком обвинений ЦК в «полутроцкизме», с требования исключить тов. Троцкого из состава Политбюро, считая разногласие по данному вопросу чуть ли не менее круп-

ным, чем разногласие с меньшевиками по поводу § 1 «Устава» [1]). Начать таким образом, а меньше, чем через год переметнутся в лагерь троцкизма,—всякий понимает, как трудно в таком положении сохранить даже остатки своего политического капитала, политического доверия со стороны массы.

В-третьих, дальнейший отход от ленинских позиций обнаружился не только у новой оппозиции, до сих пор двигавшейся в направлении троцкизма: об'единенная оппозиция выступила с новыми ошибками по новым вопросам, а именно: по международным вопросам, по вопросу о характере советского государства и об оценке политических итогов кампании перевыборов советов.

В-четвертых, наконец, создавшийся блок двух оппозиций расширил свои ряды привлечением в них третьего оппозиционного течения—остатков так называемой «рабочей» оппозиции, чья идеология доросла до подлинного махрового оппортунизма (ее требования о ликвидации Коминтерна, о сдаче нашей промышленности иностранному капиталу и т. п. известны [2]). Этот оппортунизм прикрывается его союзниками, как «левое» течение в нашей партии (характеристика, данная устами тов. Зиновьева).

Весь этот ряд новых фактов, свидетельствующих о новой расстановке и консолидации внутри партии оппозиционных сил, заставляет наши партийные организации заострить внимание на задаче *раз'яснения* широким массам членов партии решений пленума ЦК, идейной и политической физиономии оппозиции и опасности, грозящей партии и диктатуре пролетариата от фракционных подкопов под партию.

Круг идейных разногласий отделяющих оппозицию от партии в настоящее время стал шире, чем он был в момент XIV с'езда и до с'езда. Чтобы видеть, насколько крупны и разнообразны вопросы, вызывающие разногласия, достаточно отметить *четыре* главных линии разногласий.

Во-первых, экономическая политика партии и советской власти в связи с задачей индустриализации страны. Здесь об'единенной оппозицией воскрешена отвергнутая партией

[1]) Тов. Зиновьев говорил 26 января 1925 года в докладе на XXI Ленинградской губпартконференции (доклад этот издан под заглавием «О необходимости трех перестраховок»): «*Теперь решается вопрос, что такое* РКП в 1925 году. В 1903 году он решался отношением к первому параграфу устава, а в 1925 году—*отношением к Троцкому, к троцкизму. Кто хочет теперь строить партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с троцкизмом... тот отступает от основ ленинизма*».

[2]) Кстати сказать, эти требования уже вызвали одобрение белых газет—«Дней» (№ 1055), «Возрождения» (№ 410) и др.

в 1923 году платформа «сверхиндустриализма», линия *высоких цен* на промышленные товары, *высоких налогов* на крестьянское хозяйство и т. д.

Глубокая ошибка полагать, что эта линия может привести к индустриализации страны, не говоря уже об ускорении темпа индустриализации. Она способна лишь *сорвать* дело индустриализации. В то время, как т.т. Сокольников, Шанин выдвигали перед партией перспективу прямого бегства с фронта индустриализации страны, другие, наиболее видные представители оппозиции, под видом «ура-наступления» на этом фронте преподносят партии политику срыва индустриализации. Политика высоких цен и высоких налогов на крестьянство повела бы неизбежно к сужению крестьянского рынка для нашей промышленности. От затруднений, связанных с промышленным бестоварьем, которые мы будем изживать медленным, но верным путем, она бросила бы нашу промышленность к кризисам перепроизводства, по типу кризиса 1923 года, вынудив нас, вместо расширения промышленности, на ее сокращения. Резко ударив по крестьянскому хозяйству, эта политика подорвала бы начавшийся его рост, выбила бы почву из-под развития кооперации в деревне и неизбежно *политически отшатнула бы* основную крестьянскую массу—середняка—от рабочего класса.

Кроме того, политика высоких монопольных цен на промтовары отрезала бы нам действительные пути к борьбе с бюрократизмом в наших хозорганах, усилила бы существующую в наших аппаратах тенденцию к монополистическому загниванию и затруднила бы наши успехи в деле рационализации производства. Только лозунг «производи лучше и продавай *дешевле* капиталиста» (а не «дороже капиталиста», что защищается и даже теоретически «обосновывается» идеологами оппозиции) может, с одной стороны, смахнуть налет рутины и бюрократизма с деятельности наших хозяйственников, а с другой—привлечь симпатии крестьян к нам, а не к капиталистам.

Наконец, следует также иметь в виду, что при настоящем положении дел, когда большая часть промышленной продукции (около 70%) потребляется не деревней, а городами, политика высоких промышленных цен бьет по рабочему, как потребителю, понижая реальный уровень зарплаты. Поэтому, в устах защитников высоких цен на промтовары всякие разговоры о сохранении, а тем более о поднятии уровня реальной заработной платы были и остаются голой демагогией, показывающей их несерьезное отношение к вопросу.

Таким образом, политика «сверхиндустриалистов» повела бы нашу индустрию по пути кризисного «развития» *вспять*, отрезав ее от крестьянского рынка, подорвала бы развитие крестьян-

ского хозяйства и сельской кооперации, способствовала бы б. рократизации хозорганов, ударила бы по реальной зарплате рабочих,—в итоге политически оттолкнула бы от нас середняка в деревне и частью городских рабочих. Поэтому, хозяйственная платформа оппозиции не могла быть и не может быть принята партией.

Кроме этого, оппозиция в своей критике экономической политики, проводящейся ЦК, выдвигала положение об угрожающем, якобы, темпе частно-капиталистического накопления. Но и этот аргумент был бит, так как цифры, которыми пользовались представители оппозиции, оказались явно неверными и совершенно искажающими подлинное соотношение государственного и частно-капиталистического накопления.

Второй круг вопросов, в разрешении которых оппозиция отошла от ленинизма,—**новый** круг вопросов, поднятых, главным образом, на пленуме ЦК и ЦКК и в связи с итогами перевыборов советов,—это **о советском государстве**, о его социальной сущности и перспективах дальнейшего развития советов.

Существует ли у нас диктатура пролетариата? Не переродились ли наши советы, не перестали ли они быть органами пролетарской диктатуры? Тот или иной ответ на это для ленинцев **предрешает** всю их тактику в нашей стране. Если у нас диктатура пролетариата, то тактика эта явится одной, будучи направлена к укреплению советов, к укреплению в их руководящей роли нашей партии и т. д. Если советы уже переродились и перестали быть органами пролетарской диктатуры, то тактика будет иная: борьба с советами, борьба с партией, которая ими руководит и ведет их по пути перерождения.

Всякий понимает огромное, центральное политическое значение вопроса о социально-классовой сущности советского государства, ибо в учении Ленина вопрос о диктатуре пролетариата является коренным. И вот, в среде оппозиции выявляется крайне опасная точка зрения, ведущая ее на крайне скользкий путь. Делаются заявления о «**далеко не-пролетарском характере**» нашего государства (тов. Троцкий), о том, что политика этого государства «расходится с интересами широких рабочих масс» (т. Каменев), что наше государство—«не рабочее, а рабоче-крестьянское» (т. Оссовский,—см. его статью и ответ ему в настоящем номере «Большевика»).

Чем же подкрепляют эти свои крайне ответственные утверждения товарищи из оппозиции?

Во-первых, ссылкой на «бюрократизм, имеющийся в советских органах». Но, прежде всего, разве это ново? Разве у нас не существует бюрократизма в советах еще со времен военного коммунизма?

Разве Ленин не определял наше государство, как «**рабочее**, с **бюрократическим извращением**»? До сих пор эта формула Ленина не вызывала споров в партии. Почему же **сейчас** ее решают ревизовать и пересматривать? Что нового, в этом отношении, произошло именно в июле 1926 года,—кроме того, что на этот год и месяц падает очередное обострение фракционной борьбы оппозиции с партией и с ее ЦК?

Нельзя оспаривать наличия бюрократизма в советском аппарате. Мы должны вести решительную и беспощадную борьбу с бюрократизмом. Но **как** ее вести?—Одной из важнейших мер партии по борьбе с бюрократизмом в советах является кампания по оживлению советов, по привлечению широких беспартийных трудящихся масс к активной работе в советах и к контролю над работой партийцев. И вот, говоря о «бюрократическом перерождении» советов, оппозиция обнаруживает явное непонимание кампании оживления советов, характеризуя даже лозунг «оживление советов» как «**не наш**» лозунг (т. Троцкий). Между тем, это есть целиком **наш**, **ленинский** лозунг. Вот что писал тов. Ленин соратнику т. Шляпникова по «рабочей» оппозиции—Мясникову (впоследствии исключенному из рядов ВКП и Коминтерна и возглавившему так называемую «Рабочую группу»).

«**Оживлять советы**, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных **вот абсолютно верно**. Вот где работы тьма, непочатый угол работы» («Письмо Мясникову». Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 341. Август, 1921 г.).

Вместо того, чтобы видеть в привлечении беспартийных рабочих и крестьян залог борьбы с бюрократизмом, оппозиция обнаруживает излишний страх перед беспартийной массой, видя в вовлечении беспартийных в советы **лишь** угрозу «диктатуре партии» (т. е. руководству партии). В связи с этим, оппозиция указывает на «затопление» «крестьянской стихией» наших низовых советов, как, опять-таки, на симптом их передвижения наряду с бюрократизацией советов.

Этим оппозиция проявляет полнейшее непонимание вопроса о гегемонии пролетариата, непонимание тех методов и форм, в каких наш рабочий класс проводит свое руководство крестьянством в советском государстве. В стране с огромным большинством крестьянства органы диктатуры пролетариата — советы, являясь по своей классовой сущности формой диктатуры пролетариата, по **своему составу** не могут и быть иными, как **рабоче-крестьянскими**. Бороться против этого значит отступать от ленинизма и впадать в чистой воды троцкизм. По т. Троцкому, крестьянство будет поддерживать «режим пролетарской диктатуры» и «присоединится» к нему точно так же, как оно «присоединяется» к режиму буржуазии, и, «поддерживая» его ленинизм, в корне отрицает эту трактовку крестьянского

вопроса, считая для нас вполне возможным,—а при правильной политике неизбежным,—заинтересовать крестьян в «режиме пролетарской диктатуры» так, как абсолютно неспособна заинтересовать их буржуазия. Оттого пролетариат строит свое рабочее государство (оно рабочее потому, что в нем рабочие руководят, что командные высоты в нем занимает коммунистическая партия пролетариата), привлекая к делу управления им крестьянскую, бедняцкую и середняцкую массу.

Обеспечить руководство пролетариата по отношению к крестьянству в советах это значит обеспечить за пролетариатом последнее решающее слово во всей политике государства, внешней и внутренней, общей и экономической. Но одного этого недостаточно. Надо еще уметь повести за собой, по пути этой политики, крестьян. Применяя характерную ленинскую терминологию, пролетариат должен, во-первых, «отгородиться» от непролетарской трудящейся массы, а, во-вторых, «звать» ее за собой, «привлекать», «вовлекать» в социализм. Внимание оппозиции приковано исключительно к разрешению первой половины задачи. Оппозиция с усердием, достойным лучшей участи, стремится найти, «открыть» якобы существующее у партии нежелание «отгораживаться». Но в бесплодных поисках, не приводящих самое оппозицию ни к чему, кроме демагогии и теоретических плутаний,—оппозиция фатально упускает из виду вторую часть задачи пролетарского руководства—«звать» и «привлекать». А без этого какова бы «классово-выдержанная» и «классово-спаянная» партия у нас не была, мы дальше цеховщины никуда не пойдем и социализма не построим.

Третий раздел разногласий—вопросы построения партии. Здесь вся оппозиция сходится на требовании свободы фракций и группировок внутри партии. В партийной критике не раз отмечалась прямая связь этого требования с требованием политической демократии в стране: свобода фракций в партии, руководящей диктатурой пролетариата, означает шаг к свободе политических партий.

Связь эта настолько ясна, что ее оппозиция не может отрицать. Наоборот, в последнее время из рядов троцкистской оппозиции вышло произведение (статья т. Оссовского, см. ниже), которое совершенно недвусмысленно признает, что свобода фракций в партии, с точки зрения оппозиции, есть шаг к свободе партий, к «двум» партиям, и даже еще более определенно—к расколу нашей партии на «две» (или более).

Перспектива буржуазной политической демократии, таким образом, вполне явственно маячит перед оппозицией и она сознательно или полусознательно идет на эту перспективу, считая лишь «несвоевременным» и «преждевременным» (еще «не созрели» условия) ставить вопрос о свободе партий, ограничиваясь до

поры, до времени лозунгом свободы фракций в «единственной партии».

Нечего и говорить, что ленинцы самым решительным образом и до конца будут бороться против такого сползания партии с классовой линии и с рельс пролетарской диктатуры, какое предлагают Оссовские и их идейные укрыватели.

Четвертая область внутрипартийных организаций, это—вопросы международного рабочего движения и тактики Коммунистического Интернационала. Здесь оппозиция, по сути дела, пыталась подвергнуть ревизии тактику единого фронта, предложив нам, после поражения английской всеобщей стачки, демонстративно порвать с генеральным советом английских тред-юнионов, отозвав представителей ВЦСПС из англо-советского профсоюзного комитета единства.

Хотя некоторые из вождей оппозиции,—т. Троцкий, а за ним и другие,—очень любят обвинять своих противников в «аппаратной точке зрения»,—именно они сами подошли к вопросу об англо-советском комитете исключительно узко, «по-аппаратному». Они рассматривали этот комитет лишь как «политический блок» с вождями Генсовета, с которыми мы сидим за одним столом только до тех пор, пока они не предают рабочих, и с которыми мы должны порвать потому, что они совершили предательство. При этом совершенно не учитывалось, что речь идет о профсоюзных организациях, а не вообще о «блоке» с группой вождей центристов. В известной аналогии между предательством Генсовета и 4 августа 1914 года была допущена, во-первых, та ошибка, что профсоюзы приравнены были к с.-д. партиям, с которыми большевики-ленинцы порвали в 1914 году. Во-вторых, сверх того, была недоучтена специфическая особенность английских условий, где профсоюзы играют бо́льшую роль, чем в какой-либо другой стране, где тем вреднее всякая тенденция к выходу из профсоюзов и всякого рода «революционная жестикуляция», способная поощрить такую тенденцию, до известной степени неизбежную после поражений рабочего класса.

В особенности же недоучет роли профсоюзов и других исторически сложившихся организаций рабочего класса Англии оказался на выставленном тов. Троцким положении о необходимости создания в английском рабочем движении «новых организаций», поскольку «все» имеющиеся до сих пор организации (в том числе и английская компартия) являются «элементами торможения» революции.

Вся эта «левая» и «революционная» жестикуляция сопровождалась колебаниями в оценке положения мирового капитализма в текущую полосу времени. Из ряда заявлений т. Зиновьева явствовало, что оппозиция склоняется к признанию полосы стабилизации капитализма уже законченной. Такая оценка

положения капитализма диктовала оппозиции недооценку тактики единого фронта и ее методов постепенного и систематического отвоевания масс у вождей предателей. Отвергая точку зрения оппозиции, Коминтерн и ЦК нашей партии подтвердили правильность линии английской компартии, ведущей непримиримую идейную критику реформизма всех оттенков и организационную борьбу в профсоюзах за перевыборы старых вождей.

Итак, мы видим у об'единенной оппозиции оформленную платформу по вопросам экономической политики советской власти, особые взгляды на социальную сущность советской власти, свои воззрения на построение и судьбы нашей партии и, наконец, особую точку зрения в вопросах тактики международного рабочего движения. Приходится констатировать, что до сих пор внутрипартийная оппозиция ни разу не выступила с такой широкой, по захваченному в ней кругу вопросов, фракционной платформой.

Но куда же «растет» эта широкая платформа, если внимательнее вглядеться в ее основные положения?

Ответ нам дается живым примером, имеющимся в составе самого оппозиционного блока,—в лице осколков так называемой «рабочей» оппозиции. Куда она зашла, в какую сторону,— это ясно для каждого: в сторону оппортунизма, меньшевизма. Но стоит приглядеться к платформе «рабочей» оппозиции, и мы увидим, что она пришла к своим оппортунистическим выводам, идя, примерно, по тому же самому пути, на какой вступили остальные главные кадры оппозиции.

В самом деле. Разве в основе взглядов «рабочей оппозиции» не лежит точно так же неверие в возможность подлинного социалистического строительства и построения социализма в нашей стране, как и троцкистской, так и у «новой» оппозиции?

Если это неверие склоняет идеологов оппозиции к попыткам навязать партии политику резкого нажима на крестьянство (высокие промышленные цены, высокие налоги), то «рабочая» оппозиция в своем безверии еще более последовательна и делает более решительные выводы. Вот что пишет т. Медведев в своем письме-платформе:

«Думать, что мы можем... собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем налогов,—значит тешить себя напрасной иллюзией. Думать же, что эти массы капитала мы сложим «из пятаков», только более длительно,—это значит дополнять прежнюю иллюзию иллюзией мелко-буржуазных эпигонов».

Медведев не верит и в высокие налоги, как в источник средств для индустриализации страны, но он еще более «едко» насмехается над политикой собирания средств по «пятакам» (имея здесь в виду именно «мелкобуржуазную», по его мнению, политику партии). Поэтому он и приходит к выводу о «материальных жертвах» в пользу иностранного капитала.

Что идейный источник неверия в победу социалистического строительства в нашей стране у «рабочей» и всей иной оппозиции, в общем, один и тот же—это можно видеть из простого сопоставления речей Медведева о «деревенщине», которую удержать от разорения для нас невозможно; сопоставим их с рассуждениями тов. Преображенского, зачисляющего крестьян, фактически, по ведомству капитализма («частное хозяйство вообще», из которого наша задача лишь «отчуждать»), и с речами новой оппозиции о крестьянстве, как «капиталистическом классе» (слова Ленина об этом искажались самым вульгарным образом) и пр. Этот источник неверия—отрицание возможности для пролетариата повести за собой крестьянство, и, главным образом, среднее крестьянство, по кооперативному социалистическому пути. Это есть неверие в кооперативный план Ленина.

Если на этом неверии построены предложения оппозиции в области экономической политики, то им же продиктованы и сомнения в социалистическом характере наших госпредприятий, и в пролетарском характере советской власти в отсталой крестьянской стране. Отсюда исходят и остальные ошибки оппозиции. При этом, нельзя не вспомнить, опять-таки, что «рабочая» оппозиция (и в особенности оказавшаяся вне партии мясниковская «Рабочая группа») и в этом отношении «опередила» современную оппозицию еще в 1921—22 годах, об'явив о бюрократическом и мелко-буржуазном «перерождении» советской власти и партии.

Наконец, поучительно напомнить, что и тактика единого фронта подвергалась наиболее резкому оспариванию со стороны тех элементов «рабочей» оппозиции, которые выделились в «Рабочую группу». И здесь новая и троцкистская оппозиция делает первый шажок все в ту же сторону.

Если же на первых порах эта оппозиция драпируется в тогу «левых» фраз, то и здесь она рискует повторить печальную историю право-оппортунистического вырождения «рабочей» оппозиции.

Партия обязана веско предупредить оппозиционных товарищей. Партия должна указать на всю скользкость и наклонность их идейного пути, способного вести их лишь в сторону меньшевизма и сухановщины. Партия должна, вместе с тем, предупредить их о всех последствиях, которые будут для них и для партии вытекать в случае продолжения фракционной борьбы, в случае дальнейших нарушений дисциплины и устава партии.

Ленинский ЦК нашей партии получит полную и безраздельную поддержку всех организаций партии в деле преодоления оппозиционных течений и в борьбе с фракционностью, угрожающей судьбам диктатуры пролетариата.

Партия знает, в каких трудных условиях приходится ЦК и его Политбюро без тов. Ленина и при отходе от основного ленинского ядра партии ряда крупных вождей, руководить партией, рабочим классом и всей страной. Но партия сделала за истекшие годы такие крупные шаги вперед в деле общего идейного роста партийных масс, в деле роста новых активных сил с низов партии, в деле выдвижения новых слоев активных работников и руководителей парторганизаций, что какие бы попытки ни предпринимали те или иные ослепленные фракционностью товарищи,—им не поколебать коллективной мощи и ленинского единства партии.

В. Карпинский.

Новое течение в нашей политике[1]).

(К вопросу о расширении круга избирателей).

V.

Переходим к следующему основному доводу «расширителей». Он касается понимания диктатуры пролетариата в новых условиях и формулируется, примерно, так. В период мирного строительства диктатура пролетариата не может остаться неизменною, такою же, как в эпоху гражданской войны. Ставший у власти пролетариат, перейдя к строительству, не может уже во всем исходить из одних только классовых своих интересов, он должен учитывать интересы других слоев населения, отражать их как-то в законодательстве, создать какую-то правовую обстановку для нормального течения общественно-экономической жизни, как-то смягчить, изменить характер, методы и формы своей диктатуры, допустить к участию во власти те слои населения, которые до сих пор лишены были этого права. Разве не говорил Ленин о смягчении пролетарской диктатуры? Разве не писал он о сотрудничестве двух классов, пролетариата и крестьянства, к которому допущены даже нэпманы?

Таково обоснование расширения круга избирателей под углом зрения диктатуры пролетариата. Оно вносит в вопрос величайшую путаницу опять-таки благодаря тому, что теоретически правильное отвлеченное положение толкуется и применяется на практике совершенно невозможным образом. Теоретически верно, что диктатура пролетариата, как и классовый характер советского государства вообще, не могут остаться неизменными, они будут изменяться, будут отмирать. Иначе ведь не было бы никакого движения к социализму, к коммунизму. Ленин поставил вопрос об изменении форм диктатуры еще в 1919 году, после первых успехов в деле военно-политического закрепления власти пролетариата (см. речь об отношении к среднему крестьянству на VIII с'езде партии). После окончания гражданской войны партия, как известно, провела возможное и необходимое изменение форм и методов диктатуры, кладя в основу учет классовых сил внутри и вне Союза. Может быть, в этом отношении нужно провести еще какие-нибудь меры, практически оправдываемые вновь выяснившимися обстоятельствами.

Но **как** Ленин ставил этот вопрос? Напомним в кратких извлечениях. Конечно, исходная точка у него, как всегда—учет классовых сил. «...Основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат... Наши меньшевики и эсеры, а также вожди старых социалистических партий эту истину забыли и принялись чисто механически

[1]) Начало статьи см. в № 13.

повторять филистерские фразы о демократизме вообще. У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как-будто более «крепкое», когда говорят—«*диктатура демократии*». *Это уже совершенная бессмыслица*. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с рабочими... *Только диктатура одного класса—пролетариата—может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство*. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат».

Вот первое положение. Второе:

«Однако, отсюда ни в коем случае не следует,—это было бы глубочайшей ошибкой,—что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть в руках пролетариата,—будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов».

Третье положение: «Мы прекрасно знаем, что в руках буржуазии до сих пор остаются преимущества, связанные с ее богатствами в других странах, или состоящие иногда даже у нас в денежном богатстве. Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства... Сейчас, если учитывать материальные средства во всемирном масштабе, нельзя не признать, что материально буржуазия теперь сильнее нас».

Из этих основных положений выводы: «Мы должны поставить на очередь во всем его об'еме вопрос о среднем крестьянстве... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве». Нужно соглашение, союз со средним крестьянством. Вместе с тем необходимо сохранить диктатуру пролетариата для дальнейшей борьбы с буржуазией за господство. И специальное пояснение во избежание неправильного понимания: «*Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное изменение, нашей основной политики,—тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота*. Я уверен, что таких людей в нашей партии не найдется». (Том XVI, стр. 140, 141, 142, 144, 146. Подчеркнуто мною—*В. К.*).

Безусловно необходимо привлечь к социалистическому строительству средние элементы, но нельзя при этом ослаблять диктатуру пролетариата в смысле хотя бы частичного изменения нашей основной политики,—так ставит вопрос Ленин. Но так ли ставят его наши «расширители», когда они хотят навязать нам, в форме расширения круга избирателей, союз с элементами выше средних? Где анализ соотношения классовых сил? Где доказательства, что в дальнейшем социалистическом строительстве мы не можем обойтись без этих выше-средних элементов (скажем, крестьянина с посевом в сотню десятин, кустаря, мельника с несколькими наемными рабочими и т. д.)? Где открытое признание необходимости диктатуры пролетариата, неизменности в основ-

ном нашей политики вплоть до полного завершения нашей борьбы с буржуазией за господство? Ничего этого нет и в помине в доводах сторонников расширения круга избирателей, кроме голой ссылки на теорию. На практике же у них выходит нечто, поразительно напоминающее ту «диктатуру народа», которую хотели осуществить блаженной памяти меньшевики и эсеры: диктатурствует, дескать, «весь народ» за исключением крупной контр-революционной буржуазии. Разница только та, что теперь «диктатура демократии», с участием всем блюдущих советские законы граждан, должна по рецепту советских юристов мирным образом вырасти из диктатуры пролетариата. Крохотные бутончики такой «диктатуры демократии» можно видеть во образе тех отдельных советов в мелких мещанских городах, состав которых расширился согласно новой избирательной инструкции представителями мелкой буржуазии, уже успевшими проявить себя анти-рабочими, анти-советскими выступлениями. Тысячу раз прав был Ленин, назвав эту «диктатуру демократии», с точки зрения пролетариата, «совершенной бессмыслицей».

Не выдерживает ни малейшей критики и ссылка на Ленина по вопросу о сотрудничестве классов. Нельзя, конечно, отрицать, что прежнее наше безусловно-отрицательное отношение к сотрудничеству с буржуазией должно несколько измениться при диктатуре пролетариата. Ленин определенно писал: «В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия»... (Том XVIII, ч. 2, стр. 124). Но, во-первых, нельзя толковать эти слова в смысле какого-то полного сотрудничества с буржуазией, в роде как с союзницей пролетариата, преобразующего теперешний советский строй в социалистический. Это—вынужденное обстоятельствами «сотрудничество» двух врагов, из которых один слишком слаб, чтобы отбросить это сотрудничество к чорту, а другой недостаточно силен, чтобы... сделать то же самое. Во-вторых, нельзя понимать и сотрудничество с крестьянством в столь же «расширительном», безоговорочном смысле. У крестьянства есть своя «нэпманская» верхушка. Времена, когда было возможно и необходимо политическое сотрудничество *со всем крестьянством в целом*, миновали безвозвратно. Это—времена буржуазной революции. В эпоху социалистической революции возможно политическое сотрудничество лишь с середняцким крестьянством (бедняцкое на нашей позиции). С этим классом—союз, сотрудничество не только экономическое, но и политическое—полное сотрудничество в деле социалистического преобразования теперешнего строя, при условии, разумеется, сохранения руководства за пролетариатом. С буржуазной же верхушкой крестьянства такого сотрудничества быть не может. Давать политические права эксплоататорам (хотя бы пока еще «лично участвующим» в работах своего предприятия), оставляя при этом в стороне вопрос об обеспечении диктатуры пролетариата,—значит скатываться на платформу буржуазной демократии, значит, ставить на смарку все результаты нашей революции, как революции социалистической.

Нам, пожалуй, возразят: «Но вы ведь допускаете теоретически избирательные права для буржуазии. Вы в теории признаете возможным такое положение, что и пролетариат у власти

и буржуазия имеет политические права. А когда дело доходит до практического применения этой теории, вы резко возражаете». Да, возражаем, потому что обнаруживаем грубое непонимание тех условий, при которых это возможно. Одно дело, когда политические права даются в обстановке вполне укрепившейся экономически (т.-е. в корне) власти пролетариата, при сокращающейся области эксплоатации, при понижающейся экономической силе буржуазии, при падающем ее влиянии среди населения, при растущем во всех отношениях влиянии социалистических элементов, и тем более, когда пролетариат победил хотя бы еще в одной, промышленной, стране. Тогда дача прав буржуазии имела бы характер своевременной амнистии элементам, уже переставшим представлять социальную опасность. Совсем другое дело, когда политические права даются в обстановке ожесточенной экономической борьбы между социалистическими и частно-собственническими элементами, когда диктатуру пролетариата еще нельзя считать вполне укрепившейся экономически, когда область эксплоатации, если и сокращается, то еще незначительно, когда экономическая сила буржуазии увеличивается, если не во всем народном хозяйстве, то в такой громадной его отрасли, как сельское хозяйство, когда влияние буржуазии в деревне в некоторой степени растет, когда в целом ряде случаев за последнюю выборную кампанию буржуазные элементы, в лице кулаков, торговцев, церковников и некоторых интеллигентов, вели атаку на советы и против коммунистов, когда социалистические элементы далеко еще не добились решающего влияния во всех областях хозяйства и жизни, и тем более, когда пролетариат победил пока только в одной, отсталой стране. Тогда предоставление политических прав буржуазии носит характер преждевременной амнистии элементам, еще представляющим значительную социальную опасность. Тогда это означает существенное изменение основной нашей классовой политики, означает совершенно недопустимую добровольную сдачу позиций пролетарской диктатуры.

Здесь кстати будет остановиться на одном совершенно частном вопросе, заслуживающем, однако, особого рассмотрения в виду своего принципиального значения. Это—благосклонное внимание наших советских юристов к духовенству. По конституции 1918 г. избирательных прав лишались начисто «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов» (ст. 65, п. «г»). Конституция РСФСР 1925 года, а за ней и избирательные инструкции лишают избирательных прав только «тех монахов и духовных служителей религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией» (ст. 69, п. «г»). Такое изменение сделано в связи с тем, что бывали случаи лишения избирательных прав таких лиц, которые, занимаясь полезным трудом, в то же время выполняют при религиозных общинах обязанности технического характера (члены церковного совета, певчие, сторожа, звонари и т. п.). Конечно, неправильно лишать прав таких лиц. Но по какому-то, не совсем ясному даже с точки зрения формально-юридической логики, умозаключению к этим лицам были приравнены и духовные служители (т.-е. попы, муллы и проч.), для которых это занятие не является «профессией». Таким образом, вопрос о духовенстве вдруг получил принципиально иную постановку. Ранее духовные служители религиозных культов лишались прав, как таковые, т.-е., как лица, материально эксплоатирующие население путем одурманивания его религиозными предрассудками. Теперь эти два момента (эксплоатация и одурманивание) разделены. Теперь духовенство лишается избирательных прав только за материальную эксплоатацию верующих. Духовенство, занимающееся религиозным одурманиванием «бесплатно», получает политические права. (В некоторых избирательных инструкциях,—напр., в бурято-монгольской и в архангельской,—так прямо это и сказано). Очень «либерально», конечно, но совершенно недопустимо с точки зрения интересов трудящихся. Нечего говорить, какое осложнение вносит это неожиданное толкование во всю нашу антирелигиозную пропаганду (когда попы станут «козырять» тем, что они, дескать, такие же полноправные граждане, как любой рабочий-коммунист). Политически это ведет к тому, что весьма значительная, по современным условиям, часть духовенства, ссылаясь на занятие каким-нибудь полезным трудом (земледелие, счетоводство и т. п.), может получить избирательные права и, конечно, использует их во вред интересам пролетариата. Такие факты уже отмечены за последнюю избирательную кампанию. По нашему мнению, лица, одурманивающие население религией, хотя бы и «бесплатно», нам вовсе не нужны в качестве полноправных граждан Советского Союза [1]).

VI.

Наконец, последнее из основных недоразумений, составляющих сумму доводов в пользу «расширительного курса». Это—неправильное понимание лозунга оживления советов. Суть этого лозунга—борьба с пережитками эпохи «военного коммунизма», борьба с некоторым «омертвением» социальной ткани советской демократии, получившимся вследствие невозможности полного применения демократических методов в эпоху гражданской войны, борьба с командованием, назначенством, административным давлением и т. п. В этих целях партия требовала привлечения к активному участию в государственном строительстве всех правомочных граждан, в первую очередь рабочих, а также неэксплоатирующих чужого труда крестьян, и обеспечения действительных начал демократии в проявлении их активности. В частности партия требовала привлечения к выборам в городах так называемых «неорганизованных избирателей» (кустарей и ремесленников, неэксплоатирующих наемной силы, домашних хозяек и т. п.), а также решительного прекращения искусственного сужения кадров избирателей в деревнях путем зачисления в «кулаки» крестьян, поднявших свое хозяйство благодаря улучшенным способам, без применения наемного труда. Насколько правилен и необходим этот курс партии, показывают следующие цифры. За прошлую избирательную кампанию по РСФСР (не восходя к предыдущим, когда дело обстояло еще хуже) процент

---

[1]) Отметим здесь же резкое несоответствие между числом духовенства всех разрядов и мастей—461.535 человек (по всему Союзу) и числом «лишенцев» из духовенства—всего 114.426 человек (по РСФСР). При этом, по сравнению с выборами 1924/25 г., число «духовных лишенцев» уменьшилось на 12.172.

граждан, имеющих избирательные права, но не воспользовавшихся ими, в городах составлял 59,5%, при чем из числа женщин не участвовало в выборах 72,5%. Даже среди организованной части избирателей (членов профсоюзов) процент не участвовавших достигал 47,8. В деревнях процент правомочных граждан, не участвовавших в выборах, составлял 58,3% (для женщин—80,1%). Таким образом, даже в наших культурных центрах, не говоря уже о деревне, значительное большинство имеющих избирательные права граждан не принимало участия в политической жизни, при чем из женщин не участвовало подавляющее большинство и даже из членов профсоюзов—почти половина. Принятые партией меры несколько улучшили положение, но все еще не изменили его коренным образом. В только что закончившейся избирательной кампании в городах не участвовало 51,3% избирателей (женщин—61,9%, членов профсоюзов—43,3%); в деревнях не участвовало 52,7% избирателей (женщин—71,3%). Так что и теперь еще большинство правомочного населения стоит вне политической жизни (из женщин—подавляющее большинство). И даже наш основной социалистический кадр—профессионально-организованные городские рабочие—в весьма значительной своей части не участвуют еще в политической жизни даже в такой простой ее форме, как выборы. В абсолютных цифрах число правомочных граждан, которых мы должны еще привлечь к политической активности, составляет по РСФСР в деревнях 21.706.000 человек, в городах (без Москвы и Ленинграда) 2.902.000, а всего 24.608.000 человек, при общем числе избирателей 46.833.000 [1]).

Как же поняли наши «расширители» этот курс партии на оживление советов? Так, что к участию в выборах следует привлечь новые слои населения, до сих пор не обладающие избирательными правами! Нужно расширить круг избирателей новыми кадрами, которые дадут в советы депутатов, способных оживить их работу. Нужно дать избирательные права крестьянам, хотя бы и эксплоатирующим наемную силу, надо дать права кустарям-ремесленникам, хотя бы и прибегающим к наемному труду, надо привлечь часть торговцев, часть духовенства, лиц «свободных профессий» и т. д. Как ни чудовищно такое понимание лозунга оживления советов, особенно в свете вышеприведенных цифр, тем не менее оно—факт. Если брать всерьез эту ссылку на оживление советов как на мотив для расширения круга избирателей, то нельзя понять это иначе, как сомнение,

---

[1]) Сведения взяты из книги: «Выборы в советы РСФСР в 1925—1926 гг.». Часть 1-я. Стр. 7, 10, 12, 13, 42, 47, 49, 51, 52, 53. Изд. НКВД. М. 1926. Отметим дополнительно, что в ряде губерний: Ульяновская, Самарская, Костромская, Нижегородская, Северо-Двинская, Саратовская, Гомельская,—в АССР Немцев Поволжья, в Чувашской АССР и в Вотской автономной области процент участников в выборах понизился, иногда значительно—на 5, 6, 7 и даже 14%. Точно также понизился процент участвовавших в выборах членов профсоюза горнорабочих с 51,1 до 49,7, текстильщиков—с 52,4 до 51,7 и рабочих местного транспорта—с 75 до 56,8. Заметим еще, что слабо повышается активность таких индустриальных союзов, как металлисты: с 58,2% на 61,2%; в то же время сильно растет активность нерабочих союзов: медсантруд—с 40,6% на 53,7%; совторгслужащие—с 48,5% на 56,7%; рабпрос—с 48,1% на 55,1%.

неверие в творческие силы пролетариата и близких к нему трудовых слоев, как признание, что эти творческие силы ничего больше уже дать не могут, как необходимость призвать к активности другие «живые» силы и как необходимость, в соответствии с этим, изменить самый политический строй. Мы уверены, что партия отнюдь не заражена таким неверием и что она, отвергнув самоликвидаторские настроения некоторых товарищей, сосредоточит попрежнему свое внимание на дальнейшем пробуждении и привлечении к политической жизни основной массы нашей советской демократии—рабочих и неэксплоатирующих чужого труда мелких производителей.

VII.

Разобравшись в мотивах «расширительного курса», имеющих принципиальное значение, перейдем к доводам практического характера. Как мы видели выше, доводы эти сводятся к следующему: 1) чрезвычайная сложность социально-экономических отношений в мелко-крестьянской стране; 2) усложнение этих отношений и рост промежуточных прослоек с введением нэпа; 3) переход к полезному труду некоторых бывших эксплоататорских элементов и включение в число советских граждан бывших участников белых армий; 4) как результат всего этого—неохват конституцией всех тех общественных элементов, которым можно бы предоставить избирательные права, неясность конституции в этом смысле.

Все эти указания, в общем, фактически верны. Действительно, государственная власть не может не учитывать, обязана учесть все эти обстоятельства. И если бы сторонники «расширительного курса» делали из этого тот вывод, что к нашей конституции нужны раз'яснения, инструкции, которые устраняли бы неясности, уточняли бы ее смысл и обеспечивали бы таким образом наиболее правильное ее применение в духе основной нашей политики и директив партии,—то решительно ничего нельзя было бы против этого возразить. Но в том-то ведь и дело, что наши «расширители» делают из перечисленных фактов выводы, идущие гораздо дальше. Факт отказа партии от прямого курса на социализм и переход к новой экономической политике представляется им основанием для введения нового курса в области общей политики, настолько отличающегося от прежнего, что в порядке инструкций изменяются и фактически отменяются целые пункты конституции. Рост промежуточных прослоек учитывается ими таким образом, что необходимо на эти прослойки распространить избирательные права. Неясность в отношении избирательных прав некоторых элементов приводит их к решению распространить права огульно на целые новые слои населения, ранее этих прав не имевшие. Сложность социально-экономических отношений толкает их к попытке выйти из затруднения путем «инструкционного» исправления «устаревшей» конституции, путем создания через инструкции, с нарушением конституции, целого ряда новых категорий избирателей, путем замены (частичной) старого «узкого», «строгого», «неопределенного» «классово-трудового ценза» широкой системой подробно разработанных категорий поимущественного ценза, параграфы которой механически

разрешали бы вопрос в любом случае и таким образом спасали бы из затруднения любой избирком. Как не вспомнить тут иронического замечания Ленина, сделанного им в 1919 году по адресу товарищей, желавших получить «такой безошибочный термометр, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет». (Том XVI, стр. 148). Теперь остроумные советские юристы ухитрились найти такой «градусник». Это—червонец. Сейчас мы поясним, как это у них получается. Избирательная инструкция обусловливает предоставление прав крестьянину-нанимателю применением к его хозяйству «временных правил». Инструкция к этим правилам требует, чтобы местная власть (республиканская, краевая, областная, губернская) установила категории крестьянских хозяйств, к которым «временные правила» применимы. Местная власть, напр., постановляет: хозяйства с доходом не выше 1000 рублей. Вот вам и «избирательный градусник»: натягивает выше 100 червонцев—лишай избирательных, ниже—давай. Решение вопроса об избирательных правах становится настолько простым, что его можно поручить сторожу при сельсовете, а избиркомы упразднить.

Резко отрицательное отношение наше к таким практическим решениям нам нет надобности особо мотивировать после развитой выше критики. Разумеется, не все сплошь в этих решениях заслуживает безусловного отклонения. В частности, напр., высота дохода может быть принята во внимание, как один (но далеко не единственный!) из элементов, подлежащих учету при решении вопроса об избирательных правах того или иного мелкого производителя. Но мы категорически настаиваем на пересмотре каждого детального решения с указанной выше точки зрения политической целесообразности. И в этом нашем требовании мы можем смело опереться на итоги последней избирательной кампании. Материалы об этих итогах требуют еще тщательного изучения, разработки, проверки и дополнительного исследования (это составляет задачу особой партийной комиссии). Но можно и сейчас уже сделать некоторые выводы.

Оказывается, что число лишенных избирательных прав составляет в деревне всего 1% (о д и н п р о ц е н т!). В прошлую избирательную кампанию процент «лишенцев» был 1,3, в 1923 и 1922 годах—1,4, т. е. он постепенно п а д а л. Даже в таких крупноземледельческих округах, как на Северном Кавказе, процент «лишенцев» составляет 1,6 (в прошлую кампанию—1,8), в Сибири—0,5 (без изменения). В некоторых районах процент «лишенцев» уменьшился о ч е н ь р е з к о. В Ойратской автономной области (Сибирь)—с 8,5% на 0,7% (в 12 с лишним раз), в Крымской республике—с 4,7% на 1,5% (в три с лишним раза), в Гомельской губернии—с 3,1% на 1,1% (почти в три раза), в Мурманской—с 2,0% на 0,8% (в два с половиной раза), в Сталинградской—2% на 1% и т. д.

Все, что мы знаем о современной деревне и о классовом ее расслоении, никак не вяжется с этими цифрами, особенно по крупно-земледельческим районам. По статистическим данным буржуазная верхушка деревни составляет никак не менее 3—4%, а по крупно-земледельческим районам—гораздо больше. А процент «лишенцев» всего 1! При этом внутри самой группы «лишенцев» лица, живущие от эксплоатации чужой рабочей силы, от торговли и т. п., составляют лишь 46,4% (остальное

приходится на долю бывших агентов полиции, жандармерии, духовенства, лишенных прав по суду, умалишенных и т. д.). Так что лишенная прав буржуазия в собственном смысле составляет н е б о л е е п о л-п р о ц е н т а! Иначе говоря, п р о ц е н т «л и ш е н ц е в» и з ч и с л а б у р ж у а з и и в 6—8 и б о л е е р а з м е н ь ш е, ч е м д о л ж е н б ы т ь с о г л а с н о к л а с с о в о м у с о с т а в у д е р е в н и и н а ш е й к о н с т и т у ц и и. Кроме того, буржуазная верхушка деревни, как мы знаем, р а с т е т, а процент «лишенцев», несмотря на это неизменно п а д а е т. Это противоречие резко подчеркивает всю несостоятельность описанных выше «расширительных» тенденций. Оно слишком бьет в глаза, чтобы партия оставила его без внимания [1]).

К сожалению, в материалах нет данных, по которым можно было бы судить, как распределяется число избирателей по хозяйственным группам крестьянства, и какое участие каждая группа приняла в избирательной кампании. Но есть некоторые данные, характеризующие те социально-политические условия, в которых происходит расширение круга избирателей.

Оказывается, что п р о ц е н т к р е с т ь я н с к о й б е д н о т ы (безлошадных), избранной в сельские советские органы, уменьшился. Именно: председателей сельсоветов—с 16,4% на 14,3%; членов волисполкомов—с 25,6% на 23,9%; председателей волисполкомов—с 19,4% на 13,9% членов ревизионных комиссий сельсоветов—с 13,4% на 13,3%. Остался в общем без изменения процент бедноты среди членов сельсоветов (16%) и среди депутатов волс'ездов (18%). Однако, произведенный нами подсчет, показывает, что процент этот уменьшился для сельсоветов в 15 из 50 учтенных районов [1]) (увеличился в 26), а для волс'ездов—в 19 из 48 (увеличился в 20). Есть губернии, где процент бедноты в сельсоветах п о н и з и л с я о ч е н ь з н а ч и т е л ь н о. Сталинградская—с 33,8% на 17,9%; Дальневосточный край—с 11,8% на 2,4%; Уральская область—с 15,3% на 9%; Татарская АССР—с 32,2% на 22,7%. АССР немцев Поволжья—с 25,1% на 18,4%; Кабардино-балкарская область—с 29,4% на 20,6%; Башкирская АССР—с 20,1% на 13,1%; Архангельская губерния—с 24,7% на 18,6%; Северо-Кавказский край—с 29,4% на 20,6%.

Для более точного учета данного явления нужно бы знать происшедшее изменение процента безлошадных среди населения. Сопоставление соответствующих цифр ежегодного статистического гнездового обследования одних и тех же районов показывает следующее. Из 21 губерний в 7 губерниях процент безлошадных членов сельсоветов уменьшился, при чем в 3 губерниях уменьшился даже значительно сильнее, чем сократился процент безлошадных среди населения; в 3 губерниях произошло увеличение процесса безлошадных членов сельсоветов на ряду с увеличением процента безлошадных дворов; в 8 губерниях процент безлошадных членов увеличился, несмотря на уменьшение процента безлошадных дворов. В 2 губерниях процент безлошадных членов сельсоветов остался неизменным, несмотря на

---

[1]) Сведения взяты из упомянутого выше издания НКВД РСФСР, стр. 6—8. В абсолютных цифрах число «лишенцев» за прошлую кампанию состояло 541.000, а за последнюю—416.000 (понижение на 25.000), при общем числе лиц избирательного возраста в деревне 41.604.000 человек (май 1926 г.).

уменьшение процента безлошадных дворов. В 1 губернии он увеличился, несмотря на оставшийся неизменным процент дворов [1]).

Во всяком случае нельзя не подчеркнуть того факта, что процент безлошадной бедноты среди крестьянства РСФСР составляет в среднем 34,7, т. е. он гораздо выше, чем процент представителей бедноты в сельских советских органах. В составе этих органов беднота представлена раза в два слабее, чем в составе крестьянского населения. При этом разница эта обнаруживает тенденцию не к ослаблению, а к усилению.

Понизился также всюду процент рабочих и батраков, избранных в советы: в земледельческих губерниях для сельсоветов—с 3,1% на 1,7%, для волисполкомов—с 6,1% на 4,4%; в промышленных губерниях для сельсоветов—с 2,7% на 2,6; для волисполкомов—с 8,6% на 7,7%; только в национальных автономиях для сельсоветов этот процент повысился с 1,4% на 2,6%, но для волисполкомов и здесь понизился с 3,5% на 3,3%. Понизился кроме того процент председателей сельсоветов из бывших красноармейцев с 54,3% на 53,1%. Добавим сюда еще понижение процента партийцев среди председателей сельсоветов—с 20,1% на 18%; среди членов волисполкомов—с 51,6% на 50,%; среди председателей волисполкомов—с 87,1% на 86% [1]).

Таким образом, несмотря на неполноту и неточность, приведенные цифры все-таки свидетельствуют о том, что расширение круга избирателей в деревне за счет буржуазной ее верхушки происходит при одновременном сужении роли в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в советах. Это заставляет нас еще суровее осудить «расширительные тенденции».

В городе процент «лишенцев» составлял в кампанию 1923 года 8,2%, 1924—25 г.—5,1%, 1925—26 г.—4,8%: постепенное снижение. К сожалению, в материалах нет сведений по Москве и Ленинграду и не сделано сопоставления процента «лишенцев» с процентом городской буржуазии [2]). Тем не менее картина, в общем, та же, что и в деревне, и мы не станем повторять наших замечаний по поводу резкого противоречия между процентом «лишенцев» и процентом буржуазии, между снижением первого и ростом второго. Но еще больший интерес представляет в городе социально-политическая обстановка. Здесь статистика дает отдельно сведения об организованной (члены профсоюзов) и неорганизованной части избирателей. Первые составляли в 1923 г. 51,9%, в 1924—25 г.—51,3%, в 1925—26 г.—50,8%. Постепенное падение. Вторые составляли 42,5%; 44,2%; 44,4%. Постепенное повышение. Правда, происшедшие изменения сами по себе незначительны, но характерно их направление: в противоположные стороны.

[1]) В материалах приводятся еще данные об уменьшении процента членов сельсоветов из числа освобожденных от налога крестьян в земледельческих губерниях с 13,2% на 10,3%; в волисполкомах—с 14,3% на 12,1%. Но сравнения с изменением процента освобожденных от налога среди населения не делается, а известно, что этот процент очень значительно понизился сравнительно с 1924/25 г.

[2]) В абсолютных цифрах «лишенцы» составляют в городах (без столиц) для 1924/25 г.—302.400 человек, для 1925/26 г.—284.000 при общем числе лиц избирательного возраста—5.929.000. Выборов в столицах еще не было.

Участвовало в выборах из числа организованных: в 1924—25 г.—52,2%; в 1925—26 г.—56,7%. Небольшое увеличение. Из числа неорганизованных: 24,2% и 37,3%. Резкое увеличение. Для женщин организованных: в 1924—25 г.—42,4%; в 1925—26 г.—47,5%. Небольшое увеличение. Для женщин неорганизованных: 18,8% и 32,7%. Резкое увеличение чуть ли не вдвое. Таким образом, расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при их гораздо меньшей политической активности по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии. Мы искусственно расширяем круг избирателей из мелкой буржуазии, несмотря на слабый рост их политической активности. «Расширительные тенденции» в городе повели к тому, что рост пролетариата и его политической активности стал отставать от искусственно стимулируемого роста мелко-буржуазной части избирателей и их активности. Необходимость внесения здесь определенных коррективов совершенно очевидна.

Сравним еще процент участия в выборах городских и сельских избирателей (см. цифры в начале статьи). Окажется, что за последнюю кампанию город в целом проявил большую активность (повышение на 8,2%), чем деревня (повышение на 6,2%). Но если выделить из массы избирателей членов профсоюзов, то обнаружится, что эта организованная часть избирателей, включающая в себя руководящий слой промышленного пролетариата, отстает в своей активности от деревни (повышение для членов профсоюзов на 4,5%, а для деревни—на 6,2%). Политическое значение этого факта не нуждается в комментариях.

Обратимся к составу городских советов. Здесь картина относительного падения влияния пролетарской части избирателей и относительного роста влияния мелко-буржуазной части подтверждается вполне отчетливо. Избрано членов профсоюзов: в 1924—25 г.—70,5%; в 1925—26 г.—59,1%. Неорганизованных: 23,3% и 36,4%. Кроме того, здесь выделен особо ряд категорий депутатов по их социальному положению, и мы можем подробнее проследить происходящие изменения. Падение влияния чисто-пролетарской части избирателей выражается в понижении процента рабочих депутатов с 46,0% на 36,4%; рост влияния служащих выражается в повышении процента их депутатов с 30,6% на 34,2%; то же для интеллигенции («лица свободных профессий»)—с 5,1% на 6,1%; то же для кустарей—с 2,6% на 4,4%; то же для «прочих» (домашние хозяйки, огородники, извозчики, мелкие торговцы и т. п.)—с 10,6% на 14,5%. Данные 1925—26 г., взятые отдельно для городов земледельческих губерний, рисуют еще более показательную картину. Рабочие депутаты составляют здесь лишь 25,9%; служащие 42,6%; интеллигенты 6,9%; кустари 4,9%; «прочие» 15,5%. Неорганизованная городская мелкая буржуазия дает 27,3% депутатов,—больше, чем рабочие. И даже в промышленных губерниях рабочие депутаты составляют едва половину (49,9%).

Приведем отдельные, крайне характерные факты. Оказывается, есть города, бывшие, оставшиеся и ставшие совсем без рабочих депутатов. Суздаль: 0 рабочих (не было и раньше), 33,8% служащих, 31% «прочих», 9,9% кустарей, 7% интеллигенции. Вельск: 0 рабочих (не было и раньше), 65,5% служащих, 18,2% интеллигенции, 10,9% «прочих», 1,8% кустарей. Каргополь: 0 рабочих (не было и раньше), 78,6% служащих, 12,8% «прочих», 4,3% интеллигенции. Нолинск: 0 рабочих (не было и раньше), 66% служащих, 22% интеллигенции, 6% «прочих», 2% кустарей. Мосальск: 0 рабочих (не было и раньше), 67,9% служащих, 20,8% интеллигенции, 11,3% кустарей. Козельск: 0 рабочих (раньше было 4,5%), 56,3% служащих, 23,7% интеллигенции, 1,3% кустарей. Сухиничи: 0 рабочих (раньше было 18,5%), 70% служащих (раньше было 26%), 15% «прочих» (раньше не было), 11,7% кустарей. Михайлов: 0 рабочих (раньше было 20%), 71,4% служащих, 28,6% интеллигенции. Ряжск: 0 рабочих (раньше было 7,7%), 53,6% служащих, 23,2% интеллигенции, 7,1% «прочих» (раньше не было), 5,4% кустарей. Спас-Клепики: 0 рабочих (не было и раньше), 43% служащих, 34% «прочих», 13% кустарей, 9,4% интеллигенции. Есть много городских советов с ничтожным процентов рабочих депутатов и в то же время с весьма значительным, иногда даже преобладающим процентом «прочих» (не говоря уже о большом проценте служащих, что типично для мелких городов). Напр., Цивильск: 2% рабочих, 20% «прочих». Ветка: 12,9% рабочих, 45,2% «прочих». Баргузин: 4,2% рабочих, 56,3% «прочих»! Лаишев: 6,1% рабочих, 66,7% «прочих»! Новузенск: 8,7% рабочих, 55,1% «прочих»! Новохоперск: 7,5% рабочих, 41,8% «прочих»! Спасск: рабочих 6,5% (было 22%), «прочих» 43,5% (было 32%). Бутурлиновка: 10,2% рабочих, 44,9% «прочих»! И т. д.

Падение влияния пролетарской части избирателей и повышение влияния мелко-буржуазной резко характеризуется длинным рядом примеров. В одних местах происходит усиление «прочих», интеллигенция, кустари. Напр., Бутурлиновка: рабочих 10,2% (было 28%), «прочих» 44,9% (было 0!), интеллигенции 6% (было 2%). Кулебаки: рабочих 50,7% (было 70%), «прочих» 34,2% (было 0!), интеллигенции 2,1% (было 0). Шацк: рабочих 2,9% (22,7%), интеллигенции 26,5% (12%), «прочих» 10,3% (1,3%). Кузнецк: рабочих 19,4% (45,8%), «прочих» 23,7% (5%), кустарей 44,7% (1,1%). Севастополь: рабочих 52,9% (71,1%), «прочих» 23,9% (5,6%). И т. д. В других местах усиливаются одни «прочие». Напр., Сочи: рабочих 35,7% (40,9%), «прочих» 34,4% (9,1%), при снижении процента всех остальных. В третьих местах усиливаются все непролетарские категории. Например, Макарьев: рабочих 9% (было 78,6%!), «прочих» 13,4% (0!), кустарей 13,4% (0!), интеллигенции 10,4% (0!), с повышением процента служащих 53,8% (21,4%). Архангельск: рабочих 24% (было 57,5%), интеллигенции 4,1% (0), кустарей 2,2% (0), «прочих» 19,7% (3,1%), с повышением процента служащих 50,9% (37,3%). Владимир: рабочих 22,1% (42,1%), кустарей 2,6% (0,8%), интеллигенции 15,8% (5%), «прочих» 4,7% (1,7%): с повышением процента служащих 39,5% (33,6%). Тюмень: рабочих 33% (66,2%), «прочих» 10,2% (0,4%), интеллигенции 8,3% (0,7%): кустарей 8,7% (1,1%), при повышении процента служащих 39,3% (30,5%). Верхне-Уральск: рабочих 10% (18%), «прочих» 42% (было 0!), интеллигенции 2% (0), кустарей 2% (0), при понижении также и процента служащих 40% (было 82%!). Уржум: рабочих 6% (12%), «прочих» 12% (6%), — поменялись ролями!—интеллигенции 20% (6%), кустарей 10% (0), при понижении также и процента служащих 50% (74%). Приведем некоторые отдельные города из более крупных. Иваново-Вознесенск: рабочих 66,5% (73,9%), кустарей 1,2% (0), служащих 24,9% (11,7%), при снижении процента остальных. Сталинград: рабочих 58,9% (65,5%), кустарей 2% (0), «прочих» 15% (5,3%), при снижении процента остальных. Казань: рабочих 25,7% (51,5%), кустарей 4,3% (2%), служащих 26,7% (5,5%), «прочих» 34,2% (26,8%), интеллигенции 4,3% (5,9%). В лучших случаях понижение влияния рабочих сопровождается хотя бы возрастанием процента служащих. Напр., Черемхово (рабочий центр): рабочих 59,6% (74%), «прочих» 10,6% (6%), служащих 24,5% (8%). Чусовской: рабочих 61,6% (86,7%), «прочих» 20,3% (1%), служащих 15,2% (8,2%). Курган: рабочих 26,7% (66,9%), «прочих» 10% (1,9%), кустарей 4,7% (1,1%); служащих 44,6% (24,4%). Курск: рабочих 22% (30,4%), кустарей 5,8% (0), «прочих» 4,9% (0), служащих 61,3% (31,6%). И т. д.[1]).

Приведенные цифры рисуют практические результаты «расширительных тенденций» в столь ярком и недвусмысленном свете, что всякий партиец, не беззаботный на счет пролетарской диктатуры, сделает из них совершенно определенные выводы. Местные органы ударились в такой широкий «либерализм», что их безусловно надо «одернуть».

Прибавим еще, что из года в год происходит снижение процента партийцев среди депутатов городских советов: 69,2%; 57,0%; 45,5%. Укажем на такие отдельные факты, как в Северо-Двинской и Иваново-Вознесенской губерниях, где чуть ли не с восторгом приняли расширение круга избирателей, толкуя его так, что наши ряды пополняются новыми кадрами. А Пермский окружком выпустил по этому поводу прокламацию к деревенской бедноте, в которой раз'яснял, что теперь-де будет выбирать и мелкий торговец, и мельник, и кулак, соблюдающий советские законы о применении наемного труда и т. д. (Прокламация эта была впоследствии из'ята). В одном поволжском городе торговцев выделили даже в особую курию, проведшую своего депутата. В некоторых мелких городах началась в советах борьба против руководства коммунистической партии, против членов профсоюзов, за снижение расходов на клубы и на просвещение вообще, за возврат домов бывшим собственникам, за понижение налогов для мелко-буржуазных элементов и т. п. В таких случаях положение получает еще большую серьезность.

Нам кажется, что, независимо от вопроса об избирательном праве, следует пересмотреть также наш курс на повышение процента беспартийных членов городских советов, который проводится зачастую слишком огульно, без необходимого учета социально-классового состава населения в данном месте.

---

[1]) То же издание, стр. 40—42, 44, 53, 57, 64, 66. Само собой разумеется в материалах есть факты противоположного характера. Мы брали лишь те, которые иллюстрируют отмеченные нами общие тенденции.

Нам осталось подвести итоги изложению. В заключение нашей статьи мы противопоставим практическим выводам «расширителей» наши практические предложения. Они в основном сводятся к следующему:

1. Дать резкий отпор в области неправильной теоретической постановки вопросов, связанных с «расширительными тенденциями».

2. Решительно отвергнуть огульное распространение политических прав на новые слои населения, до сих пор ими не пользовавшиеся.

3. Отказаться от установления, дополнительно к конституции, новых категорий избирателей по системе имущественного ценза, построенного на основе декретов из экономической области.

4. В корне переработать центральную избирательную инструкцию, положив в ее основу тщательный учет всех экономических и социально-политических условий города и деревни, равно как и международное положение Советского Союза, с точки зрения интересов пролетариата в социалистической революции, обеспечения от реставрации капитализма и продвижения к социализму. Унифицировать в основном избирательные инструкции отдельных республик, оставляя известный простор для практического применения их сообразно местным условиям.

5. Реформировать тип избирательной инструкции в таком духе, чтобы на ряду с пунктами или параграфами она давала и те руководящие идеи, которые лежат в их основе, которые об'ясняют, как надо понимать и применять пункты. Такая избирательная инструкция должна быть настолько точной, чтобы не допускать огульного расширения круга избирателей за счет эксплоататорских элементов населения, и вместе с тем, настолько гибкой, чтобы давать возможность для местных избиркомов самостоятельно решать вопрос, сообразно местным условиям, как в тех случаях, когда частичное применение наемного труда не может служить основанием к лишению избирательных прав, так и в тех случаях, когда наоборот некоторые элементы трудового населения определенно отходят от занятия производительным и общественно-полезным трудом.

6. Принять меры к повышению политического уровня состава избиркомов, пополнив их сознательными пролетарскими и наиболее преданными партии трудовыми элементами.

Пост-скриптум.—Эта статья была уже набрана, когда, в ответ на такую же оценку выборов в «Правде», мне было сделано следующее возражение [1]). При изучении итогов выборов совершенно неправильно делать сравнение результатов последней избирательной кампании 1925/26 г. с результатами предыдущей кампании, так как в 1924/25 г. было собственно две кампании: 1) кампания конца 1924 г. до кассации части выборов, происходившая при старом избирательном режиме; 2) кампания начала 1925 г. (повторные выборы), происходившая уже при новом избирательном режиме (курс на оживление советов). Правильные выводы можно получить только путем сравнения всех трех кампаний: 1924 года, 1925 года и 1925/26 года.

[1]) Другие возражения разобраны в моей статье в «Правде» (№ 162 от 17 июля) и останавливаться на них здесь не стоит.

Ценность этого возражения весьма относительна. Во всяком случае мы должны обратить внимание читателя на то, что резолюция пленума ЦК ВКП оценивает итоги выборов *именно на основе сравнения последней кампании с кампанией 1924/25 г. в целом* (см. резолюцию). В виду чрезвычайной важности и актуальности вопроса мы считаем нужным дать дополнительный анализ, хоть нам и не хотелось бы еще раз утомлять внимание читателя цифрами.

Положение вопроса для научно-статистического изучения очень сложное. Цифры по первой кампании (до 1 января 1925 года) охватывают 49 губерний, областей и республик или 70% деревенской и 40% городской РСФСР. Цифры по второй кампании (до 15 апреля 1925 г.) охватывают 44 губернии, из них—5, где выборы еще не успели произойти, и 39, где выборы были кассированы, при чем в 12 из этих последних губерний повторные выборы происходили полностью, а в 27 губерниях—частично (количество кассированных выборов составляет приблизительно 40% от выборов 24 г.). Таким образом, первая кампания охватила только *часть* РСФСР; вторая кампания тоже только *часть* РСФСР (в некоторой доле—те же районы, а в некоторой—новые); третья же кампания (26 г.) охватила *всю* РСФСР. По этим причинам надо признать *неправильным* наоборот, сравнение цифр по названным трем кампаниям.

Такое элементарно-неправильное сравнение *разных частей* между собою и *части с целым* неправомерно еще и потому, что кампания 25 года происходила в *совершенно исключительных условиях* ударности и резкого изменения избирательного режима (в смысле привлечения самых широких масс и обеспечения действительной свободы выборов). Партия не успела, как следует, подготовиться к выборам, кампания прошла во многих местах без надлежащего руководства со стороны партийных органов, при некоторой растерянности части партийцев в деревне. При таких условиях можно было заранее предсказать в цифрах резкие скачки вверх и вниз,—напр., сильное повышение для слоев, доселе слабо участвовавших в выборах, резкое понижение процента избранных коммунистов и т. д. Едва ли кто станет утверждать, что отсутствие подготовки и растерянность будут или должны составлять нормальную обстановку дальнейших выборов при новом курсе. А между тем, столь же очевидно, что надлежащая подготовка выборов, исправление неизбежных при первом и спешном опыте ошибок, устранение элементов растерянности—все это должно было выравнять резко скачущие цифры. Можно, конечно, усиленно подчеркивать это выравнивание, можно даже кричать по этому поводу об отвоеванных обратно позициях и о новых победах. Но мы сильно сомневаемся, чтобы это подчеркивание и этот крик способствовали уяснению действительного положения дела.

После вышеизложенного понятно, что и сравнение последних выборов с кампанией 24/25 гг. в целом точно также страдает своими недостатками. Главный из них тот, что итоговые цифры по кампании 24/25 г. относятся к выборам, происходившим, примерно, наполовину при старом избирательном режиме, а наполовину—при новом. Тем не менее, эта *кампания в целом* дала ведь для всей республики *определенные результаты*, вовлекла в выборы такое-то число избирателей, та-

ких-то и таких-то категорий, поставила у власти советы такого-то состава, с таким-то процентом коммунистов и т. д. Знать эти результаты нужно. Сравнивать их с результатами предыдущих и последующих кампаний можно и должно (разумеется, принимая во внимание обстановку). Учитывать их в текущей политике партии безусловно необходимо.

Само собой разумеется, что такое сравнение не только не исключает, а наоборот, предполагает более углубленный и детальный анализ результатов только что закончившейся кампании по сравнению с предыдущими выборами. И если уж говорить о таком анализе, то, по нашему мнению, его надо производить не путем сравнения разных частей друг с другом и части с целым, а путем выделения одних и тех же районов участвовавших во всех трех кампаниях и сравнения результатов выборов в этих районах за первую, вторую и третью кампании. Но для этого сейчас нет разработанного материала. Мы надеемся, что эту работу сделает НКВД и опубликует в следующих своих выпусках. При этом хорошо было бы по возможности учесть такие детали, как изменения в системе учета отдельных категорий избирателей, наличие пролетарских элементов в рубрике «прочие» (в городах), классовые деления деревенских избирателей, изменение в некоторых случаях избирательных участков и т. п.

Пока мы все-таки попробуем сделать сравнение частичных выборов 24 года, частичных выборов 25 года и общих выборов 26 г., обращая еще раз внимание читателя на весьма относительную закономерность такого сравнения.

«Лишенцы». В деревне: 24 г. 1,4%; 25 г. 1,1% (1,3%)[1]; 26 г. 1%. В городе: 6,1%; 6,2% (5,1%); 4,8%. Таким образом, известная нам картина снижения процента «лишенцев подтверждается, при чем в городе лишь с незначительным отступлением в сторону повышения в 25 г., но зато с более резким падением в 26 г.

Активность избирателей. В деревне: 24 г. 26,5%; 25 г. 44,7% (41,1%); 26 г. 47,3%. В городе: 18,4%, 47,5% (40,5%); 48,7%. И тут картина повышения активности как города, так и деревни подтверждается, разница только та, что детальные цифры указывают сначала резкое, а потом замедленное повышение.

Активность избирателей разных категорий. Члены профсоюзов: 24 г. 25,8%; 25 г. 53,9% (52,2%); 26 г. 56,7%. Неорганизованные избиратели: 5,7%; 37,9% (24,2%); 37,3%. Женщины члены профсоюзов: 16,2%; 49,5% (42,4%); 47,5%. Женщины неорганизованные: 3,2%; 31,2% (18,8%); 32,7%. Женщины в деревне: 9,1%; 21,5% (19,9%); 28,7%. Здесь вывод получается на первый взгляд как будто бы совершенно противоположный: активность неорганизованных избирателей в последнюю кампанию не только не возросла, но даже чуть понизилась, и нельзя поэтому заключать об отставании в росте активности организованных избирателей. Но обратим внимание, что в 25 году активность организованной части избирателей увеличилась только в 2 раза, а неорганизованной—в 6½ раз! Тогда, в общей форме,

[1] В скобках мы ставим для сравнения общий процент по кампании 1924/25 гг. в целом.

вывод наш придется формулировать так: неорганизованные городские избиратели использовали курс на оживление советов в первую кампанию (25 г.) несравненно активнее, чем организованные избиратели; во вторую кампанию (26 г.) неорганизованные избиратели удержали свое положение, а активность организованных избирателей возросла лишь немного. Этот вывод не столь уже разнится от нашего прежнего вывода об отставании в росте активности членов профсоюзов по сравнению с неорганизованным избирателем. В него вносится лишь поправка, что это отставание начало уже изживаться. Для женщин же прежний вывод подтверждается целиком (активность организованных женщин снизилась, неорганизованных повысилась), с особо резким подчеркиванием этой разницы в активности в 25 году (активность организованных увеличилась только в 3 раза, а неорганизованных—почти в 10 раз).

Если сравнить активность города и деревни, то вывод получается несколько иной, чем раньше. Именно: раньше цифры показывали, что город в целом идет впереди деревни, но рост активности организованной части городских избирателей отстает от роста активности деревни. Теперь цифры показывают, что город в целом отстает в активности (прирост процента на 1,2) от деревни (прирост процента на 2,6), а активность организованной части городских избирателей идет почти в уровень с активностью деревни (прирост процента на 2,8). Заметим при этом, что в 25 году город в целом и организованные городские избиратели по росту активности были впереди деревни (рост в 2½ раза и в 2 раза, а для деревни в 1¾ раза). В конце концов, некоторое отставание в росте активности организованной пролетарской части города в общем подтверждается.

Состав избирателей в городе. Рабочие: 24 г. 46%; 25 г. 42,7% (46,2%); 26 г. 36,4%. Служащие: 34,2%; 31,5% (30,6%); 34,2%. «Прочие»: 8,5%; 10,9% (10,6%); 14,5%. Кустарей: 3,0%; 4,7% (2,6%); 4,4%. Интеллигенция: 5,5%; 7,7% (5,1%); 6,1%. Как видим, вывод о падении влияния пролетарской части избирателей и о росте влияния непролетарской в общем подтверждается; отличие составляют кустари и интеллигенция, процент которых не повысился, а несколько понизился (после резкого повышения в 25 году).

Состав избирателей в деревне. Безлошадные крестьяне: в сельсоветах 24 г. 21,6%; 25 г. 18,0% (16%); 26 г. 16%; в предсельсоветах 20,9%; 16,4% (16,4%); 14,3%; на волс'ездах 23,2%; 20,6% (18,6%); 18,6%; в волисполкомах 35,4%, 26,2% (25,6%); 23,9%; в предволисполкомах 30,2%; 20,0% (19,4%); 13,9%. Рабочие и батраки: в сельсоветах 2,6%; 2,0% (2,6%); 2,4%; в предсельсоветах 2,2%, 1,5% (2,6%); 1,8%; на волс'ездах 5,3%; 3,9% (4,8%); 3,9%; в волисполкомах 9,0%; 5,5% (8,3%); 6,6%; в предволисполкомах 13,3%; 10,8% (12,9%); 8,2%. Таким образом, картина уменьшения влияния бедняцкой и пролетарской части деревенских избирателей подтверждается для бедняков полностью, а для рабочих и батраков—частично (в предволисполкомах).

Партийцы. В городе: 24 г. 63,8%; 25 г. 40,7% (57,0%); 45,5%. В деревне сельсоветы: 7,1%; 3,6% (8,9%); 9,9%; предсельсоветов 21,9%; 11,4% (20,1%); 18,0%; волс'езды 19,5%;

13,4% (22,6%); 25,7%; волисполкомы 55,4%; 38,5%; (51,6%); 50,5%; предволисполкомов: 94,5%; 86,6% (87,1%); 86,0%. Таким образом, детальные цифры вносят некоторые поправки в прежнюю картину: в городе, а также в деревне для предсельсоветов и волисполкомов процент партийцев повышается, а не понижается (после резкого падения в 25 году); для предволисполкомов понижение процента подтверждается (для сельсоветов и волс'ездов остается повышение).

Общее заключение к нашему сравнительному изучению по двум методам. Выводы, вытекающие из сравнения последней избирательной кампании с кампанией 1924—25 г.г., в целом, подтверждаются в общем выводами из сравнения с частичными кампаниями 1924 и 1925 годов в отдельности. Второе сравнение лишь указывает на резкие колебания, происшедшие в 1925 году, но эти колебания в общем не меняют тех тенденций, которые обнаруживаются первым сравнением.

Г. Ломов.

Работа среди рабочих частных предприятий—задача дня.

Быстрым темпом восстанавливается хозяйство СССР. Хороший урожай текущего года еще больше будет способствовать этому хозяйственному росту. Нэп, как переходный период в строительстве новых форм нашего хозяйства, доказал на деле свою необходимость и жизненность.

Уже к 1925/26 г. в распоряжении рабочего государства находилось средств и орудий производства по примерной наметке Госплана на сумму 11,5 миллиардов червонных рублей, у кооперации на сумму 0,5 миллиардов руб., а у распыленного собственника, по преимуществу крестьянства, таких же распыленных средств и орудий производства было сосредоточено на 7,5 миллиардов руб. Все командные отрасли промышленности находятся в руках государства. Если в 1920/21 г.г. те же фабрики и заводы, находясь у рабочего государства, давали какие-нибудь 15—20% довоенной продукции, то к 1925 г. они перевалили за 70% и подходят к 100% довоенной продукции в 1925/26 г.

В 1923 г. при продукции заводов, равной, примерно, 30—35% от довоенной, в стране наблюдался кризис сбыта; промышленность держала цены сильно вздутыми, расхождение ножниц между ценами промтоваров и сел.-хоз. товаров, казалось, ставило непреодолимые препятствия для дальнейшего промышленного развития.

В 1925/26 г.г. мы при более чем удвоившейся продукции растем под знаком острого товарного голода. Промышленность напрягает все силы к увеличению продукции, темп восстановления нашей индустрии значительно обогнал восстановительный процесс Европы. Но тем не менее, крупная и средняя промышленность не в силах для ближайшего времени удовлетворить громадный спрос крестьянского и городского рынка. Помимо крупной и средней промышленности, необходимо напряжение сил мелкой и кустарной промышленности для обеспечения в первую очередь крестьянского рынка, а подчас и спроса самой крупной фабрики.

За последний год громадный неутоленный спрос на товары дал значительный толчок к развитию кустаря и мелкой промышленности, а политика совврасти поддержки кустаря облегчила этот рост.

По данным Всекопромсоюза рост промысловой кооперации определяется следующим образом:

На 1924 г. в системе промысловой кооперации состояло 2.466 артелей с количеством членов около 105.000 чел.; на 1-е января 1925 г. число артелей возросло до 2.877 с количеством членов до 140.000 чел., а на 1-е июля 1925 г. количество артелей уже достигло 2.945 с количеством членов 187.000 чел. Обороты Всекомпромсоюза на 1925 г. выразились в общей сумме в 14 милл. рублей против 4,4 милл. руб. в 1924 г., а план работы на на 1925/26 г. предусматривает дальнейший рост этих оборотов до 22 милл. руб.

Эти цифры красноречиво говорят об улучшающейся работе нашей производственной кооперации. Обороты выросли с 4,4 до 14 милл. руб., т.-е., примерно, на 30%.

Это свидетельствует о большом количественном усилении промышленной кооперации и одновременно об еще очень слабой постановке дела, если можно итти такими скачками вперед.

О том, что растут артели, растет кустарь и пр. пр., свидетельствует значительный рост наших кустарных подмосковных районов. Все товарищи отмечают значительное развитие Ленинского (бывш. Талдом) кожевенного района; кустарная текстильная промышленность за последний год сделала по Московской, Калужской, Владимирской и пр. губерниям громадный шаг вперед. Мне пришлось наблюдать быстрый рост станков в «светелках» под Павловым посадом. Ожили артели, работающие кавказские ткани; уже снова налажены порванные за годы революции связи с этим далеким районом, появился снова «раздатчик» работы на дом. О темпе роста артелей можно судить по тому, что в одном из сел Калужской губернии (село Всехсвятское) мне пришлось наткнуться на артель, работающую деревенские женские платки и военную тесьму, за один только год вобравшую в себя свыше 200 членов (исключительно крестьяне села Всехсвятского). На текущем счету этой артели обычно лежит уже не меньше 10.000 руб.

Количество некооперированных кустарей гораздо более кооперированных.

До войны насчитывалось до 4 милл. кустарей. В настоящее время по весьма приблизительным подсчетам их насчитывается до 2 милл. человек. Кустарь, как и до войны, обслуживает по преимуществу крестьянский рынок, который в настоящее время не может быть удовлетворен товарами крупной промышленности.

Быстрый рост кооперирования на ряду со здоровыми моментами часто свидетельствует о «маскировке» частников кооперативной вывеской для того, чтобы укрыться от налогового обложения.

По подсчетам некоторых товарищей до 40% всех промысловых артелей являются лжекооперативами более или менее удачно скрывающими те формы работы участников, которые знала и предреволюционнная наша история.

При анализе некоторых промысловых кооперативов оказывается, что здесь часто скрыта работа на раздатчика из собственного (раздатчика) сырья, работа на скупщика с ярко выявленными моментами финансирования отдельных кустарей и т. д.

Среди некооперированных кустарей можно найти целый ряд подобных же форм, скрывающих целый ряд полукапиталистических и чисто капиталистических уже предприятий, где от кустаря осталась одна вывеска, а на деле кустарь превращается и превращен в полурабочего и рабочего капиталиста и капиталистика.

Растет кустарь, а с ним вместе и часто из его соков вырастает мелкая частная фабричка. Государство не в силах удовлетворить потребность абсолютно во всех видах товаров. Ряд производств, связанных с работой на крестьянский рынок или иногда требующих большого и пристального внимания или особенного навыка, государство рабочих не может пока еще полностью поднять само. В эти-то производства и идет «частник». В то время, когда все основные крупные и средние предприятия, то что мы привыкли именовать «командными промышленными высотами», находятся в руках рабочего государства, кустарная мелкая и частная промышленность, покрывая также неутоленный товарный голод, об'ективно способствует укреплению страны.

В 1920 году из 358.447 частных предприятий по переписи 20 года не пользовались наемным трудом 272.651. В госпредприятиях работали 71,5% всех работников промышленности. На частную промышленность приходилось 10% рабочих. Частник работал главным образом по переработке продуктов питания.

После об'явления перехода к нэпу в 1922 году число частных предприятий возросло на 135%, а количество занятых в них лиц на 78,8%, в то время как количество рабочих в них выросло всего на 36,6%.

Рост предприятий по отдельным отраслям промышленности происходил далеко не одинаково; так, частная строительная промышленность увеличилась более, чем в 5 раз, пищевая промышленность увеличилась почти в 4 раза и т. д. Процент наемных рабочих достиг в 22 году до 8,6% от всего числа наемных рабочих занятых в СССР.

Период новой экономической политики с осени 22-го до осени 23-го года (до кризиса сбыта) является эпохой расцвета частной промышленности. Количество не только мелких кустарей, ремесленных заведений, берущих патент 1-го разряда, но и более мощных частных предприятий, быстро растет. Так, с июля—декабря 22 года к осени 23 года патенты 1-го разряда увеличились на 63%, 2—4 разряда увеличились с 100% до 262%, 5—12 со 100% до 227%, по всем 12-ти разрядам со 100% до 199%.

Как видим из этих данных, наступило некоторое укрепление средних частных заведений и рост числа наемных рабочих в них.

Развитие частной промышленности продолжалось быстрым темпом до осеннего кризиса 23 года. Изживание осеннего кризиса 23 года привело к усилению налогового обложения частника. Переход к червонной валюте привел к сжатию кредита, от которого в первую очередь пострадал частник. Ставка на кооперацию очень сильно ударила как частного торговца, так и частного промышленника.

Картина свертывания частной промышленности после осеннего кризиса рисуется в следующих чертах:

По мелкой промышленности (исключая 1-й разр., давший увеличение на 7,6%) заведения со 2-го по 4-й разряд потеряли за год 20%. В средней частной промышленности с 5-го по 8-й разряд

число заведений уменьшилось на 21,3% и в крупной (остальные разряды) уменьшилось на 33,6%.

Эти изменения числа заведений и рабочих по цензовой частной промышленности (данные ЦСУ) видны из следующей таблицы:

I квартал 1923—24 г.		II квартал 1923—24 г.		III квартал 1923—24 г.		IV квартал 1923—24 г.		I квартал 1924—25 г.	
Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.
1476	37,7	1634	41,0	1493	38,9	1488	39,8	1462	36,9
100%	100%	110,7%	108,7%	101,1%	103,1%	100,3%	105,5%	99,7%	97,8%

Несмотря на уменьшения числа предприятий и количества рабочих частной цензовой промышленности, тем не менее, стоимость валовой продукции ее дает значительное увеличение. За 1923—24 год это увеличение выразилось в 62,2%: с 38.245 тыс. рублей до 62.033 тыс. рублей. Однако, в IV квартале 1924—25 года мы имеем уже некоторое снижение валовой продукции (на 1%).

Следует отметить, что среди частных предприятий в настоящее время имеются и теперь довольно крупные фабрики: в махорочном производстве имеется одна фабрика, принадлежащая частному предпринимателю с 600 рабоч.; в Н.-Новгороде имеется один металлический завод с количеством рабочих в несколько сот человек; есть целый ряд крупных пивоваренных заводов, находящихся в частных руках и т. д.

Интересно указать, что в некоторых отраслях промышленности, в которых частный капитал играет значительную роль, его работа довольно прочна. В качестве примера укажем на махорочную промышленность, где частный капитал вырабатывал в 1922—23 году 21%, в 1923—24 году 25%, в 1924—25 г. 23% всей годовой выработки махорки.

Если принять за 100 цифру выработки 1922—23 года государственной, кооперативной и частной торговли, то государственная промышленность увеличила свою выработку в 1924—25 году по сравнению с 1922—23 г. до 201%, а частник до 211%.

Проверить на цифрах, подсчитать для данного времени и определить общественно-политическую значимость этих процессов пока трудно. Статистика у нас вообще не блещет своей организованностью, а в области учета новых явлений да еще в жизни мелкого хозяйства, к тому же происходивших и происходящих теперь у нас на глазах, она не может пока дать вполне точного отражения жизни.

Мы не можем привести сейчас точных цифр о роли частной промышленности по всему Союзу. По последним данным на долю госпромышленности падает 82% всей продукции страны, а на долю всей частной и кустарной промышленности 18%. На будущий год это соотношение намечается, примерно, в тех же рамках: 82,5 и 17.5%. (Из последней речи т. Дзержинского на пленуме ЦК ВКП). Во всяком случае следует признать, что количественный рост частной промышленности продолжается.

Так на Украине насчитывается до 24.000 различных частных предприятий, включая сюда и кустарные. В частной промышленности занято 48.500 наемных рабочих. В последнее время широкое развитие на Украине получили мукомольная, пищевкусовая и махорочная отрасли частной промышленности. Некоторые отрасли частной промышленности за последние годы значительно выросли (химическая увеличилась в 4 раза, полиграфическая вдвое и т. д.); кожевенная, маслодельная, пеньковая и деревообделочная отрасли частной промышленности моментами выступают на рынке в качестве серьезного конкурента государственной промышленности.

Интересны некоторые данные по Москве. С помощью статистики и сведений парт-и профорганизаций (далеко недостаточных и примитивных), мы получили возможность несколько осветить эти процессы. Я заранее должен оговориться, что статистика и цифры нижеприводимые, далеко неполны и не могут претендовать на абсолютную точность. Мне и моим товарищам приходилось проверять путем опроса и личного посещения цифры рабочих на некоторых предприятиях, группкомах и т. д. и иногда после этого нам приходилось или на сотню-другую увеличивать количество рабочих или один раз в Бауманском группкоме у нас пропала целая тысяча печатников. Но за всеми этими исправлениями цифры показательны, они дают верную картину и в общем правильно намечают основные тенденции развития мелких предприятий.

По данным Информ. Бюро наших партийных районов (в свою очередь Информ. Бюро частью получает свои данные от соответствующих профсоюзов) количество рабочих на частных предприятиях г. Москвы характеризуется к 1-му октября 1925 г. следующими цифрами.

По Бауманскому району их около 5—6 тысяч человек. Частные предприятия по преимуществу мелкого кустарного типа. Наибольшие количества этих предприятий—текстильные и связанные с ними. Район их наибольшего распространения—Черкизово и Благуша. Среди предприятий выделяются несколько более крупных предприятий с неуклонной тенденцией к росту. Среди них лако-красильная фабрика Фридлендера (152 челов. рабоч.), картонажная фабрика и проч. Одно предприятие переоборудуется, строится новое помещение на 250 человек.

По всем имеющимся сведениям это количество имеет определенную тенденцию к довольно быстрому росту. По сравнению с количеством рабочих, занятых в предприятиях государственных и кооперативных 40—50 тыс. челов., 5—6 тыс. рабочих частных предприятий составляют около 11—12% от всего количества рабочих в госпромышленности.

По другим материалам, представленным III пленуму районного комитета от 29-го марта 26 г. Информ. Бюро, охватывающим несколько более узкий состав рабочих частных предприятий, эта тенденция к росту подтверждается достаточно ярко. Движение числа частных предприятий

района и числа, занятых в них рабочих может характеризоваться следующей таблицей:

Название профсоюзов	Количество частных предприятий.			Количество рабочих в них.		
	На 1/I—25 г.	На 1/I—26 г.	% увел.	На 1/I—25 г.	На 1/I—26 г.	% увел.
Текстильщиков . . .	102	216	111,8	1.713	2.212	29
Металлистов	59	105	78	634	940	48
Проч. производств. союзы	66	270	309	1.054	1.477	40
Всего . . .	227	591	160	3.401	4.629	36

Бауманский район по сравнению с другими районами, повидимому, в Москве имеет значительное количество рабочих в частных предприятиях.

Но и по Сокольническому району ячейки частных предприятий об'единяют около 5½ тыс. рабочих частных предприятий; но кроме того имеется значительное число рабочих мелких неучтенных предприятий.

Все частные предприятия района крайне мелки. Предприятий, имеющих свыше 50 челов., имеется в районе 8, свыше 10 чел.—29; подавляющее количество предприятий насчитывает менее 10 рабочих.

Мелкие предприятия растут. Количество рабочих на некоторых предприятиях в 1924—25 г. по сравнению с прошлым годом удвоилось.

Из обследования 5 более крупных предприятий района можно сделать вывод, что частные предприятия района являются жизненными, расширяются и с каждым годом становятся прибыльнее.

В Замоскворецком районе на частных предприятиях занято 5.020 челов. рабочих. К этому следует прибавить строительных рабочих частников около 1.000 чел., имеющих большей частью лишь сезонную работу.

Собственно, производственных рабочих в районе по нашим данным насчитывалось около 3.500 чел. Среди них наибольшее количество падает на металлистов и затем уже идут текстильные рабочие. По району, примерно, до апреля 1925 г. наблюдался «упадок частного производства». Второй период в их жизни Райком отмечает, примерно, начиная с мая 25 г., когда частники в производстве обнаруживают «быстрый рост, устойчивость». Этот период продолжается и сейчас (материалы райкома).

С 1/III до 20/IX—1925 года произошел в районе следующий рост частных предприятий по району: произошло абсолютное увеличение только членов союза рабочих частных предприятий на 1.074 чел., или на 15,8%. Количество металлистов

с 1.036 до 1.281 чел. или на+23,5%. Количество текстильщиков с 348 чел. увеличилось до 697 чел. или на+100%.

В Хамовническом районе рабочих в частных производственных предприятиях на 1/X—1925 г. насчитывалось 3.274 чел. Кроме того, сезонных рабочих у частников, главным образом строителей, насчитывалось 2.500 чел., всего производственных рабочих насчитывалось 5.774 чел.

Рабочие частных предприятий по группам делились следующим образом:

	Количество рабочих и предприятий по группам:		
	Колич. рабочих в предприятии	Количество предприятий	Всего рабочих
1. Штампов. ф-ка «Свет» . .	170	1	170 чел.
2. Предприятий с кол. раб. .	от 50 до 100 раб.	5	328 »
3. » » »	» 21 » 50 »	22	504 »
4. » » »	» 9 » 20 »	54	797 »
5. » » »	» 4 » 8 »	123	648 »
6. » » »	» 1 » 3 »	330	827 »
Всего . . .	—	535	3.274 чел.

Таким образом, по Хамовническому району 81 предприятие частников насчитывает около 1.629 чел. рабочих, т.-е половина всех рабочих частных предприятий сосредоточена на предприятиях, имеющих от 9 и больше рабочих.

Наибольшую производственную группу в районе составляют рабочие металлисты—635 чел.

В Пресненском районе количество производственных рабочих составляет 4.559 чел., сезонных (главным образом строителей) 534 челов.

Всего производственных 5.093 чел. или всего по району—7.096 чел.

Наиболее сильными группами рабочих частных предприятий района являются рабочие металлисты—939 чел. и печатники—785 чел.

В Рогожско-Симоновском районе, подсчет касается только рабочих, об'единенных в группкомы. По этим неполным данным в районе производственных рабочих на частных предприятиях 2.573 чел., а всего с непроизводственными—4.011 чел. Сезонных рабочих (строительных) не менее 500 чел. В районе наибольшее количество печатников—619 чел., химиков—359 и металлистов—312 чел. (настоящий материал сообщен мне зав. Агитпропом Рогожско-Симоновского района).

По другим материалам Рогожско-Симоновского районного комитета, охватывающим более узкий круг предприятий, мы име-

ем следующие данные о движении частных предприятий и количестве рабочих на них.

Группком	Количество предприятий			Количество рабочих в них			Из них женщин
	На 1/X 25 г.	На 1/III 26 г.	+ −	На 1/X 25 г.	На 1/III 26 г.	+ −	На 1/III 26 г.
Металлисты	35	47	+ 12	385	421	+ 36	41
Транспортники	137	165	+ 28	447	524	+ 77	5
Химики	34	40	+ 6	300	338	+ 38	67
Текстильщики	15	20	+ 5	258	244	— 14	83
Кожевники	11	28	+ 11	115	150	+ 35	17
Деревообделочн.	26	22	— 4	192	214	+ 22	29
Всего	258	316	+ 58	1.697	1.891	+ 194	242

Таким образом, налицо имеется рост предприятий и количества рабочих, при чем главным образом за счет транспортников и химиков, составляющих 60% общего роста, но замедленный. Следует отметить, что возникают главным образом мелкие предприятия с количеством рабочих до 5-ти. Одновременно с этим ликвидировались за этот период по разным причинам 12 предприятий.

В общем, по этим далеко неполным данным по одной Москве в настоящее время насчитывается всех рабочих частных предприятий, примерно, 45—46 тыс. чел., из них производственных рабочих около 24—25 тыс. рабочих.

Таким образом на общее количество рабочих по Москве в 200.000 чел. (вместе с жел.-дор. рабочими), приходится около 25.000 рабочих частных предприятий или 12,5% к рабочим госпредприятий.

Эти данные говорят за то, что уже теперь эта рабочая масса, по большей части только что пришедшая из деревни, нуждается в большем внимании к ней со стороны парт-и профорганизаций.

Рабочие частных предприятий—это далеко не всегда чистокровные пролетарии. Они тысячью переходных ступеней и ступенек связаны к кустарем. Частные предприятия—мелкие и мельчайшие из них мало чем отличаются от кустарных. Но они растут, растут непрерывно, выделяя на одном конце капиталистов с 100—200—300 рабочих, а на другом — уходя корнями в деревню, будучи тесно связанными с кустарем и сельским хозяйством.

Каково же положение этой вновь пришедшей в город рабочей массы, вчера еще связанной с деревней.

Данных для исчерпывающего ответа на этот вопрос у нас недостаточно. Однако, в целом ряде случаев мы можем установить эту картину. **Частные предприятия покрупнее**

обычно платят рабочим более высокую зарплату, чем в государственных предприятиях.

В Бауманском районе в результате обследования выяснилось, что на лако-красочном заводе Фридлендера реальная зарплата на 40—50% выше. Зарплата на предприятиях, об'единяемых группкомом печатников, Бауманский район (всего 274 чел. рабочих), на частных предприятиях по номиналу коллективного договора на 12% выше, чем на госпредприятиях. Реальная зарплата по вычислению группкома выше на 18%.

Зарплата на предприятиях II об'единенного завкома союза металлистов Бауманского района выше довоенной и выше соответствующей зарплаты госпредприятий. Так, в соответствующих госпредприятиях по первому разряду платят 19 р. 20 к., средний разряд 6-й и средний заработок равен 60 руб. в месяц, у рабочих частных предприятий ставка 1-го разряда 27 р. 80 к., средний разряд 5-й и заработок равен 80 руб. в месяц, а высшие доходят до 200 руб. (Все эти сведения взяты из материалов по обследованию этих предприятий. *Г. Л.*).

Но подобное положение существует далеко не на всех частных предприятиях. Вот выводы товарищей обследователей частных предприятий по Сокольническому району: «Второй тип предприятий—эксплоатация, несоблюдение колдоговоров, конфликты более острого характера, чем переводы из разряда в разряд, когда споры доходят до трегейского суда—имеют место в мельчайших предприятиях швейного, химического, текстильного производства. В подобных предприятиях (напр., вышивальная мастерская Геничке) колдоговор заключается в третейском суде, зарплата выдается несвоевременно».

Но все же обследователи по Сокольническому району в выводах пишут—на частных предприятиях «колдоговор за малыми исключениями выполняется аккуратно», «зарплата в частных предприятиях, как правило, выше, чем в государственных. В среднем зарплата рабочего на частном предприятии составляет 85 руб.».

Вот табличка, составленная по данным соответствующих Губотделов профсоюзов Информ. Бюро Сокольнического района.

	Номинальная		Реальная	
	Госпр.	Частн.	Госпр.	Частн.
	В процентах			
Текстильщики	100	135	100	121
Химики	100	141	100	105,7
Металлисты	100	155	100	134
Пищевики	100	114	100	107,4
Совработники	100	206	100	—
Кожевники	100	123	100	—

На большую высоту зарплаты по сравнению с госпредприятиями указывают и данные ВЦСПС. Средняя ставка в частных предприятиях по отношению к госпредприятиям по металлическим, начиная, примерно, с 1924 года, была выше процентов на 30, по деревообделочной промышленности даже доходила до 41%,

по кожевенной—25%, хлопчато-бумажной до 47%, швейной—37%. В среднем по обрабатывающей промышленности зарплата рабочих в частных предприятиях по данным ВЦСПС выше, примерно, на 30%, чем в госпредприятиях.

То же самое отмечают и последние данные по Рогожско-Симоновскому району. Зарплата по группкомам металлистов выше на 37%, чем в госпредприятиях, химиков на 28% и текстильщиков на 26%.

Товарищи из других районов, в общем, подтверждают эти выводы о более высокой зарплате на частных предприятиях с количеством рабочих выше 9 чел. В предприятиях мельчайших, еще не выкристаллизовавшихся из кустарных, зарплата часто ниже, а зависимость от хозяина чувствуется в резкой форме.

Вот отзыв обследователей о положении на предприятиях этого рода II завкома металлистов Бауманского района: «Чувствуется экономическая зависимость от хозяина, почему делегаты и профуполномоченные на предприятиях никакой общественной или профессиональной работы не ведут, боясь нагрубить хозяину». В результате начинает пышным цветом произрастать подхалимство. На этих предприятиях имеется 54 профделегата. «Отношения у большинства из них к предпринимателям мирные или дружественные, различные правонарушения предпринимателя укрывают: прием без Биржи Труда и без ведома завкома нечленов союза—такие имеются на большинстве предприятий. Один делегат настаивал на приеме в члены союза хозяйского сына, один делегат является в то же время и подгонялом рабочих (заведующий мастерской)».

Сокольнический райком об'ясняет слабость участия рабочих частных предприятий в общественной и профсоюзной жизни двояко: 1) безразличие, пассивность рабочих, как результат запуганности, сознание своей зависимости от хозяйчика и опасение быть выгнанным в случае неосторожных выступлений (ф-ка «Триумф»); 2) как результат благополучного материального состояния под надежным крылом «благодетеля», высокого уровня зарплаты, «хорошего» обхождения и пр. (Трансп. раб. арм. завод).

«Часто на заводе хозяин культивирует патриархальные нравы». «Характерно для частного предприятия угощения—подарки», пишет товарищ. «Так, хозяин Шабат устраивал угощения в сентябре 1925 г. по случаю дня рождения сына и еще несколько раз».

Почти на всех частных предприятиях строго соблюдаются религиозные праздники, не признаваемые нашим календарем.

Но некоторые капиталисты последней марки «советские хозяева» вносят новые методы и формы в свои отношения к рабочим. Как на пример таких новых форм укажем на завод Фридлендера с 152 чел. рабочих (лаки, краски).

На оборудование дома для рабочих хозяин отпускает 30 тыс. руб. Фридлендер вызвался содержать ясли и детский сад при доме. Зарплата у него на 40—50% выше, чем в госпредприятиях. Фридлендер очень «дорожит» «своими» рабочими и неохотно берет со стороны. Особенно не любит коммунистов со стороны. К вступлению же в партию своих рабочих относится благосклонно. Вообще к рабочим он старается быть «ласковым» и «уступчивым» и он достиг своего: «рабочие к нему чрезвычайно хорошо относятся, считают совершенно нормальным эксплоатацию их капиталистом и считают большим несчастьем быть рабочими госпредприятий». Фридлендер не только не препятствовал тому, чтобы у него в завком прошли коммунисты, но он даже убеждал в необходимости провести в завком большинство коммунистов и теперь из 5 человек завкома 4 члена ВКП. (Данные относятся к 1925 году). Хозяин так поставил себя на этом заводе, что «рабочие во всех недоразумениях готовы обвинять завком, но не хозяина». (Все взятое в кавычки приведено из материалов парт-обследования).

Эти частные и полукустарные предприятия вдвигают в политическую жизнь новые десятки и сотни тысяч людей со своей особой психологией, навыками, с чрезвычайно низкой политической грамотностью, подчас очень зависимых от «хозяйчиков», от «раздатчика», от «капиталистика».

Все это обязывает партийную организацию внимательно следить за этими слоями, впервые приходящими к политической и гражданской жизни.

Для партии при работе среди кустарей и рабочих частных предприятий основным вопросом является: за кем пойдет промысловая кооперация и за кем пойдет рабочий частного предприятия.

Будет ли кустарь связан с крупной промышленностью и государством через свои кооперативы, получая оттуда сырье, сбывая через потребкооперацию свою продукцию, кредитуясь в государственных кредитных учреждениях и т. д.? Или он будет связан с частником, который непосредственно обслуживает отдельных, необ'единенных в кооперацию потребителей, авансирует производство кустарей, достает для него сырье и проч. и проч.?

Будет ли кустарь входить в систему частного промышленно-торгового капитала или же он будет входить в систему кооперативных и государственных организаций страны?

Для нас чрезвычайно важно—войдут ли рабочие-частники в профсоюзы, будут ли они вести классовую линию по отношению к своим хозяевам, или же они, заинтересованные в поддержании частных предприятий, связанные тысячами кровных нитей с мелким хозяйчиком, боясь угроз о закрытии предприятия, понижения зарплаты или увольнения, будут «защищать» хозяина; будут ли они нажимать на профсоюз с тем, чтобы он защитил их вместе с хозяйчиком, нажимать на экономические и хозяйственные организации с той целью, чтобы предприятия хозяина были обеспечены сырьем, будут ли всячески отстаивать существование хозяина и его предприятия, который «по-божески» обходится с ними и который «кормит» их.

Эти вопросы имеют крупнейшее значение для нашей партии.

Нечего и говорить, что культурный и политический уровень рабочей массы частных предприятий чрезвычайно низкий, процент членов и кандидатов партии на частных предприятиях значительно ниже, чем на государственных. Так в Бауманском районе, данные относятся к 1925 году, на госпредприятиях он равняется 19% от количества рабочих, на частных в Бауманском и Пресненском районах—3%. В Сокольниках и Хамовниках этот процент поднимается до 5%. В Рогожско-Симоновском районе коммунистов на частных производственных предприятиях

3% или 4%, в то время как общий процент к рабочим и служащим госпредприятий в районе около 15%.

Культурная и политическая работа среди этой рабочей массы ведется до сих пор чрезвычайно слабо. Масса распыленных мелких предприятий, ничтожный процент (3—4%) коммунистов на предприятии, зависимость и боязнь хозяина, подчас благополучное материальное положение—все это способствует отрыву рабочих частных предприятий от партийной и профессиональной жизни.

13-я Московская партконференция рекомендовала как наиболее правильный подход к рабочим-частникам—через профсоюзы. Однако, последние еще недостаточно раскачались.

«Необходимо поставить перед Губпартконференцией вопрос о невыполнении профсоюзными организациями постановления 13-й партконференции об отпуске необходимых средств для ведения их работы». Пишут товарищи из Москворецкого р-на. Слабое внимание к постановке профработы—основная жалоба, идущая отовсюду.

Профсоюзы до сих пор слишком формально относятся к обслуживанию рабочих частных предприятий. Формализм профсоюзов может быть характеризован тем, что внимание к рабочим частных предприятий уделяется пропорционально количеству этих рабочих на данном предприятии. Сообразно с этим в строгой пропорции отчисляются средства на культнужды, на выписку прессы, на создание библиотеки и т. д. Все частные предприятия приписываются к клубам, часто находящимся на очень далеком расстоянии от этого частного предприятия и т. д.

Не лучше обстоит дело с партработой.

В Бауманском районе к частникам были прикреплены вузовцы, которые за лето все раз'ехались, а оставшиеся разбежались. (Это писалось в отношении лета 1925 года). В настоящее время (лето 1926 года) повторилось то же самое. В Бауманском районе к ячейкам частных предприятий вузовцы прикреплялись на 80—85%; с наступлением каникул они естественно раз'ехались и ячейки частных предприятий снова остались на произвол судьбы.

Но и помимо этого естественного перерыва, связанного с работой вузовцев, самый опыт работы их показывает, что к частникам надо направлять не вузовцев. Масса рабочих частных предприятий связана тесно с деревней, мало культурна, находится в большой зависимости от хозяйчиков. Вузовец, попадая в ячейку, пытается говорить книжным языком, не имеет того практического опыта рабочей борьбы, который имеет за собой рядовик рабочий—коммунист с госпредприятия. Требования, которые пред'являют рабочие частных предприятий — «поменьше книжности и попроще, дайте нам рабочих коммунистов из соседних ячеек госпредприятий».

Психология рабочего частного предприятия очень часто разнится от психологии рабочего государственного предприятия. На большом кустовом собрании партийцев и беспартийного актива частных предприятий и в прениях и в записках рабочие упорно обращались ко мне, как к докладчику: «Об'ясните мне, чем это об'ясняется, что фабрика берется у частного предпринимателя и сразу получает убыток, так что фабрика разрушается и рабочие

остаются за бортом»; «Будьте добры, об'ясните, почему мы убиваем свой частный капитал, а иностранный капитал разрешаете?»; «Чем об'ясняется тот кризис, который переживают частные хозяева?»; «Чем об'ясняется неучет нашими банками в настоящее время векселей, чем многие частные предприятия обречены на гибель?»; «Предпринимается ли помощь со стороны наших банков в смысле улучшения финансового положения частной промышленности?».

Рабочие частных предприятий (пишущий неоднократно выступал на ряде собраний среди частников) часто упорно уверены, что госпромышленность неизбежно должна быть побита частным капиталом, если бы последнему «дали волю». Они думают, что только благодаря административному зажиму частник держится в определенных рамках. Многие из них не верят в то, что социалистическая форма производства выше, чем капиталистическая.

Обстановка работы среди рабочих частников при более высокой зарплате, при чрезвычайно тесной связи с деревней, с крестьянским хозяйством необычайно трудна и естественно, что вузовцам часто не под силу справиться с вопросами и потребностями, которые возникают у рабочих частных предприятий кустарей.

Опыт прикрепления товарищей из советских ячеек тоже пока не дал больших результатов в ряде районов.

Мы должны проблему работы среди рабочих частных предприятий продумать более серьезно и внимательно.

Два, три года тому назад мы могли проходить мимо этого вопроса. В настоящее время мы обязаны уделить этому вопросу серьезное внимание. Ведь частники-рабочие составляют около 12—13% от всех рабочих госпредприятий Москвы. Их заработок гораздо выше среднего, а политический уровень—ниже. Они связаны тесно с хозяином, с одной стороны, а с другой стороны, с деревней и с крестьянским хозяйством. Рабочие частники могут своей отсталостью давить на рабочих близлежащих заводов. При этом не надо забывать, что частные предприятия разбросаны по Москве далеко неравномерно.

Следует также отметить то, что рабочие частных предприятий редко созываются на собрания совместно с рабочими госпредприятий. Нет той постоянной связи, которая способствует взаимному пониманию рабочих госпромышленности и частников. Даже летом при организации загородных экскурсий и гуляний, очень часто наши районы забывают или обходят рабочих частных предприятий.

Больше внимания к частнику и кустарю в нашей повседневной парт-и профработе. Надо проверить, что сделано в осуществление решений 13-й Московской партконференции для постановки работы на частных предприятиях. Надо, на основании прошедшего времени, подытожить опыт проделанной работы и сделать вытекающие отсюда выводы. Наконец, по всему СССР мы обязаны поставить учет частника и кустаря, должны разработать методы агитационного и организационного подхода к нему. Кустарь и рабочий частник должны быть вовлечены в общественно-политическую жизнь страны.

А. Бернар.

Пути большевизации КПФ.

(Пятый с'езд КПФ.)

После того, как в течение долгого времени в центре внимания всех тех, кто следил за развитием западно-европейских компартий, стояла германская компартия, теперь внимание сосредоточилось на двух других партиях—английской и французской. Само собой напрашивается вопрос о том, как ведут себя компартии этих стран во время великих кризисов, переживаемых там господствующим классом. Представляется необходимым изучить более конкретно партии именно этих стран, отдать себе отчет в реальных этапах, которые они теперь проходят, в их слабых сторонах и в перспективах их развития. Слишком распространено представление о развитии Коммунистического Интернационала, как о прямой восходящей линии, и поэтому многие удивляются, когда постоянно слышат о трудностях, возникающих в секциях Коминтерна, и когда обнаруживается, насколько слабы во всех отношениях наши западно-европейские братские организации, если сравнить их, скажем, например, с русской партией. Мы попытаемся здесь, опираясь на данные пятого с'езда КПФ, дать картину действительного положения этой секции Коминтерна, имеющей в настоящее время столь важное значение.

Среди учеников Геда.

5-й с'езд КПФ состоялся в Лилле, главном городе северного промышленного района Франции. Север Франции—это та часть страны, в которой в последние десятилетия прошлого века образовалась под руководством учеников Маркса, Лафарга и Геда, первая марксистская рабочая организация во Франции. В настоящее время север Франции является той частью страны, в которой в наиболее поразительной форме произошла быстрая индустриализация Франции и модернизация ее производственного аппарата. В рядах могучего пролетариата северной Франции до сих пор пользуется наибольшим влиянием социалистическая партия. Это об'ясняется тем обстоятельством, что в этой лучшей части французского пролетариата еще живут традиции старой социалистической рабочей партии, не перенесенные на коммунистическую партию, и связанные в представлении рабочих севера с социалистической партией.

Мысль, побудившая ЦК компартии созвать пятый с'езд в северной Франции в тот момент, когда социалистическая партия переживает новое потрясение и когда доверие старых революционно настроенных членов к социалистической партии пошатнулось, была очень правильной. Публичная демонстрация, устроенная накануне открытия с'езда, была проведена всецело под знаком той идеи, что лишь одна коммунистическая партия

восприняла традиции революционного марксизма,—традиции Геда и Лафарга, и проводит их жизнь. В президиум массового митинга, состоявшего на историческом гиппodроме, который был ареной великого политического сражения между Гедом и Жоресом по вопросу о революционной и реформистской тактике в 1902 г., вошли трое старых рабочих, принадлежавших к числу основателей Социалистической Рабочей Партии Франции. Среди 3000, присутствовавших на митинге и внимательно слушавших речи коммунистических ораторов рабочих, большинство принадлежало к социалистической партии. И именно эти старые революционные социалисты аплодировали как тов. Кашену, своему старому знакомому по социалистической партии, так и молодым рабочим, т.т. Семару и Торезу, рисовавшим картину банкротства социалистической партии и излагавшим программу компартии. И не один из этих старых текстильщиков и горняков был вынужден скрыть выступившие на глазах слезы, вызванные глубоко прочувствованными словами старого борца Кашена и молодых мужественных коммунистов.

Демонстрация, прошедшая после этого митинга по улицам Лилля, была грандиозной манифестацией в пользу единого революционного пролетарского фронта и против коалиционной политики и колеблющейся позиции различных групп социалистической партии.

Но за этим первым многообещающим шагом, сделанным Компартией, в качестве наследницы славных традиций революционного пролетариата Северной Франции и передового борца за создание единого революционного фронта масс, не последовало правильного продолжения. Заседания с'езда происходили при закрытых дверях, и до сих пор массы революционно настроенных французских рабочих имеют представление о том, что на нем происходило и о принятых им резолюциях лишь из весьма неполных кратких сообщений в «Юманите» и из отпечатанного где-то в укромном уголке коммунистической партийной газеты манифеста к французскому пролетариату.

С'езд оставил в массах впечатление о партии, как о замкнутом, недоступном пропагандистском обществе.

Секта?

Это одна из величайших слабостей, которую мы должны установить относительно Коммунистической партии Франции. На каждом шагу она бросается в глаза. Жизнь партии разыгрывается где-то за кулисами. Рабочие массы почти ничего не знают о жизни партии, кроме проводимых ею кампаний. За весьма немногочисленными исключениями резолюции ее центрального комитета по важнейшим вопросам политической жизни остаются секретными. В то время, как резолюции и позиция центрального комитета социалистической партии, не имеющей своей собственной газеты, печатаются и комментируются везде, сама Коммунистическая партия часто не знает постановлений своего руководящего органа. Все это позволяет противникам коммунизма во Франции применять к компартии тактику молчания и представлять ее в виде секты. Партия, оказавшаяся в силах осенью 1924 г. по поводу перенесения останков Жореса в Пантеон собрать под своими знаменами в одном Париже 200.000 рабочих,

выведшая на улицу около миллиона для того, чтобы демонстрировать против марокканской войны,—эта партия должна терпеливо смотреть, как ее образ искажается в глазах масс и как в результате этого многие сочувствующие ей рабочие не решаются вступить в ее ряды.

Два факта, выяснившиеся на 5-м конгрессе, говорят как будто за то, что Коммунистическая партия Франции является не имеющей значения сектой:

1) В докладе ЦК сообщалось, что число членов партии, достигавшее в момент раскола социалистической партии в Туре (1921 г.) около 100.000, со времени последнего с'езда (январь 1925 г.) упало с 70.000 до 55.000. В то время, как занятое в производстве население Франции возросло с 12 до 14 миллионов, а число членов социалистической партии, в которой после раскола осталось лишь несколько десятков тысяч человек, увеличилось на 112.000, компартия обнаружила такой регресс. И это в такой период, когда недовольство трудящихся масс дороговизной, колониальной войной, становящейся все более реакционной политикой правительства, постоянно возрастало, когда сотни тысяч рабочих устраивали демонстрации против правительства, когда стачечная война с каждым месяцем поднималась. Правда, этому падению числа членов можно противопоставить постоянный рост в течение последних месяцев тиража центрального органа партии, «Юманите», распространяемого теперь в 230.000 экземпляров. Но этот рост тиража центрального органа является лишь отражением растущего идеологического влияния коммунизма на рабочие массы. В связи с этим регресс коммунистической организации представляется еще более странным явлением.

2) В течение длившихся восемь дней занятий с'езда делегаты компартии почти ни одним словом не коснулись великих политических проблем, волновавших как раз в тот момент всю страну. Ни одного почти слова не было сказано по поводу увеличившегося числа стачек (86 в мае, 360 в июне), ни одного почти слова о падении кабинета Бриана, о новом кабинете Бриана—Кайо и о его финансовой программе, о новом неслыханном падении франка, об усилении деятельности фашистов. Все эти явления нашли отклик лишь в академических реформах и составленных в весьма общей форме постановлениях. Весьма оживленные дискуссии, происходившие на с'езде, вертелись вокруг прошлого партии, вокруг тактических ошибок той или иной группы и вокруг внутренних течений, имеющихся в партии. Чуть ли не самая большая часть времени, посвященного дискуссии, была занята обсуждением международной проблемы, а именно, взаимоотношений между Европой и Америкой.

И все же мы считаем, что этот с'езд, не оправдавший тех надежд, которые возбудило его удачное открытие, является положительным событием в истории Коминтерна, и мы смотрим на будущее КПФ с непомраченной надеждой.

Плюс или минус?

Придерживаться этого оптимистического взгляда нас заставляют следующие обстоятельства. Партия имеет позади себя период своего развития, в течение которого ей угрожали величайшие опасности. Общая политическая ситуация в стране и быстро

совершившееся изменение ее экономической, политической и социальной структуры создало такое положение, при котором стали весьма возможными оппортунистические уклоны, поворот всей партии в сторону мелкобуржуазного лагеря и даже ликвидация партии. Партия избежала, однако, всех этих опасностей. Наоборот, она именно в это время организовалась как действительно рабочая партия, она во всех областях своей деятельности сделала решительные шаги к тому, чтобы стать политической массовой партией, она одержала идеологическую и организационную победу над мелкобуржуазными тенденциями, имевшимися внутри ее самой, и она достигла консолидации вокруг ядра молодых, способных пролетарских вождей всех истинно революционных элементов, обещающих стать настоящей большевистской гвардией. Получается впечатление, будто партия идет в хвосте событий, будто представляет собой совещательную, критикующую организацию, а не политически руководящую. И это не только кажется так. Можно действительно найти за последние два года подобные моменты в деятельности партии. И мы меньше, чем кто-либо, склонны недооценивать эти опасности.

Но тот отпор, который партия дала всем мелкобуржуазным опасностям, напиравшим на нее со всех сторон, тот переворот, который при этом совершился внутри партии как в идеологическом, так и в организационном отношении, должны при данных обстоятельствах быть ей зачтены как плюс. В течение того периода, когда совершалось это превращение, партия действительно отставала от политических событий и часто скорее пассивно реагировала на них, чем активно руководила ими. Но Франция вступает в настоящее время в новый период развития. Борьба за стабилизацию и проведение стабилизации об'единит происходящие теперь рассеянные и все вырастающие экономические битвы и превратит их в великие выступления, которые неизбежно приобретут политический характер. Вся эволюция партии за последнее время была не чем иным, как бесшумной подготовкой к этому периоду в французском рабочем движении. И мы полагаем, что если приходилось выбирать между отказом от активных выступлений в течение закончившегося периода и отказом от политического руководства в будущих битвах, то лучше было решиться на первое.

Опасность мелкобуржуазного вырождения и ее преодоление.

Мы дали в другом месте более или менее подробное описание особенностей кризиса, переживаемого французским империализмом [1]). Здесь нас больше всего интересует следующее. В закончившемся периоде вся тяжесть кризиса пала на плечи мелкобуржуазных масс. Поэтому и политическая реакция на кризис должна была особенно сильно обнаружиться в лагере мелкой буржуазии. Весь последний год прошел под знаком радикализации сельских и городских средних слоев. Все партии, представляющие интересы этих слоев, должны были пережить сильные потрясения. Ушедшие влево массы искали вождей. Социалистическая партия обанкротилась в этом отношении. В качестве

[1]) «Большевик», № 7—8, стр. 44.

партии левого крыла буржуазии и вследствие того, что часть ее руководителей идет рука об руку с определенными группами обрабатывающей промышленности и банковского капитала, она не смогла удовлетворить даже умеренные требования радикализирующейся мелкой буржуазии. Поэтому наиболее активные элементы мелкой буржуазии производили давление на компартию, пытались приспособить ее политику к своим целям и привлечь ее к участию в мелкобуржуазных выступлениях.

В то же время положение пролетарских масс оставалось более или менее прочным. Об'ективные последствия переворота, совершавшегося в экономической структуре, последствия финансового и политического кризиса, еще не дошли до сознания пролетариата. Рабочие чувствовали, что они находятся более или менее в хорошем положении. Не было вовсе безработицы, ставки заработной платы не понижались и обнаруживали даже постоянную повышательную тенденцию. Стачки, вспыхнувшие в течение этого периода, закончились большей частью победой (из 80 стачек в мае 61 была вполне успешной). В виду постоянно благоприятной кон'юнктуры, получившейся для тяжелой и обрабатывающей промышленности в результате медленной инфляции, предприниматели не оказывали особенно сильного сопротивления. Продолжение стачки причинило бы им больший убыток, чем относительно незначительные и быстро выравнивавшиеся, благодаря обесценению денег, повышения заработной платы. Правительство левого блока сумело посредством целого ряда «политических жестов» внушить пацифистски воспитанным рабочим массам мысль о постепенной победе его принципов.

Легко понять, какие огромные опасности создала для компартии эта политическая ситуация. К этому времени социалистическая партия превратилась окончательно в мелкобуржуазную радикальную партию, даже и по своему составу. Коммунистической партии угрожала такая же участь. Эта опасность проявилась весьма конкретно в виде образования внутри партии сильной правой оппозиции. Ее программа по существу явилась программой приспособления компартии к мелкобуржуазным стремлениям: отказ от революционной политики в отношении колониальных войн и ограничение деятельности партии в этой области выставлением пацифистских лозунгов; применение тактики единого фронта в «приемлемой для социалистической партии форме», т.-е. установление единого фронта с мелкобуржуазными организациями, в роде франк-масонов, Лиги Прав человека и т. д.; отказ от принципа организации партии на основе фабрично-заводских ячеек и возврат к местным группам, в которых руководящую роль, как в старой социалистической партии, должен был играть городской мелкобуржуазный элемент.

Когда центральный комитет партии зимою прошлого года начал вести энергичную борьбу против этой правой оппозиции и когда ему удалось вогнать клин между следовавшими за ней рабочими элементами и мелкобуржуазными вожаками, образовалось новое примирительное течение, так наз. центристское, защищавшее по существу ту же программу с теми же, лишь несколько смягченными, лозунгами. На 6-м пленуме ИККИ, на котором правая оппозиция дала понять через своего представителя, что она начала отступление, во время дискуссии о тактических разногласиях внутри партии речь шла, главным образом, об этом центристском течении.

Мы еще раз повторяем, что опасность правых уклонов и мелкобуржуазного вырождения партии была чрезвычайно велика. ИККИ также ясно подчеркнул это в своей резолюции по французскому вопросу. После лилльского с'езда мы можем сказать с уверенностью, что эти опасности окончательно устранены. В период, предшествовавший с'езду, правая (за исключением своего синдикалистского крыла, еще и теперь продолжающего свою деятельность в прежних размерах) держала себя весьма молчаливо. Причину этого следует искать в полном разложении этой группы, которая уже сама по себе не отличается однородностью своего состава. Ясная позиция Коминтерна, исправление центральным комитетом сделанных им прежде ошибок и возвращение рабочих элементов в ряды партийного большинства—все это вместе разбило блок правой оппозиции. На с'езде она имела только одного представителя, присутствовавшего с совещательным голосом, тов. Готье, речь которого можно назвать лебединой песней оппозиции. Он повторял старые нападки правых, при чем на этот раз усилил их, бросив Коминтерну упрек в том, будто его политика направляется интересами политики СССР, как государства, и будто она фальсифицируется в результате русских внутрипартийных конфликтов. Говорил он это не от имени оппозиции, а от своего собственного имени, одновременно выдав тайну прежней деятельности фракции и назвав себя автором ее платформы, письма 250-ти. Его речь не произвела абсолютно никакого впечатления. Присутствовавшие на с'езде 254 делегата, из которых было 190 рабочих (из них 112 от станка) и 14 крестьян, и всего лишь 87 товарищей, принадлежащих к партийному аппарату, не удостоили его речь даже проявлениями своего возмущения, Готье бы и остался совершенно изолированным. А центристское течение, принимавшее более живое участие в дискуссии, и с которым полемизировали многие ораторы, заявило к концу с'езда устами своих лидеров—Эмбердо и Морено, что существование его потеряло всякий смысл и что оно распускается.

Французская секция Коминтерна благополучно прошла мимо Сциллы мелкобуржуазного вырождения, угрожавшей поглотить всю партию. Она осталась пролетарской и коммунистической партией и та страстная полемика, которую она вела с мелкобуржуазными элементами, на долгое время предохранит ее от этой опасности.

Этапы развития партии.

В чем же состоит по существу прогресс партии, который мы может установить, несмотря на все указанные выше недостатки? В каком положении находится партия? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны дать краткий обзор важнейших этапов развития партии в течение последних лет.

В последние годы партия пережила такое радикальное превращение, что по ее составу мы имеем в настоящее время перед собой почти совершенно новую партию. Фоном, на котором совершалось это превращение, было изменение экономической и социальной структуры страны. Быстро развивавшаяся индустриализация страны после войны, концентрация производства, чис-

ленное увеличение пролетариата, иммиграция сотен тысяч иностранных рабочих, приведшая к тому, что старые местные рабочие слои образовали некоторым образом верхний слой в общепролетарской массе, разложение слоя рантье, радикальное изменение положения, которое занимало среднее и бедное крестьянство в общем хозяйственном процессе и прежде всего в финансовой системе страны,—все это не могло не оказать глубочайшего влияния на рабочее движение Франции.

Старые активные элементы рабочего класса, попавшие еще до войны в качестве жоресистов или синдикалистов, несмотря на все свои революционные фразы, в об'ятия реформизма, теперь полностью перешли в лагерь буржуазии. Эти элементы, частью воспитанные государственным аппаратом, в качестве мэров, муниципальных советников, всякого рода чиновников, частью попавшие в ряды рабочей аристократии или ставшие мелкими предпринимателями,—эти элементы образовали реакционное ядро социалистической партии и амстердамских профессиональных об'единений. Часть из них, правда, при расколе французской партии осталась на стороне коммунистов, но они отхлынули опять назад, утонули в море беспартийных или снова возвратились в социалистическую партию, когда оказалось, что состоять членом компартии—дело серьезное.

Но из рядов того поколения, которое участвовало в войне, из рядов сконцентрировавшегося в крупных городах и промышленных центрах молодого пролетариата явилась новая смена действительно революционно-настроенных элементов. В то время, как на одной стороне бывшие члены старой социалистической партии целыми толпами оставляли ряды компартии, с другой стороны — в партию притекали эти молодые силы. Часть из последних сознательно оставалась прежде вне партии, так как она видела в ней лишь избирательный аппарат и лестницу для карьеры тщеславных политиканов. Другая часть их лишь во время войны и в послевоенные годы пробудилась к сознательной политической жизни и инстинктивно почувствовала влечение к коммунистической партии.

Это великое передвижение, в котором нашли свое отражение изменения, происшедшие в структуре французского пролетариата, характерно для всех последних лет эволюции партии. Доклад ЦК, отмечая падение числа членов партии, добавляет, что в течение отчетного периода (с января 1925 г.) состав членов обновился приблизительно на 73%.

Таков фон, на котором происходил постепенный переход партии от левого социализма к коммунизму. Три этапа, пройденных партией, очень сильно похожи на этапы в развитии германской партии. Мы здесь, кажется, действительно имеем дело с известными законами развития коммунистических партий в послевоенный период. Развитие компартии во Франции произошло лишь в менее насильственной форме и с меньшими фактическими потерями. Это об'ясняется тем обстоятельством, что французской партии в течение этого времени не пришлось вести таких крупных боев и потерпеть столь тяжелое поражение, как германской. Французской партии не пришлось еще увидеть революцию, в то время, как германская прошла через огонь уличных

боев-сражений 1919 года, а также через бои за власть и через поражение 1923 г.

Первый этап развития был отмечен господством в ней оставшихся после раскола в Коминтерне левых социалистических вождей, от Фрассора до Жоржа Пиош. Против этого некоммунистического руководства восстали входящие в состав партии рабочие массы. Эти массы сами не были еще в состоянии в ясной форме изложить свое недовольство социал-демократическим руководством, а тем более не могли выдвинуть из своей собственной среды новых вождей. Но они были достаточно сильны для того, чтобы сделать невозможным для этих лидеров дальнейшее пребывание в партии.

Руководство перешло в течение второго этапа к радикальным мелкобуржуазным элементам, ведшим во главе «левой оппозиции» борьбу против прежнего поколения лидеров. Мы можем теперь, после того как эти радикальные мелкобуржуазные элементы, как Рут Фишер и Маслов в Германии, уже отхозяйничали или уже выбыли из руководящих мест партии, как Трен и Сусанна Жиро во Франции, определить их историческую роль в развитии коммунистической партии. Если мы теперь считаем их людьми, опасными для коммунистической партии, фактором мелкобуржуазного вырождения, то мы все-таки никогда не забудем той роли, которую они сыграли в борьбе против оппортунистического руководства, в самоопределении партии и в сохранении единства партии. Их сила состояла в том, что они явились выразителями того сопротивления, которое партийные рабочие массы оказывали в несовсем сознательной форме оппортунизму и, таким образом, сделали возможной борьбу с оппортунизмом и победу над ним. Они выступали везде в тесном единении с лучшими, появившимися из партийных пролетарских слоев будущими вождями. Но когда эти последние закончили свое политическое образование, когда они сами стали сознательными носителями революционных настроений пролетарской части партии, тогда обнаружился истинный политический смысл линии, проводившейся радикальными мелкобуржуазными левыми вождями. Они оказались ультра-левыми, сектантами, не понимавшими роли партии, как пролетарской массовой партии. Они толкали партию на путь изоляции, они проваливались каждый раз, когда в широких рабочих массах возникали новые стихийные движения, во главе которых должна была бы встать коммунистическая партия. Так случилось в Германии с движением, сопровождавшим президентские выборы, во Франции—с движением против марокканской войны. По вопросу о тактике, которую следовало применить в этих случаях, дело дошло до раскола между левыми мелкобуржуазными вождями и их союзниками, молодыми вождями из рабочей среды.

Победили последние, и в их руки не без более или менее тяжелой борьбы перешло теперь руководство партией. Ядро партийного руководства образуют теперь новые рабочие вожди типа Тельмана в Германии и Семара во Франции. Не подлежит сомнению, что эти элементы пока еще очень слабы в области теории. Они не раз уже терялись в первые моменты, когда возникали новые политические проблемы. Но это как раз те элементы, которые призваны в нынешний период, переживаемый коммунистическими партиями, ставшими действительно рабочими пар-

тиями, вести их по пути большевизации. Ибо они, в полнейшем смысле слова, являются представителями всей партии, а через партию и всего пролетариата страны.

Детские болезни и их лечение.

Лилльский с'езд отмечен окончательным переходом к этим элементам руководства компартией Франции и уничтожением тех ультра-левых уклонов, которые проявились и во французской партии под руководством мелкобуржуазных левых элементов. Аванпости лучшей части французского пролетариата привлечен в генеральный штаб. Мы подчеркиваем слово «аванпости», ибо мы уверены, что французский пролетариат вскоре выдвинет еще лучших, еще более способных вождей. Характерен в этом отношении ответ одного рабочего делегата представителю другой коммунистической партии. Когда последний спросил этого делегата, почему в дискуссии приняло участие столь малое количество делегатов-рабочих, он ответил ему следующее: «Еще не наступило наше время. Мы продиктовали партии свою волю. Но мы еще не заговорили. И на следующем с'езде мы еще не возьмем слова. Но на третьем или четвертом мы заговорим сами».

Вышеизложенная позиция нынешних руководителей партии об'ясняет нам их выступление на с'езде. Мы уже сказали, что самое значительное место в дискуссиях с'езда занял расчет с прошлым и что на нем почти ничего не было сказано о позиции партии в современных вопросах французской политики и о выяснении ближайших задач партии. Представители партии, молодые рабочие вожди, как Семар, Торез, Креме, Дорио, окончательно сформировались и выяснили себе свои позиции в борьбе против ультра-левых глупостей последнего года. В этих вопросах они были сильны. В этих вопросах они хотели прежде всего просветить партию и связаться со здоровыми пролетарскими элементами партии. Большая часть речей была посвящена критике совершонных в течение последнего периода ошибок, установлению правильной тактики единого фронта, выяснению политической перспективы, уничтожению последних следов бюрократического централизма и исправлению крупных ошибок, сделанных в профсоюзной тактике. Дискуссия превратилась в один великий расчет с прошлым. И в этом расчете с ошибками прошлого обнаружилось полное единство партии. Даже большая часть тех товарищей, которые принимали сознательное участие в проведении этой ложной тактики, признала свои ошибки и заявила о своем согласии с новой линией. При этом дискуссия обнаружила, как это признали все участники без исключения, политическую зрелость партии. Стало ясным, что долгая внутренняя борьба не только привела, в конце концов, к победе правильной тактики, но вместе с тем много содействовала политическому воспитанию всей партии. В то время как в течение ряда месяцев партия состояла из течений и группировок, каждая из которых как будто застыла в своем стремлении к проведению своей линии в партии, как единым целом,—лилльские дискуссии были, наоборот, проникнуты духом ответственности всех за всю партию.

Изображенная выше политическая ситуация приносит с собой не только опасность оппортунистического вырождения. В рядах французского пролетариата, в особенности в той части его, которая раньше поставляла активные элементы политическому движению, имеется также большая опасность вырождения в направлении ультра-левого фразерства. Рабочий, перебравшийся благодаря массовому притоку иностранных неквалифицированных рабочих в верхний лучше оплачиваемый слой, и в случае увольнения немедленно находящий себе работу в соседнем предприятии, мало интересуется частичными требованиями, мелкой повседневной борьбой. Он смотрит сверху вниз на неквалифицированного рабочего, отрицает наличность у него революционного сознания и считает себя, если он примыкает к революционному крылу рабочего движения, единственным истинным коммунистом, действительно понявшим идею коммунизма. Он любит употреблять громкие слова, короче говоря,—это лучший материал для выработки революционного болтуна.

Со стороны руководящих кругов партии оказывают влияние в направлении ультра-левого вырождения партии попытки слабых в области теории руководителей оказать сопротивление проникающим извне в партию оппортунистическим тенденциям. Боясь сделать оппортунистические ошибки, слишком уступить настроению масс, руководители впадают в противоположную крайность—они низвергают на партию и рабочие массы целый водопад в высшей степени «революционных» лозунгов, меняющихся со дня на день, становящихся все непонятнее для масс и, в конце-концов, совершенно изолирующих партию.

Если компартии Франции удалось, как мы уже сказали, пройти без всякого вреда мимо Сциллы оппортунистического вырождения, то Харибда ультра-левых глупостей вырвала из ее рядов несколько человек. Тактика КПФ обнаружила в прошлом году серьезные ультра-левые уклоны. Когда массовый протест против марокканской войны превратился в всеобщий политический кризис, явившийся следствием инфляции и дороговизны, компартия сама себя лишила возможности получить руководство движением в свои руки, промедлив стать во главе его. Она выставила в качестве предварительного условия для создания единого фронта признание ленинских тезисов о колониальной войне и этим отдала руководство оппозиционным движением в стране в руки социалистической партии.

В своей правильной борьбе против всех уклонов в рядах ответственного руководящего слоя партии ЦК зашел так далеко, что стал применять те же методы против всех членов партии, удушил всякую инициативу снизу, не вполне совпадавшую с установленной сверху линией и, таким образом, привел политическую жизнь партии к полному застою. В отношении профсоюзов, наконец, ультра-левые элементы ЦК обнаружили величайшее недоверие, полную неспособность понять исторические особенности профессионального движения и правильно определить задачи коммунистической партии в профсоюзном движении. Эта ошибка дорого обошлась партии. Раскол в среде до того единого левого руководства, скомпрометирование в глазах партийных масс таких все же ценных сил, как Трэн и Сусанна Жиро и многих их «комиссаров», прекращение приема в партию и вызванное этим уменьшение числа членов ее,—все это потери, которые следует записать на счет ультра-левых ошибок. Но, в конце-концов, партия прошла также и мимо этой опасности. Узкий пролив с обоими угрожавшими ей чудовищами лежит позади нее, и она выходит в открытое море.

Отступление мелкобуржуазных конфузионистов.

Как мы уже сказали, всеми было признано, что дискуссия по вопросам, которые были фактически поставлены в порядок дня, стояла на высоте положения. Не подлежит сомнению, что партия чрезвычайно многому научилась из споров о прошлогодних тактических ошибках.

Это нашло себе выражение также и в тех формах, в каких велась дискуссия о великой международной проблеме: Европа—Америка. На первый взгляд может показаться странным, что с'езд французской компартии в момент крайнего обострения финансового кризиса, в момент тяжелых политических кризисов большую часть своих дебатов по международным и внутренним вопросам посвятил вышеназванной теме. Это, конечно, нездоровый признак, что важнейшие внутренне-политические проблемы страны нашли лишь слабый отклик на с'езде, в то время как европейско-американская проблема привлекла к себе все внимание делегатов.

В действительности же речь идет здесь не об абстрактной теоретической проблеме, например о возобновлении дискуссии с Троцким во французской партии. Европейско-американская проблема является во Франции наиболее злободневным вопросом. Это не только один из важнейших вопросов иностранной политики Франции, но эта проблема привлекла к себе внимание широких масс, и притом в такой степени, что несколько дней спустя после лилльского с'езда на парижских больших бульварах были произведены нападения толпы на автомобили, в которых сидели американцы. Франция стоит в настоящий момент перед дилеммой, продолжать ли итти по пути инфляции или обратиться за помощью к Америке, приняв поставленные ею тяжелые условия. Мелкий рантье, крестьянин и рабочий, потерявшие свои сбережения вследствие инфляции и чувствующие, что они живут в «бедной стране», не могут понять, почему богатейшая Америка как раз теперь, когда дела их особенно плохи, требует уплаты колоссальных долгов, сделанных во время войны, и делает из этого условие предоставления займа. Настроение против Америки настолько сильно в стране, что парламентское большинство голосовало против Кайо в вопросе об американских долгах. В среде французской мелкой буржуазии возникла, таким образом, наряду с сопротивлением попыткам Америки превратить Францию в свою колонию в связи с регулированием военных долгов, мысль об образовании тем или иным способом единого фронта дебиторов против Америки. Европа должна быть преобразована в Соединенные Штаты Европы и таким образом выйти из создавшегося тяжелого положения. Но это лишь мечты мелкого буржуа. Крупная буржуазия сумела, конечно, использовать это настроение масс, чтобы посредством него замаскировать свою империалистическую политику. Предложения Лушера, клонящиеся к созданию европейского таможенного союза, которые по существу являются не чем иным, как средством борьбы против некоторых европейских конкурентов с помощью Америки, выдаются в качестве шага к образованию единой Европы. Мелкий буржуа попадает на эту удочку и, таким образом, фактически поддерживает иностранную политику французской тяжелой индустрии.

Именно это настроение мелкой буржуазии нашло свое выражение в речи Трэна о европейско-американской проблеме. Этот

товарищ, который в продолжение последнего времени в партии фактически был проводником мелкобуржуазной тенденции: то мелкобуржуазного радикализма, то наихудшего оппортунизма, затем опять-таки проводником преувеличенных революционных иллюзий или, наоборот, преувеличенного пессимизма,—этот товарищ стал теперь, по мере того, как он отходил от руководящих партийных постов, проводником новейших течений, возникающих в радикальном мелкобуржуазном лагере.

Вот тезис Трэна в кратком изложении.

В международном положении все более господствующим противоречием внутри капиталистического мира станет конфликт между интересами Америки, с одной стороны, и все более сближающимися между собой европейскими государствами, с другой. Это противоречие интересов уже теперь сильнее, чем существующее еще пока, но отодвинутое на второй план, противоречие интересов отдельных империалистических стран Европы. На базисе сопротивления регулированию военных долгов образуется блок европейских государств против Америки, к которому принадлежит также и Англия, несмотря на то, что она иногда выступает совместно с Америкой. Эти тенденции к созданию европейского блока против Америки находят себе выражение в Лиге Наций, которая все более становится направленным против Америки об'единением европейских государств, носящим, конечно, империалистический характер. Локарно и Генуя представляют собой этапы на пути к изменению задач Лиги Наций в этом направлении.

Трэн подкрепляет этот тезис огромным количеством цитат из всевозможных европейских газет, начиная с «Форвертса» до «Секоло». Он настолько убежден в правильности своего тезиса, что в конце своей речи заявляет: «Кто не согласен с этим, тот против ленинизма». Кроме того, он утверждает, что его тезис направлен прежде всего против Троцкого, настаивающего на том, что гегемония Америки над европейскими государствами уже свершившийся факт, в то время как он, Трэн, доказывает, наоборот, что европейские государства в состоянии оказать сопротивление осуществлению этой гегемонии и готовы для этого к совместному выступлению.

Этот мелкобуржуазный путаник в течение целого года был монопольным теоретиком партии и сводил ее с ума своей скользящей скалой лозунгов (каждый день—новый лозунг!). Ленинский тезис о необходимости гибкой тактики он понял так, что она должна ежедневно приспособляться ко все новейшим и наиболее интересным мыслям, высказанным в «Энформасьон», «Тан» или «Либертэ». Он в своей богатой фантазии предвидел превращение марокканской войны в революцию. Он затем после банкротства своего маневра с плохо им понятым единым фронтом захотел не исправления своих ошибок, а стать проводником нового правого курса. И вот этот товарищ счел необходимым после того, как он промолчал во время всей дискуссии об ошибках прошлого, ответственность за которые падала прежде всего на него, предложить партии политическую линию, которая заставила бы партию и весь Коминтерн итти в хвосте за европейской мелкой буржуазией.

Единогласное отклонение тезиса Трэна всем с'ездом явилось доказательством здорового состояния партии, а основательная и искусная аргументация, посредством которой один оратор за дру-

гии разрушал мелкобуржуазный карточный домик Трэна, лишний раз показал, какой политической зрелости достигла партия в течение последнего года. Против Трэна выступили все: его бывшая единомышленница Сусанна Жиро так же, как и его союзник в последнем бою за власть в партии, Дорио; старый скептик и противник большевизации, Раппорт так же, как и представитель Исполкома ИККИ. Представители крупных районов партии также приняли участие в этой интересной дискуссии и выступили с хорошо документированными речами.

Это последнее выступление Трэна в качестве глашатая мелкой буржуазии распадающейся Франции совершенно отняло у него почву из-под ног. Расчет с Трэном может быть рассматриваем, как заключительная черта под большим расчетом, произведенным французской партией с мелкобуржуазными правыми и левыми уклонами в ее рядах.

Руководство партией.

Мы несколько раз подчеркивали переходный характер нынешнего внутреннего положения французской компартии (и не только французской). Нельзя иметь правильного представления о развитии западно-европейских компартий, если не рассматривать их с точки зрения созревания нового поколения пролетариата, которое все более и более будет освобождаться от традиций социалистических партий и под руководством Коминтерна лишь постепенно и путем преодоления многих трудностей создает свое собственное, пригодное для выполнения своих задач, революционное руководство.

В важнейших секциях Коминтерна мы в настоящее время достигли решительного пункта этого процесса. Пролетарский фундамент партии в более или менее окончательной форме собран и укреплен. Расчет с различными характерными для переходного периода руководящими группами более или менее закончен. Все яснее выдвигаются новые руководящие элементы. Во французской партии это явление совпадает со вступлением партии в период великих боев, в течение которых пролетариат должен завоевать себе гегемонию в борьбе трудящихся масс и разорившейся мелкой буржуазии против господствующего класса.

Но нарождающаяся смена руководителей еще слаба. Она в состоянии выполнить свою задачу лишь при строгом соблюдении правил коллективного руководства партией. На пути к созданию этого коллективного руководства стоят препятствия, которые частью характерны для всех партий, находящихся в этом положении, частью же имеют свои корни в специальных условиях французской действительности.

История французского рабочего движения особенно богата случаями, когда лидеры пролетариата падали жертвой многообразных искушений. Индивидуализм, который в преимущественно мелкобуржуазной стране характерен для всех выдвинувшихся над средним уровнем личностей, является также выдающейся и характерной чертой у лидеров французского революционного рабочего движения. Тот, кто привык к методам коллективной работы, в русской и даже германской партии, наблюдал французских товарищей за работой, может впасть не раз в отчаяние, видя те трудности, которые создаются для всей партии в результате этих индивидуалистических прыжков в сторону луч-

ших товарищей. И тут еще приходит то обстоятельство, что не всякий характер способен выдержать внезапный переход от скромной деятельности в течение нескольких лет в низах партии и несложной работы в средних партийных инстанциях к высшим постам в партии, а следовательно, и в Коминтерне. Личное стремление к власти, даже черты, которые часто можно охарактеризовать лишь грубым словом «карьеризм», также примешиваются к политической полемике. Французы называют эти методы образования группировок скорее на личной подкладке, чем на политической, с целью получения большинства для достижения руководящих постов, словом «кухня». Подобные кухонные методы, попытки изготовить всевозможные большинства для того, чтобы таким образом достигнуть власти, играли и продолжают еще, к сожалению, и теперь играть в партии известную роль. Один из корреспондентов с лилльского с'езда сообщает, что в первый же день на с'езде сильно чувствовался запах кухни. На лилльском с'езде в это предприятие вмешался еще и особый фактор: здесь пытались использовать русскую партийную дискуссию в целях образования персональных группировок. Это выразилось не только в том, что отдельные группы пытались, посредством сделанных им заявлений и своем согласии с цекистским большинством, прикрыть свои политические слабости и найти сторонников, прикрываясь этими лозунгами. Здесь проявились также признаки активной работы, руководимой из Москвы, целью которой было приобретение сторонников для меньшинства в международных вопросах (английская стачка, польский вопрос). Представитель Исполкома Коминтерна выступил в своей речи на с'езде с большой энергией против всех этих тенденций. Он заявил, что теперь, когда партия выдвинула из своих собственных рядов здоровое ядро руководящих сил, показавших свою способность прекрасно разбираться в вопросах французской политики и обнаруживших готовность взять на себя полную ответственность за руководство всей партией, теперь все попытки проводить личную политику и в особенности игра с разногласиями в русской партии должны быть отвергнуты самым энергичным образом. Секретарь нашей партии, т. Семар, которого, несомненно, пытались вовлечь в эту кухонную политику, отверг все подобные попытки и полностью стал на точку зрения, высказанную представителем Исполкома. Этим была предотвращена серьезно угрожавшая партии опасность, что обнаружилось уже на заседаниях французской комиссии 6-го пленума ИККИ. Конечно, эта опасность, препятствующая образованию сильной руководящей группы, не устранена еще окончательно. Мы думаем, однако, что лилльский с'езд сделал в этом направлении решительный шаг вперед.

Новоизбранный ЦК партии, из которой удалены все элементы, дискредитировавшие себя в глазах партии во время последних внутренних конфликтов, и в который, с другой стороны, вошли все элементы, честно заявившие, что они готовы вести положительную работу в руководящем партийном органе на основе принятой с'ездом линии, прекрасно сознает свои слабые стороны. Структура руководящего органа соответственно с этим подверглась изменению. ЦК настолько расширен, что в нем представлены теперь лучшие провинциальные работники, которых он намерен привлечь к постоянному сотрудничеству в деле руководства партией. При этом сохранен принцип, указывающий

на необходимость предоставить руководителям Унитарной Федерации Труда возможность сотрудничества в политике коммунистической партии. Исполком Унитарной Федерации Труда представлен в состоящем из 13 членов Политбюро четырьмя товарищами.

Многочисленность состава руководящих органов (83 члена ЦК и 13 членов Политбюро при общем числе членов партии в 55.000) создаст, несомненно, некоторые затруднения. Но такое привлечение возможно более широких партийных кругов к руководству партией было необходимо в виду всех вышеописанных обстоятельств.

После лилльского с'езда.

Политические бои, сопровождающие изменение экономической и социальной структуры Франции, вступают в новую решительную фазу. Крупная буржуазия, которая была вынуждена после провала рурской авантюры начать отступление и очистить поле блоку мелкобуржуазных партий и представителей некоторых банковских и промышленных групп, пытавшихся освободиться от ее гегемонии, перешла теперь в наступление. После того, как ей удалось в течение инфляционной сумятицы разбить блок мелкобуржуазных партий и отчасти самые эти партии и привлечь на свою сторону часть строптивых промышленных и банковских групп, она начала борьбу за власть, пустив в ход все свои силы. Кабинет Пуанкарэ, это уже ее правительство, хотя в нем заседает еще тот или другой представитель мелкобуржуазных партий. Это новое правительство возьмется за оздоровление франка путем применения драконовских средств и не откажется ни от каких демагогических и насильственных мероприятий против какого-либо сопротивления со стороны пролетариата или радикально настроенной мелкой буржуазии. Введение и проведение в жизнь стабилизации вызовет большие трудовые конфликты. Часть поворачивающей уже влево мелкой буржуазии возвратится назад под крылышко могущественного правительства Пуанкарэ. С другой стороны, усилится тяготение к нам других частей обедневшей мелкой буржуазии. Кризис в социалистической партии обострится, и не исключена даже возможность того, что дело дойдет до раскола в ее рядах.

Задача коммунистической партии во время этих великих боев будет состоять в том, чтобы сосредоточить в своих руках руководство пролетариатом. Не исключена возможность того, что в будущих боях перед французским пролетариатом станет вопрос о подготовке завоевания власти в такой форме, в какой он не стоял уже в течение ряда десятилетий.

Задачи, которые ставит перед компартией это обострение положения, огромны. Партия подготовлена к решению этих задач. Ее пролетарский базис здоров и прочен. Но в целом партия, а также и ее руководство еще слабы. Лучшее пожелание, которое мы можем теперь высказать, это то, чтобы в предстоящих боях совершилось быстрое укрепление партии, вполне возможное в подобной ситуации. Но для этого партия нуждается в твердом руководстве со стороны Коммунистического Интернационала, за которым должна стоять крепкая, единая и непоколебленная коммунистическая партия в СССР.

Помещая статью Оссовского, редакция считает необходимым подчеркнуть, что мысли и идеи, развиваемые в ней, не имеют ничего общего с большевизмом—ленинизмом. Помещая эту статью (ходившую по рукам среди членов партии задолго до представления ее для напечатания в редакцию „Большевика") и ответ на нее, редакция ставила своей целью показать перед партией, куда ведут ошибки „новой оппозиции", и к каким выводам она приходит в лице своих более откровенных и последовательных сторонников.

Редакция.

Я. Оссовский.

Партия к XIV с'езду [1]).

Перед XIV с'ездом, как и перед рядом других с'ездов ВКП(б), встал вопрос об абсолютном единстве коммунистической партии, которая одновременно является единственно легальной в Советском Союзе в то время, когда в экономике страны единство совершенно отсутствует. Хотя этот вопрос не новый, но в том свете, как он встал перед XIV с'ездом, он заслуживает особого внимания. Положительное разрешение этого вопроса не было бы затруднительным, если требовалось бы доказать возможность единства не-единственно легальной партии. В таком случае партия, группируя вокруг себя определенный сектор экономических интересов страны, может оставаться абсолютно единой, оставляя другим партиям или группам возможность группировать вокруг себя чуждые ей экономические интересы. Тогда мы были бы единой правящей страной партией, но не единственной в стране. Гораздо сложнее доказать возможность абсолютного единства единственно легальной партии в стране, где экономика самая разнообразная. О последнем никто никогда не спорит, т.-е. никто не спорил о том, что имеются в нашем хозяйстве секторы, где капиталистическая предприимчивость играла бы положительную роль. В таком случае партия, оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, и в том числе и капиталистических предпринимателей.

Выходит, что весь спор идет о единственности нашей партии; только при ее отсутствии получается абсолютное единство партии. Оставляя единственность, приходится волей-неволей пожертвовать частично единством. Весь вопрос лишь

---

[1]) Настоящая статья писалась частью до XIV с'езда и частью незадолго после него. Ко времени 3-го пленума ЦК партии, июль 1926 г. некоторые положения, понятно, могут казаться устаревшими и требующими освещения в несколько ином свете. Но для этого требуется специальная работа, предназначенная для освещения вопросов внутрипартийных разногласий в том свете, в каком они продолжают развиваться после XIV с'езда по настоящее время.

в том, в каких формах может и должна жить и развиваться партия в таких условиях, когда абсолютного единства нет, ибо его нет в экономике и когда единственность ее, т.-е. диктатура пролетариата, во что бы то ни стало должна сохраняться.

Следовательно, спор может итти о следующих формах партийного строительства:

1) Совершенно единственная и абсолютно единая партия.

2) Совершенно единственная, единая, но не абсолютно единая партия.

3) Абсолютно единая, но не единственная партия.

До 1925 года официально в партии были известны два течения: а именно, первое и второе. По этому поводу в партии неоднократно были весьма оживленные споры. Официальная точка зрения считала, что партия может и должна жить при совершенном единстве и абсолютной единственности, независимо от того, что в экономике нет ни намека на такого рода единство. А оппозиция, считая единственность партии незыблемой, допускала некоторое отступление от абсолютного единства, которое, при полном своем отсутствии в экономике, может служить лишь средством для мнимого скрытия опасностей, для успокоения революционной совести некоторой части партии и этим нанести большой удар диктатуре пролетариата.

После же открытого выступления Троцкого в 1923 году в защиту второй точки зрения, на горизонте появилась третья точка зрения. Я говорю «на горизонте», можно было бы, пожалуй, добавить слово и сказать «на далеком горизонте», ибо только хорошо вооруженным глазом можно эту точку зрения увидеть. Я уверен, что эта точка зрения уже нашла своих выразителей среди части руководителей нашей партии, при чем из среды основного ленинского ядра.

Не безынтересно узнать, нова ли эта третья точка зрения в истории нашей партии. Не существовала ли до сих пор в большевистской партии точка зрения, считающая рабоче-крестьянскую революцию не исключенной даже при отсутствии единственности нашей партии. Мне кажется, что она не нова, она получила свое выражение в лозунге «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Этот лозунг был понят, как диктатура пролетариата и революционного крестьянства над буржуазией, которая, как предполагалось, продолжит после революции выполнение своих хозяйственных функций, несмотря на отстранение ее от руководящей политической власти, считая, что для этих функций в экономике нашей страны есть еще большое место. Идеальной для этой точки зрения в 1917 году была бы поддержка меньшевиками и эсерами захвата власти со стороны большевиков и нейтрализации либеральной буржуазии. Тогда этого не было потому, что все они претендовали на полноту власти, а в подчиненную роль, в роль оппозиции ставить своих противников. Но если это не удалось в 1917 году, то еще не доказано, что это самое не удастся в 1925 году, если в силу обстоятельств необходимо вернуться к такому положению. Наоборот, меньшевики или эсеры, или другие, с подобным старым содержанием, с другими названиями и другими вождями, были довольны хотя бы возможностью одного легального существования без всякой претензии. пока на значительную роль в руководящей и правящей власти. Если возврат к такому идеальному положению возможен, то почему же партии, при создавшейся обстановке, активно не содействовать этому возврату. Ведь такой возврат освободил бы ВКП от роли защитника капиталистических элементов нашего хозяйства с их положительными и отрицательными сторонами, одинаково нам чуждыми и до сих пор плохо усвоенными. Если бы нашлись политические фигуры, прошлое которых может служить гарантией против ликвидации Октябрьской революции, то почему ВКП не толкнуть их на роль защитника буржуазных элементов нашей экономики, столь чуждых основам программы ВКП(б), но далеко не чуждых еще экономике страны, ею руководимой. ВКП(б) могла бы соблюсти полное и стальное единство своих революционных рядов, если чуждые ее программе экономические интересы были бы представлены в стране не ею же, а другой малочисленной группой. Эта малочисленная группа могла бы с успехом выполнить роль защитника капиталистических хозяйств нашей страны в пределах, допускаемых диктатурой пролетариата и революционного крестьянства, сохраняя эту диктатуру полностью и целиком для руководства остальным хозяйством страны, основные свойства которого не чужды программе ВКП.

Могут возражать: это дореволюционная характеристика порядка вещей давно устарела, ее издание 1925 года ничего нового фактически не добавляет. Но в основном, можно отвечать, и наше хозяйство-то не намного изменилось в 1925 году в сравнении с тем, что оно представляло собой в 1917 году. Сам Ленин это подтвердил неоднократно. Он говорил, что то, что было прогрессивно в 1917 году, при условии диктатуры пролетариата и революционного крестьянства, остается прогрессивным и в 1921 и 1922 годах. Почему же в политике прогрессивное в 1917 году должно являться регрессивным в 1925 году, если в экономике мы наблюдаем обратное?

Вот такова эта третья точка зрения, которая показывается на горизонте партии в период между XIII и XIV с'ездами.

Кто является представителями этой точки зрения и кого они хотели бы видеть во главе неоменьшевизма в качестве защитника неокапитализма? Ответ на этот вопрос постараемся дать на конкретных примерах, пользуясь ответами, данными на спорные вопросы по различным экономическим и политическим проблемам различными группировками нашей партии.

Что же касается организационного строительства партии, то каждая из упомянутых точек зрения отвечает на него по-своему.

Придерживаясь принципа абсолютного единства и единственности нашей партии, в организациях и парт. печати не допускается свободный обмен мнениями, несмотря на то, что в самой партии, в связи с разнообразием экономики страны, различие мнений фактически существует. Там же, где этого нет, мы являемся свидетелями самого низкого уровня развития и понимания особенностей момента с точки зрения классовых интересов пролетариата. Но там, где выявляется различие мнений и углубленный интерес к партии, то это происходит не на заседаниях и собраниях парт'ячеек, где масса могла бы чему-нибудь научиться от спокойного обмена мнениями между более развитыми частями партии, а последние это делают между собой за стаканом пива или за бутылкой вина у себя дома, вдали от партийной организации и пролетарской общественности. Кроме того, свободой

обмена мнениями при этой системе партийного строительства пользуются лишь члены высших партийных инстанций. Там споры доходят зачастую до геркулесовых размеров. Партии об этом обычно ничего неизвестно. Только за пару недель до с'ездов на голову широкой партийной массы, ни в чем не информированной и считающей, что все благополучно, вдруг сыплются бесконечные так называемые дискуссионные листки, где широкой партийной массе преподносится в 2—3 дня наплодившееся и надуманное членами высших партийных инстанций месяцами и годами. Широкая партийная масса обязана в 2—3 дня решить, за «кого» она, а узнать, в чем спор, она, от установившейся у нас традиционной предс'ездовской шумихи, никак не может. Она в таком случае всегда голосует за аппарат.

Последнее получает убедительнейшую иллюстрацию на примере последней предс'ездовской подготовки в Ленинграде и Москве—за Сталина. Если голосование имело бы под собой хотя бы малейшее осознание положения со стороны широких партийных масс, то не могло бы быть такого случая, чтобы целая организация, особенно ленинградская, стала на точку зрения Зиновьева, позиция которого тащит партию механически назад к 17 году. В Москве же не могло иметь места такое презрительное отношение и игнорирование со стороны широких партийных масс позиции Зиновьева, которая содержит большую долю трезвости, которая предостерегает партию от чрезвычайного увлечения возможностью завершения (построения) социализма в нашей архикрестьянской стране.

Нельзя забыть, что в интересах капиталистических элементов нашей страны при данной исторической обстановке именовать все социализмом («пусть именуется», как говорит Устрялов) с тем, чтобы под этим прикрытием использовать рабочий класс, его партию, его вековой организационный опыт в пользу своего мелко-буржуазного хозяйства.

Почему же, однако, московская партийная организация настолько отличается от ленинградской? Ларчик просто открывается. Ведь массы-то ни в Москве, ни в Ленинграде не были осведомлены о сущности разногласий. Голосовал аппарат.

Следовательно, формальное соблюдение единства и единственности партии при существующем различии экономических интересов отдельных групп населения страны не гарантирует от раз'едания верхушки партии создаваемыми на этой экономической почве политическими разногласиями. Последние раз'едают и самостоятельно мыслящих членов партии. Отрицательные стороны налицо, их вдоволь. Нет только и в помине положительных сторон этого положения: широкая партийная масса не развивается на наличных, непрекращающих своего действия, экономических и политических противоречиях страны. Партийная масса отстает и от жизни, и от своих вождей, и от своего собственного актива, и от передовых элементов пролетариата вообще. Все происходит за ее глазами. Партийная масса не подготовлена к грядущему. Завтрашний день становится для нее роком.

К XIV с'езду ВКП(б) несостоятельность подобного принципа партийного строительства, покоящегося на абсолютном единстве и единственности партии, повидимому, осознано громаднейшим меньшинством широкой партийной массы, а также ее акти-

вом. Этот принцип критикуется теперь с двух сторон: 1) со стороны оппозиции 23 года и 2) со стороны оппозиции 25 года.

Оппозиция 23 года говорит: в партии нет спора об отсталости и противоречивости экономики нашей страны. Нет также спора о том, что никакие организационные принципы о формальном, абсолютном единстве партию не спасут от возникновения в партийной верхушке (высшей и средней) политических разногласий (не выходящих, конечно, за пределы общей единой программы и партии). Если же широкая партийная масса не будет воспитываться на экономических и политических противоречиях, вызванных самой жизнью, то эта жизнь пройдет помимо массы, а партия останется «генеральской». А поэтому крайне необходимо внести в массы политическое оживление путем привлечения ее к обсуждению и разбору экономических и политических проблем нашего времени.

В низах, правда, создадутся текущие группировки по различным вопросам по-разному. Но эти текущие группировки будут, как и у верхушки бывает, в пределах единой партийной программы и парторганизации. Как в фокусе, партия будет отражать происходящее в стране и будет готова к грядущему дню. Но предварительной предпосылкой оздоровления партийных организаций есть пожертвование установшимся в последние годы в партии абсолютным формальным единством. Оппозиция 23 года считала это единственным выходом из положения.

Совершенно иначе хочет решить этот вопрос оппозиция 25 г. Она говорит, что противоречия в нашей экономике настолько велики, что они начинают нас тянуть далеко за пределы единой программы. Представительство партии всей этой противоречивой экономики нашей страны означает опасность политического ее разбавления. Партия не может одновременно быть представителем и защитником разнообразнейших форм хозяйства: частно-капиталистических, гос-капиталистических и социалистических. Защиту чуждых программе ВКП экономических интересов надо передать кому-то другому. «Этот другой» предполагалось то в виде беспартийной фракции советов, то в виде «отсеченных» от партии по разным политическим и неполитическим разногласиям элементов, или же те и другие вместе, одни под руководством других. Главное только, чтобы эти «другие» были лойяльны к советской власти, к завоеваниям Октябрьской революции. Если в силу обстоятельств приходится грешить против политической чистоты нашей партийной программы, то пусть это делается, или инициатива на это пусть исходит не от самой партии. Достаточно для этого широки возможности советов. Партия до полного охвата всех разновидностей нашей экономики расширяться не может, не должна. Оппозиция 25 года хочет поставить за скобки партии все то, что, по ее мнению, совершенно противоречит ее программе. Жертвуя единственностью, партия сохраняет абсолютное единство, не искусственное, не формальное, а фактическое. В спорах с этими непартийными группировками партия будет развивать широкую политическую деятельность среди своих членов, их воспитывать на жизненном опыте, а не на сухих учебниках.

Какой же путь выбрать партии? Второй путь на ближайший период во всяком случае вреден. Возможно, что роль беспартийных фракций советов через некоторое время будет положительной. Возможно также через некоторое время кое-какие группи-

ровочки необходимо будет отсечь от партии, оставляя их легально в стороне как представителей мелко-буржуазных форм нашего народного хозяйства. Теперь же это преждевременно, а следовательно, и вредно. Осталось еще много недоделанного и в самой нашей партии. Отсечение могло бы теперь произойти не там, где нужно. Предварительно необходимо проделать и доделать громадную воспитательную внутри самой партии работу. Эта работа должна быть проделана на конкретном материале, содержащем все оттенки фактических течений в экономике и политике СССР. Только на подобной работе может произойти правильный отбор лучших элементов нынешнего состава партии, которые готовы ко всяким боям пролетариата, а также таким образом только может произойти отсеивание тех элементов, которые могут быть полезными для советской власти только лишь при прочности основ пролетарской диктатуры, при чем вне рядов партии. Надо создать благоприятную обстановку для такой гигантской работы, долженствующей охватить широчайшие слои партии и пролетариата.

Само собой разумеется, что от такого напряжения партийной мысли не должен страдать государственный аппарат. Но нельзя себя питать иллюзиями, что партийная мысль может итти нога в ногу черепашьими шагами тяжеловесного и инертного, зараженного большой дозой бюрократизма государственного аппарата, даже советского. Ведь же до полной и действительной советизации нашего госаппарата еще очень и очень далеко. Поэтому обеспечивая необходимую относительную устойчивость госаппарата, партия должна и может создать обстановку и условия, позволяющие развивать до максимальных пределов критическую мысль своих членов.

Все это можно и нужно проделать, не прибегая к каким-либо особым организационным изменениям внутри и вне партии. О последнем возможно придется подумать лишь тогда, когда через продолжительное время не произойдет изменения в международном рабочем движении в нашу пользу.

Во всяком случае обе оппозиции последних двух лет своей критикой захватили очень и очень глубоко почву, на которой впервые в мире победила, живет и развивается в мучительных трудностях строительства нового социалистического общества наша пролетарская партия.

Но, как известно, попытка произвести неуместное преждевременное «отсечение» получила решительный отпор в партии. Поэтому возможно, что оппозиция 25 года по вопросу о внутрипартийном строительстве согласится в дальнейшем итти по пути с оппозицией 23 года. Это требует проверки временем и обстоятельствами [1]).

В зависимости от решения упомянутых споров определяется роль и место ВКП в Коминтерне, ее непосредственное влияние на организации его национальных секций.

Конечно, опыт ВКП незаменим для всех секций Коминтерна при всяких условиях. Заграничные партии долгие годы еще будут питаться опытом ВКП(б) дореволюционного подготовительного периода, периода гражданской войны, а также периода пореволюционного строительства социализма. Вопрос лишь о формах передачи этого опыта. Именно определение этих форм связано с положением внутри самой ВКП(б), с разрешением стоящих перед ней организационных вопросов внутри-партийного строительства при наличии в стране довольно сложных и острых экономических и политических противоречий, которые не могут не влиять на ее структуру и политику. Хотя все партии в пореволюционные свои эпохи будут находиться под давлением такого же рода затруднений и противоречий, подготовительная же их дореволюционная работа, само собой разумеется, желательно чтобы происходила в условиях, по возможности свободных от постороннего влияния, стесняющего их размах работы и развития. Ведь и наша партия, несмотря на давление на нее сейчас чуждых ей экономических факторов, в дореволюционную эпоху свою подготовительную работу провела при менее значительном ощущении в своей практической работе этого давления. Изолировать готовящиеся к боям коммунистические партии Запада от давления чуждых им факторов является задачей всего Коминтерна. Здесь возможны 2 варианта: 1) ВКП(б) изолирована от влияния чуждых ей экономических (и политических) факторов, тогда ее непосредственная руководящая роль в Коминтерне может быть еще на долгое время необходима и обеспечена, 2) ВКП(б) находится под влиянием чуждых ее программе хозяйственных форм, тогда непосредственно руководящая роль в Коминтерне должна быть обеспечена и за национальными секциями.

Поскольку различие мнений в партии покоится на различной с постоянно действующими противоречиями экономической базе, постольку для этих различных мнений вопрос о центральной линии в руководстве Советским Союзом принимает при всяких условиях внутри-партийного строительства все более острый характер. Пролетариат стремится к социализму, ускоряет темп развития промышленности, приглашает частные хозяйства в интересах всего народного хозяйства содействовать ему в этом деле [2]). Частные же хозяйства отвечают: строй промышленность за свой счет, а там видно будет. С такого рода ответом наша центральная линия в руководстве Советским Союзом долго еще будет встречаться. Уступки частному хозяйству при такой обстановке неминуемы. Весь вопрос лишь в том, чтобы за основой пролетарского хозяйства, за промышленностью и после уступок в последнем счете был обеспечен более быстрый темп развития, чем частному хозяйству.

Сложность обстановки выражается в том, что в нашей отсталой экономике есть еще большое поле деятельности для частной инициативы. Конечно, без покровительства со стороны государства призвать к жизни этой частной инициативы нельзя, во всяком случае это большого успеха не имело бы. Пролетарское государство становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистического. Пролетариат в некотором отношении (при нынешней обстановке довольно значительном) становится на службу интересам чуждых ему хозяйственных форм, культивирование и укрепление которых хотя имеет положительное значение для всего народного хозяйства, в том числе и для пролетарского, но не может не иметь опасных политических последствий.

[1]) Примечание в конце статьи.

[2]) Примечание в конце статьи.

В самом факте, что пролетариат становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистической его части, нет еще ничего страшного. Страшна здесь неизбежная под давлением об'ективных условий и возможная чрезмерная односторонность. Частное хозяйство находится пока почти совсем вне сферы нашего влияния. В своей борьбе против государственного хозяйства оно ничем не связано. Оно при нынешних политических условиях никак не хочет нести издержек по созданию крупной промышленности, зная, что этим, т.-е. укреплением промышленности, руководимой пролетариатом, оно укрепляет своего классового врага. Оно этого ждет в будущем при другой политической обстановке. Свой спрос на промышленные изделия, значительно вырастающий выше обыкновенного, благодаря отказу своему от вложения своих сбережений в промышленное строительство, частное хозяйство стремится удовлетворить посредством установления широкой торговой связи с международным капиталистическим хозяйством. Таким образом, получается чреватая большими опасностями односторонность: пролетариат рассматривает все народное хозяйство в целом как свое, отдает ему своих лучших людей, жертвует многим в пользу интересов всего народного хозяйства в том числе и частно-капиталистического. Слои же населения, связанные с частно-капиталистическим хозяйством страны, пролетарскому хозяйству ничего подобного не дают. Мало того, они постоянно подкапываются под него, чтобы окончательно его разрушить и стать на его место.

Этой односторонности у нас особенно искать не надо. Она у всех на глазах. Она культивируется весьма упорно и настойчиво даже в среде пролетариата, его партии уже несколько лет. Эта односторонность страшна тем, что отворачивает пролетариат от его исторических классовых путей и с беспощадной об'ективностью постоянно и незаметно толкает его авангард все более и более на службу других классов.

Может ли кто-нибудь отрицать наличие у нас этой опасности?—За ответом сомневающихся отошлем к Ленину, который говорил, что лишь дураки могут думать, что партии, даже самые революционные, застрахованы от перерождения, если об'ективные условия их к этому доводят. Этих об'ективных условий у нас больше, чем достаточно. Для застрахования же пролетарского авангарда от возможного перерождения должны быть созданы в качестве противоядия соответствующие об'ективные условия. Здесь никакие хорошие качества даже самых лучших вождей не помогут. Нужно об'ективные условия, только и всего.

Здесь уместно вспомнить сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII С'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается, теперь, через 6 лет, стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское [3]).

Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства, его народного хозяйства на один лишь пролетариат; крестьянство в этом должно соответственно нести эти тяжести. В противном случае, значение этого государства для пролетариата в конце концов постепенно должно уменьшаться. Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, сохраняет за собой свободу критики политической и экономической (крестплан...) деятельности своего же государства в интересах частно капиталистического хозяйства. Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду—его партии.

[3]) Примечание в конце статьи.

Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят таковыми стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его на все 100% социалистическим, или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и, таким образом, ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям...

Чтобы в наших тяжелых условиях строить социализм, пролетариату нужна не просто вера, а острая бдительность, переходящая зачастую в неверие. Сделать эту бдительность достоянием все более и более широких масс пролетариата—задача его авангарда, ВКП(б). Такая бдительность — единственное спасение от возможности перерождения.

Возвращаясь к вопросу о генеральной линии партии в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в генерально-руководящую линию Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону,—сторону частно-капиталистического хозяйства, а, во-вторых, для того, чтобы центр нашей руководящей линии медленно, но уверенно смещался в сторону пролетарского хозяйства—социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским.

Только при наличии такой свободной критики, основанной на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством, генераль-

В самом факте, что пролетариат становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистической его части, нет еще ничего страшного. Страшна здесь неизбежная под давлением об'ективных условий и возможная чрезмерная односторонность. Частное хозяйство находится пока почти совсем вне сферы нашего влияния. В своей борьбе против государственного хозяйства оно ничем не связано. Оно при нынешних политических условиях никак не хочет нести издержек по созданию крупной промышленности, зная, что этим, т.-е. укреплением промышленности, руководимой пролетариатом, оно укрепляет своего классового врага. Оно этого ждет в будущем при другой политической обстановке. Свой спрос на промышленные изделия, значительно вырастающий выше обыкновенного, благодаря отказу своему от вложения своих сбережений в промышленное строительство, частное хозяйство стремится удовлетворить посредством установления широкой торговой связи с международным капиталистическим хозяйством. Таким образом, получается чреватая большими опасностями односторонность: пролетариат рассматривает все народное хозяйство в целом как свое, отдает ему своих лучших людей, жертвует многим в пользу интересов всего народного хозяйства в том числе и частно-капиталистического. Слои же населения, связанные с частно-капиталистическим хозяйством страны, пролетарскому хозяйству ничего подобного не дают. Мало того, они постоянно подкапываются под него, чтобы окончательно его разрушить и стать на его место.

Этой односторонности у нас особенно искать не надо. Она у всех на глазах. Она культивируется весьма упорно и настойчиво даже в среде пролетариата, его партии уже несколько лет. Эта односторонность страшна тем, что отворачивает пролетариат от его исторических классовых путей и с беспощадной об'ективностью постоянно и незаметно толкает его авангард все более и более на службу других классов.

Может ли кто-нибудь отрицать наличие у нас этой опасности?—За ответом сомневающихся отошлем к Ленину, который говорил, что лишь дураки могут думать, что партии, даже самые революционные, застрахованы от перерождения, если об'ективные условия их к этому доводят. Этих об'ективных условий у нас больше, чем достаточно. Для застрахования же пролетарского авангарда от возможного перерождения должны быть созданы в качестве противоядия соответствующие об'ективные условия. Здесь никакие хорошие качества даже самых лучших вождей не помогут. Нужно об'ективные условия, только и всего.

Здесь уместно вспомнить сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII С'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается, теперь, через 6 лет, стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское [3]).

Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства, его народного хозяйства на один лишь пролетариат; крестьянство в этом должно соответственно нести эти тяжести. В противном случае, значение этого государства для пролетариата в конце концов постепенно должно уменьшаться. Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, сохраняет за собой свободу критики политической и экономической (крестплан...) деятельности своего же государства в интересах частно капиталистического хозяйства. Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду—его партии.

[3]) Примечание в конце статьи.

Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят таковыми стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его на все 100% социалистическим, или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и, таким образом, ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям...

Чтобы в наших тяжелых условиях строить социализм, пролетариату нужна не просто вера, а острая бдительность, переходящая зачастую в неверие. Сделать эту бдительность достоянием все более и более широких масс пролетариата—задача его авангарда, ВКП(б). Такая бдительность — единственное спасение от возможности перерождения.

Возвращаясь к вопросу о генеральной линии партии в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в генерально-руководящую линию Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону,—сторону частно-капиталистического хозяйства, а, во-вторых, для того, чтобы центр нашей руководящей линии медленно, но уверенно смещался в сторону пролетарского хозяйства—социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским.

Только при наличии такой свободной критики, основанной на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством, генераль-

ной линии рабоче-крестьянского государства, великому маневру, сложнейшему обходному пути может быть обеспечен успех в строительстве социализма в нашей стране. В противном случае грозит нам опасность запутаться на извилинах и зигзагах этого обходного пути.

Конечно, авангард класса—его партия—может и не дать своему арьергарду такой свободы. Он, поскольку является авангардом, в праве требовать беспрекословного подчинения и следования ему на всяких тяжелых, извилистых путях. Это может быть, однако, оправдано только во время лобовой атаки, требующей от борцов больше энтузиазма, чем осознания своей роли. Условия же борьбы при маневренном и обходном пути с его кажущимися обыденными мелочами требуют от борцов глубокого осознания окружающего положения и всех его возможных перспектив. Отсутствие этого сознания у арьергарда неизбежно доводит до полного разрыва с авангардом, его изоляцией.

Но, как известно, бабушка-история сурова. Она одной изоляцией авангарда не ограничивается. Если авангарду сравнительно легко без крупных потрясений может удаваться временно умерщвлять в зародыше попытки со стороны своего же арьергарда добиваться свободной критики генеральной руководящей линии, устанавливаемой на основе компромисса с частно-капиталистическим хозяйством, и, таким образом, тормозить развитие активности арьергарда, то мероприятия такого рода по отношению к классам, с которыми нет органической связи, удаваться никогда не могут. Поскольку за этими классами признается прогрессивная роль в экономике страны, то их хозяйственная база, политическая и идеологическая надстройка, с неотвратимой неизбежностью должна укрепляться. О задержке в развитии этих классов, таким образом, не может быть и речи. Вот тут-то умерщвление в зародыше попытки арьергарда своего же класса добиваться свободы критики генеральной линии, покоящейся на компромиссе с другим классом, может воистину играть роковую роль для классовых интересов пролетариата. Пролетарский арьергард отстает в лучшем случае от своего же авангарда. В противном же лагере, у других классов подрастает более развитой и подготовленный для защиты своих классовых интересов арьергард. При таком положении (а это не сон...) авангард в лучшем случае может погибнуть в неравном бою, а в худшем:..—скажите, сдается в плен, нет—в социальной битве в плен не берут. В худшем случае авангард неизбежно предаст. Он становится обыкновенно авангардом подросшего у других классов арьергарда.

Иные со скромностью и стыдливостью Марии Магдалины отведут от греха глаза и возмутятся: зачем такое сгущение красок... Разве можно теперь конкретно указать на обстоятельства и лица в этом погрешные...

В том-то и дело, что история имеет для завершения своего мастерства более испытанные пути и средства, чем обязательно указать теперь же на обязательства и лица. Она действует медленно и незаметно, и, как это ни странно, почти всегда и действующие лица-то без вооруженного глаза не видишь. Защитный цвет тут здорово помогает.

Поэтому нам пора призадуматься о застраховании. Ведь застраховывают же люди себя от стихийных бедствий, даже от смерти, т.-е. на случай смерти. Тут естественна бдительность. Тем бо-

лее эта последняя нужна, когда дело касается не отдельных личностей, а классовых групп, живущих и действующих в сложнейших политических условиях. Мы будем застрахованы от перерождения, если сумеем обеспечить пролетариату более быстрый темп хозяйственного, политического и культурного развития, чем темп, которым себя обеспечивают частно-капиталистические классы. А последние, всем известно, очень любят о себе позаботиться.

Из сказанного ясно, что вся сложность положения нынешнего и ближайшего времени заключается в том, каковы должны быть отношения пролетариата к Советскому государству, которое, как говорил Ленин, является не рабочим, а рабоче-крестьянским, при чем государством, фактически движимым в значительной степени инерцией оставшегося нам от царского режима бюрократического аппарата.

Для того, чтобы себе ясно и конкретно представить эти отношения, необходимо основательно, всесторонне проанализировать все этапы, пройденные Советским государством с начала его возникновения до последних дней. Надо хронологически проанализировать даже самые незаметные оттенки изменений структуры Советского государства в классовом отношении при переходе с одного этапа на другой. Нужно выявить социальные силы, заставляющие Советское государство отойти от занятого им в первый этап своего осуществления положения. Наконец, нужно с неумолимой ясностью видеть, куда эти социальные силы инерцией об'ективного исторического развития устремляются. Попробуем сделать такой анализ.

В качестве форм изложения и изображения сложных понятий, или группы таковых будем пользоваться буквенными выражениями в виде алгебраических формул, значительно облегчающих быстрый охват одним взглядом всей сложности явлений в их статическом и в динамическом состоянии. Социальные группы обозначим в следующем виде:

Пролетариат	Крестьянство
A = неквалифицированные рабочие и батраки	B = беднота
A'' = квалифицирован. рабочие и советски настроен. интеллигенция.	B^{n} = середняки и зажит. крестьянство
	B^{n+1} = сильн. крестьян. хозяйства и нарастающая буржуазия

Для об'яснения происходящих изменений внутри государственных отношений обозначенных выше групп будем пользоваться скобками в следующих видах:

{ классы и группы, охваченные национальной экономикой государства; }

[классы и группы, охваченные советским конституционным блоком;]

(классы и группы, являющиеся основой при определении генеральной линии Советского государства.)

Пользуясь приведенными условными знаками, мы можем вывести в определенных буквенных выражениях происходившие с начала существования Советского государства изменения в отношениях социальных групп страны. Это мы сделаем по периодам, при чем первые 3 периода мы считаем ныне в 1926 г. уже пройденными, а следующие 3—мы считаем мечтой развивающихся в нашей стране враждебных пролетариату классов.

Периоды пройденные:

I период—1917—21 г. $\{[(A \times A'' \times B \times B^{п})] + B^{п} + 1\}$

II период—1921—25 г. $\{[A + (A'' \times B \times B^{п})] + B^{п} + 2\}$

III период—1925—26 г. $\{[A \times B + (A'' \times B^{п})] + B^{п} + 4\}$

Периоды, грозящие надвигаться:

IV период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{п})] \times B^{п} + 8\}$

V период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{п}) + B^{п} + 16]\}$

VI период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{п} \times B^{п} + 32)]\}$

Первый период существования революционной власти отличается тем, что все классы и группы, охваченные Советской Конституцией, являются одновременно основой проводимой Советским государством генеральной линии в политике и экономике страны, за исключением, конечно, незначительной группы деревенской и городской буржуазии, которая находилась в бесправном положении не только политически, но и экономически. Преобладающая тогда в генеральной государственной линии политика уравнительности не предполагала в эту структуру внести какие-либо существенные изменения. Правда, уравнительность того времени выразилась больше в обязанностях и лишениях, чем в пользовании благами. Но так как это было время суровой борьбы в защиту революции, когда вся страна уподобилась военному лагерю, то это своеобразное положение не настолько бросалось в глаза. Наоборот, то время сплотило все указанные классы и группы в единую железную силу с надеждой после победы путем непосредственного строительства и осуществления социализма достигнуть действительной уравнительности в пользовании благами.

Капиталистические элементы в то время были почти совсем отодвинуты в сторону. Они находились под сильным давлением вооруженного революционным оружием и революционным энтузиазмом широкого блока всего рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства.

Второй период наступает в то время, когда дал о себе знать факт, что Советское государство, его генеральная линия не покрывают собой все классы и группы страны. С другой стороны, стало тогда популярным убеждение, что наличные в стране частно-капиталистические группы населения, хотя без политических прав, могут и должны еще сравнительно долгое время играть положительную роль в ее экономике. Допущение и благоприятствование частно-капиталистической инициативы, где уравнительность совершенно исключается, заставило отказаться от этой уравнительности и государственное хозяйство. Советское хозяйство в целом от этого выиграло. Проиграли только неквалифицированные рабочие. Абсолютно и они выиграли, относительно же они проиграли.

В этот период происходит значительное укрепление позиций сильных крестьянских хозяйств, а также средних, развивается и укрепляется городская буржуазия. Появляется некоторая отчужденность между Советским государством в целом и неквалифицированной, низко оплачиваемой частью рабочего класса. Эта последняя хотя ничего не теряет от полученных по Советской Конституции политических прав, все-таки фактически чувствует

себя обиженной так, что ее естественная органическая связь с советским конституционным блоком немного ослабевает, она становится механической. Прежняя ее органическая связь с конституционным блоком начинает заменяться простым приложением к нему. Вместо умножения на входящие в советский конституционный блок группы, как это имело место в I период, теперь во время II периода неквалифицированная часть городского деревенского пролетариата (А) связывается с ним только плюсом, приложением. При таком положении вещей неизбежно должен был вкрадываться в сердца неквалифицированной группы пролетариата червь сомнения в правильности проводимой авангардом своего же класса политики. Усилилась тревога за будущее. Вынужденное экономическое отступление поставило перед рабочим классом проблему установить, при вновь создавшихся обстоятельствах, свои новые отношения к Советскому государству, руководимому авангардом пролетариата, на компромиссных началах с крестьянством. Эти отношения должны были заключаться в том, чтобы 1) пролетариат всегда выступал единым фронтом против наступающего на него частно-капиталистического окружения и 2) против создания в партии и в рабочем классе идеологии так называемого гражданского мира и этим неизбежно атрофировать боеспособность рабочего класса на случай (весьма вероятный) неудачи, недолговечности абсолютного гражданского мира.

Разрешить эту проблему хотела имевшая тогда широкую связь с пролетариатом рабочая оппозиция. Но она, к сожалению, недостаточно поняла сущность проблемы и наделала поэтому массу ошибок. Правильно была тогда поставлена проблема группой (Д. Ц.) демократического централизма. Она говорила: поскольку партия взяла на себя руководство мелко-буржуазной страной с ее преобладающим частно-капиталистическим хозяйством, постольку партия вынуждена сделать частному хозяйству уступки, хотя бы для того, чтобы впоследствии таким образом укрепить социалистическое хозяйство. Это неизбежно. Поэтому не в этом вся опасность. Опасность в том, чтобы широкая партийная масса не стала индиферентной, видя наши уступки частно-капиталистическим элементам советского народного хозяйства. Такая опасность неминуема, если официальная точка зрения партии, руководя Советским государством, будет претендовать на абсолютную монополию партийного руководства, не допуская ни в коем случае в партии никакого различия мнений, не давая им естественно развиваться путем подавления их всеми суровыми наказаниями. Поскольку официальная точка зрения хочет быть органически связанной с широкими массами пролетариата и партии, постольку она должна дорожить, а не бояться свободы мнений в партии, связанной единой политической программой. Ведь партии долгое время придется работать в частно-капиталистическом окружении («всерьез и надолго»). Если даже вожди партии могут считать себя застрахованными от влияния окружающей частно-капиталистической среды, то армия партийно-советских чиновников в значительном ее числе от этого во всяком случае не застрахована.

Поэтому группа ДЦ предлагала ввести в практику партийного руководства широкий демократический принцип. Только таким образом можно создавать свободное, здоровое пролетарское общественное мнение в партии и профсоюзах. Это общественное

мнение определяло бы в каждом отдельном случае отношения рабочего класса к Советскому государству, которое является в силу обстоятельств и будет еще на долгое время являться не только рабочим, но рабоче-крестьянским. Свободное общественное мнение партии не отодвигает пролетариат от Советского государства, а делает возможным сохранение у рабоче-крестьянского государства максимально доступного, при создавшихся сложнейших условиях, характера пролетарской власти, т.-е. сближает пролетариат с Советским государством.

Действительно, X с'езд партии прошел под лозунгом необходимости введения внутрипартийной демократии, о чем свидетельствует принятая по этому вопросу тогда специальная резолюция. Ожидалось, что резолюция о внутрипартийной демократии впредь станет действующим законом—правилом по вопросам партийного строительства. Но, как говорят, нет правила без исключения. И тут «исключение» стало правилом, а о последнем (о правиле) совершенно забыли. Резолюция того же X с'езда о единстве партии была использована партийным аппаратом для полного аннулирования резолюции о внутрипартийной демократии, вопреки тому, что она далеко не для этой функции была предназначена. Наоборот, резолюция о внутрипартийной демократии должна была создать возможность, при допущении различия мнений в партии, сохранить фактически ее единство. Но это, к сожалению, не имело места. Причина—увлечение формальным единством.

Отсюда выросли следующие противоречия: 1) уступки частно-капиталистическому хозяйству начали давать свои плоды. Городская и сельская буржуазия оживает и обрастает жирком. Увеличивается благосостояние чиновничества. Лучше начинают жить и квалифицированные рабочие, хотя относительно отстают от первых групп населения. Весьма незаметно улучшается (относительно других групп населения, конечно) положение неквалифицированных рабочих. Все эти факты являлись тогда убедительнейшим доказательством тому, что происходившее уже в первый период нэпа укрепление частно-капиталистических элементов в нашем народном хозяйстве успело уже тогда внести значительные изменения (пока не политические, а экономические) в социальную физиономию советской страны. 2) Широкие массы партии и пролетариата, видя, что Советское государство находится под давлением происходящего со дня на день со стороны капиталистических элементов страны наступления, не могут быть удовлетворены таким положением, когда их мнение выслушивается авангардом своего же класса от случая к случаю, от с'езда к с'езду. Жизнь становится настолько изменчивой, что каждый день приносит новое и требует со всех точек зрения освещения. Скомканные и лихорадочные предс'ездовские дискуссионные листы широким партийным и пролетарским массам абсолютно ничего не дают. Эти дискуссионные листки входят просто в моду и становятся нужной (или ненужной) формальностью. Партийное руководство, признавая, бьющуюся ключом и выходящую за фактически дозволенные ей пределы, новую жизнь во враждебном нам лагере, упорно не желает признавать за широкими партийными массами права критики правильности и своевременности, размер необходимости в этих признаниях в то время, когда подобное право критики официальной государственной линии (на которую неминуемо должны влиять капиталистические элементы

страны) со стороны части пролетариата послужило бы противоядием против чрезмерных претензий враждебных пролетариату сил.

Налицо было острое прислушивание к тому, что творится во враждебном нам лагере, и беззаботное отношение, некоторое притупление слуха к тому, что тревожит нас самих. К тому времени относится об'явление, исходящее из среды руководителей партии о том, что партией овладел великий штиль (тишина).

К сожалению, очень многие не поняли, что корни этого весьма опасного явления, воистину грозного для пролетарской революции симптома, надо было искать в том, что партийное руководство, партийный аппарат методами принуждения хотел доказать недоказуемое, а именно: что рабоче-крестьянское государство есть рабочее государство.

Правда, круг сторонников действительно внутрипартийной демократии в то время значительно расширился в партии. Доказательством может послужить положение тогда московской организации. Вся оппозиция 1923 г. считала действительное проведение внутрипартийной демократии настоящим оружием пролетариата для борьбы против грозящих ему опасностей, об'ективно вытекающих из того сложного положения, когда государство, руководимое рабочим классом, в силу вещей не есть и не может быть рабочим, а рабоче-крестьянским, т.-е. когда в основе своей генеральной линии Советское государство вынуждено положить компромисс с частно-капиталистическим хозяйством.

Как известно, идея о внутрипартийной демократии, выдвинутая вторично оппозицией 1923 года вместе с декларацией Политбюро от 5 декабря 1923 г., была похоронена точно так же, как резолюция по этому же вопросу, вынесенная X с'ездом партии.

Такая судьба внутрипартийной демократии об'ясняется тем, что на основной вопрос нашего времени—установление отношений пролетариата к Советскому государству, являющемуся не рабочим, а рабоче-крестьянским, разными руководителями партии давались различные, зачастую исключающие друг друга ответы. Официальная же точка зрения, особенно партийный аппарат считали и продолжают считать подобную постановку вопроса совершенно анти-партийной, за что партийцы подвергались и подвергаются нередко суровым репрессиям, несмотря на то, что эта постановка вопроса является ленинской,—постановка вопроса, которой Ленин пользовался в качестве главного мотива против предложения Троцкого о возложении полной ответственности за хозяйственное строительство рабоче-советского государства на пролетариат путем сращивания профсоюзов с хозяйственными органами, их огосударствления. Профсоюзы, говорил Ленин, должны защищать интересы рабочих, как это ни странно, от руководимого его же авангардом Советского государства, которое в силу вещей есть не рабочее, а рабоче-крестьянское, при чем далеко еще не освобожденное от бюрократического аппарата старого режима, инерция которого хотя и с разными прикрашениями все еще не перестает тянуть нас назад.

Зато эту истину хорошо усвоили враждебные пролетариату силы, свобода экономического (отсюда и значительного идеологического и политического) действия которых нами допущена, именно исходя из этой предпосылки. Эти силы использовали первые наши уступки для того, чтобы, подпоясываясь, потребовать дальнейших уступок. Под прикрытием первого периода

нэпа зрели условия, заставляющие нас перейти к дальнейшему развертыванию нэпа. Допущение частной инициативы капиталистическо-хозяйственных форм исключает при нынешних условиях систему уравнительности и равенства. Допущение торговли хлебом фактически уже означало свободу сдачи в аренду земли безинвентарного крестьянина многоинвентарному, а также свобода найма первого последним. Дело совершенно не меняется от того, что мы признали это положение де-юре постфактум—с опозданием всего на 4 года.

«Лучше поздно, чем никогда» сказала себе новая сельская и городская буржуазия, прочитав постановление XIV партконференции, вводящее Советское государство в третий период существования.

А по поводу XIV с'езда, выразитель интересов и устремлений буржуазии, Устрялов с удовольствием отмечает: «Партия не пошла за паническими комнытиками. Партия полна неизменной верой в себя и в революцию. Зиновьев и Каменев фанатики... Зиновьев чрезвычайно обиделся за лодырей... Большинство, несомненно, лучше понимают дух ленинизма... Сталин и Бухарин достаточно испытанные ленинцы... Они обнаруживают реальное чутье...» Вот как раздает свои дары и удары идеолог буржуазии Устрялов [4]).

Третий период характерен значительным сдвигом в улучшении благосостояния городской и сельской буржуазии, чиновничества, особенно технически образованного. На ряду с этим положение широких рабочих масс заметно отстает от роста в стране общего благосостояния. Больше это дает себя, понятно, чувствовать у неквалифицированных рабочих. В то же самое время промышленность развивается относительно быстро. И невольно у широких рабочих масс получается впечатление, что рост благосостояния страны является следствием деятельности и напряжения сил не своих, пролетарских, а сил каких-то других, чуждых рабочему классу, видимых и невидимых. Получается впечатление, что инициатива постепенно переходит всё более к частно-капиталистическому хозяйству, которое дает себя довольно слабо использовать для строительства социализма. В окружающей обстановке подобные впечатления получают более чем достаточную пищу и вызывают у широких пролетарских масс города и деревни, а также бедноты глухое недовольство, которое при отсутствии возможности своего законного проявления неминуемо ведет к ослаблению органической связи внутри групп, являющихся основой советского конституционного блока. Выходит, что неквалифицированная часть пролетариата и беднота деревни, формально равноправные члены советского конституционного блока, фактически подчинены остальным участникам блока (в лице квалифицированной части рабочих, середняцкой части деревни и советски настроенной интеллигенции), строящего государство на компромиссе (не политическом, а экономическом) с частно-капиталистическим хозяйством.

Правда, обо всем этом можно говорить лишь как о намечающейся тенденции развития, а не как о чем-то совершившемся. Но то, что мы можем уже теперь наблюдать в этом направлении, достаточно для того, чтобы пролетариат—его авангард—его пар-

---

[4]) Примечание в конце статьи.

тия весьма серьезно призадумались о предстоящей опасности и чтобы впредь принимали действительные меры для избежания разрыва сил, являющихся основой советского государства, как государства, строящего социализм.

Если же это не будет сделано, то вызванная рабоче-крестьянским государством в жизнь городская и сельская буржуазия не замедлят использовать ослабление внутренней спайки между группами советского конституционного блока для усиления своего давления на рабоче-крестьянское государство, с тем, чтобы у него добиваться дальнейших признаний. Конкретно эти признания могут заключаться в том, чтобы рабоче-крестьянское государство создавало для новой сельской и городской буржуазии благоприятные условия для вложения накопленных ею путем эксплоатации и спекуляции капиталов в промышленность, т. е. сделать первые шаги к денационализации промышленности. Это—не сон. Анализ кризиса советского народного хозяйства 1925 и 1926 годов показывает, насколько уже реальна эта опасность.

Новая буржуазия уже теперь добивается того положения нами в схеме обозначенного под «IV периодом». Накопленные, посредством эксплоатации рабочей силы города и деревни, а также путем спекуляции за счет социалистической промышленности, капиталы новая буржуазия хочет использовать для нажима на Советское государство, чтобы ей было предоставлено право их вложить непосредственно в промышленность, обходя при этом Советское государство. Другими словами, вместо вложения своих капиталов в советские кредитные учреждения, новая буржуазия теперь уже фактически ставит условием вложения «своих» капиталов в промышленность денационализацию последней. «Свои» капиталы она уже теперь хочет использовать для того, чтобы помаленьку сделать «своей» и промышленность. Вместо простого приложения к советскому хозяйству новая буржуазия уже делает попытки органически с ним связываться и соответственно на него влиять и воздействовать, исходя из своих частно-капиталистических интересов. При чем в качестве контр-агента она упорно не желает видеть ни Наркомфина, ни Госбанка, ни ВСНХ. Она хочет иметь дело с отдельными отраслями промышленности и, понятно, с самыми рентабельными. Политически это означает подготовку путем использования вновь приобретенных таким образом прав для дальнейшего нажима с целью завоевания себе впоследствии вхождения внутри советского конституционного блока (V период) и при первой возможности, в качестве средства преодоления создаваемых периодически этой же буржуазией Советскому государству и его народному хозяйству трудностей, предложить «свои услуги» в виде непосредственного участия в государственном блоке (VI период).

Вот план новой буржуазии. И чем больше у ее накапливается денег, тем об'ективно реальней становятся эти планы.

Если Советское государство не приступит немедленно к использованию частных накоплений страны для промышленного строительства и индустриализации сельского хозяйства и этим восстановит начинающие за первые периоды нэпа ослабевать его связи с неквалифицированными рабочими и деревенской беднотой, то опасность, что мы не выйдем из нынешних острых затруднений без серьезных уступок частному капиталу, весьма и весьма реальна.

Многим эта опасность может показаться не совсем, или же в незначительной степени реальной. В доказательство приводят данные о быстром развитии нашей промышленности за последние годы, а также о планах и расчетах такого же развития на будущее. Думающие так совершенно забывают, что успехи, легко нам удавшиеся за последние годы в промышленности, имеют свои причины в том, что мы по существу ограничились до сих пор лишь эксплоатацией, созданной буржуазией промышленности. Эта промышленность аккумулировала громадные накопления всех классов снизу доверху, начиная с сельской и кончая городской мелкой и средней буржуазией. Этому переливу капиталов до революции никакие социальные преграды не мешали. Ибо дореволюционное хозяйство представляло собой единый организм, действовавших в условиях частной собственности,—этого основного регулятора частного хозяйства.

Совершенно иное теперь. Советское народное хозяйство революцией разбито на два различных хозяйственных типа: 1) сельское хозяйство и кустарная промышленность и 2) средняя и крупная промышленность. Первая действует в условиях частной собственности, а во втором частная собственность отменена. Естественной, стихийной аккумуляцией капиталов всех секторов народного хозяйства, необходимой как предпосылки для развития крупной промышленности города и деревни, революция поставила непреодолимые преграды. Если такой аккумуляции суждено осуществиться у нас, то не как при буржуазном хозяйстве, стихийном, а под воздействием сознательного руководства. Практика же последних лет показывает, что такое сознательное руководство, ведущее к мобилизации частных накоплений для вложения их в промышленность, у нас весьма туго прививается. Наоборот, у нас культивируется в широких кругах мелко-буржуазного хозяйства мысль о том, что для развития в более или менее удовлетворительных размерах промышленности совсем излишним является значительное привлечение накопления частно-капиталистического хозяйства. А сторонников действительного привлечения этих накоплений в промышленность называют «сверх-индустриалистами» или «колонизаторами» и «эксплоататорами» частно-капиталистического хозяйства в пользу социалистического (звучит то этакое выраженьице уж очень комично). При этом совершенно забывают, что отказ от максимального привлечения частно-капиталистических накоплений в советскую промышленность означает абсолютную невозможность удовлетворения ею спроса, пред'явленного промышленности, главным образом, частно-капиталистическим хозяйством, особенно со стороны верхушечных групп сельского хозяйства. Удовлетворить же громадный спрос на промышленные изделия со стороны частного хозяйства путем расширения, в требуемом довольно значительном размере, промышленности за счет одного прибавочного продукта—пролетариата, означало бы решительное отступление далеко от того, что Ленин подразумевал, говоря, что наше государство не есть рабочее, а рабоче-крестьянское. Между тем силы, которые давят на пролетариат справа, имеют своей целью добиваться именно такого положения. Навряд ли может кто-либо сомневаться в том, что эти правые силы, поскольку они проявляются у нас, как постоянно действующие экономические (легально) факторы не пользуются широким

влиянием на наше государство и в известной мере на некоторые элементы пролетариата и партии.

И если озабоченная мыслью об этой грозящей нам правой опасности, левая часть пролетариата и партии встречается со стороны генерального руководства на Всесоюзном с'езде партии с командой «Огонь влево», то по меньшей мере это означает культивирование политической слепоты так называемого «штиля» среди пролетариата.

А что это означает, когда кругом бушует стихия частно-капиталистического хозяйства и бьет ключом жизнь новой буржуазии города и деревни. Об этом много говорить не приходится.

Только получив такой теплый (с огнем...) урок, главные противники внутри-партийной демократии начали понимать, что именно она, внутри-партийная демократия является пока единственным средством для установления правильных отношений пролетариата к Советскому государству, которое пока не рабочее, а рабоче-крестьянское. Главный мотив этой группы противников внутри-партийной демократии в 1923 г., а именно: желание удержать на левом фронте Советского государства все основные силы большевистской партии, а для выражения и защиты интересов частно-капиталистического хозяйства страны создавать не то беспартийную фракцию при советах, не то состряпать путем отсечения от ВКП(б) так называемых правых элементов, а также путем легализации успевших советизироваться меньшевиков и эсеров в новую партию,—этот мотив, повидимому, направленного на него «огня» не выдержал и начал таять. Оказалось, что для выражения и защиты интересов частно-капиталистического хозяйства (правда, с непременной целью впоследствии построить социализм окончательно), находится достаточно охотников и среди основных кадров большевистской партии.

Это хотя и зло, но естественное, возможно и наименее вредное, так как других путей нет. Но из такого зла делать добродетель, заставить весь пролетариат и всю партию, как одного человека, только тем и заниматься, что петь дифирамбы подобной добродетели, довольно опасная штука. Надо создать внутри партии такой режим, который в общем хоре советской демократии обеспечивал бы пролетариату голос с несколькими октавами повыше обычного, конечно, не слишком, чтобы не надорваться. Такой режим с командой «Огонь влево» ничего общего не имеет. Надо не упускать из вида, что генеральная линия партии в руководстве Советским государством может считаться правильной не потому, что она сплошь пролетарская, а потому, что предполагается, что она в каждом данном случае должна быть наполнена максимально возможным при нынешних условиях пролетарским содержанием. Определить в каждом случае это пролетарское содержание генеральной линии Советского государства может исключительно свободно развивающееся общественное мнение партии. И до тех пор, когда не будет потеряно последней надежды строить и в нашей стране пролетарское хозяйство и социализм, генеральная линия партии в руководстве Советским государством у свободного общественного мнения партии и пролетариата всегда найдет необходимую поддержку. Вместе с этим только свободное общественное мнение партии может развивать и сохранить за рабочим классом его боевую способность, которая независимо от того, построим ли мы в одной нашей стране социализм или же только его будем строить, ему очень и очень нужна.

Поэтому практика «отсечения» в данное время к хорошему привести не может.

Но быть противником «отсечения» от партии нарушителей абсолютного единства и одновременно в основу партийного строительства положить принцип абсолютного единства—это значит не связывать концы с концами. Это совершенно беспринципно.

Но, с другой стороны, надо с определенной ясностью сказать, что быть за внутри-партийную демократию и одновременно считать исчерпанным все возможные шаги и мероприятия к действительному строительству пролетарского хозяйства и социализма, что значит быть одновременно за два друг друга исключающих понятия. Одно из двух: или не все еще возможности исчерпаны для строительства пролетарского хозяйства и социализма, в таком случае возложение ответственности на пролетариат за государство, неизбежные его жертвы, несмотря на вынужденное покровительство со стороны Советского государства частно-капиталистическому хозяйству, имеет свое историческое оправдание; тогда внутрипартийная демократия является единственным средством для сохранения боевой способности и чистоты идеологии пролетариата за весь период, когда рабоче-крестьянское правительство до поры до времени вынуждено с целью быстрого строительства пролетарского хозяйства и социализма культивировать занимающее еще значительное место во всем народном хозяйстве частно-капиталистическое хозяйство. Если же оставаться при мнении о том, что нам больше не предоставлена никакая возможность строительства пролетарского хозяйства и социализма в одной нашей стране, при задержке на долгое время международной революции, то в таком случае надо категорически заявить, что дальнейшие жертвы пролетариата, его ответственность за все государство, состоящего в большей мере из частно-капиталистических хозяйств, есть не что иное, как расхищение политических сил рабочего класса, его физическое и культурное вырождение. В таком случае, действительно, лучшим средством была бы система «отсечения», раскола партии на два лагеря: один—с фактическим преобладающим национальным содержанием, а другой—с интернациональным. Все революционное в русском рабочем классе и крестьянстве сохранилось бы и развивалось в борьбе против капиталистического хозяйства своей страны и всего мира. Менее революционные элементы рабочего класса вместе со средне-мощным крестьянством продолжали бы строить хозяйство в пределах ограниченных возможностей нашего государства.

Мне кажется, что для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело, возможно, никогда не созреет, а поэтому нет надобности говорить о ней. Во-первых, еще не доказано, что исчерпаны все возможности действительного строительства у нас пролетарского хозяйства и социализма. Делать подобные выводы из неправильной экономической политики 1924—25 г.г. просто паника. Надо лишь бороться за ее исправление. А, во-вторых, политика «отсечения» об'ективно может быть полезной для пролетариата лишь в том случае, когда все вопросы сложнейшей проблемы нашей революционной действительности в истинном их свете без малейшего прикрытия, как это бывает у нас теперь, стали достоянием всех, даже мало-мальски сознательных сил пролетариата и партии. Только в таком случае можно было бы быть уверенным, что «отсечение» сохранило бы на левом фронте

Советского государства абсолютно все действительно революционные элементы пролетариата.

Но такое, я бы сказал, «просвечивание» всех внутренностей партии рабочего класса возможно лишь только после того, когда партия в течение сравнительно длительного периода времени проводила бы широкую идеологическую отшлифовку умов пролетариата в условиях действительной внутри-партийной демократии.

Наблюдаемый в некоторых партийных кругах страх перед действительным развертыванием внутри-партийной демократии, опасаясь усиления на партию влияния мелко-буржуазного окружения, после всего сказанного не может быть ни при каких обстоятельствах оправдан [5]). Надо иметь смелость заявить, что партия в нынешних условиях неизбежно впитывает в себя настроение мелкой буржуазии, рост хозяйства которой в ближайшее время должен усилить ее политическое и культурное развитие. Вопрос только как бороться против раз'едания этим влиянием тех частей партии, которые более всего склонны поддаваться ему. Это влияние на партийных, профсоюзных, советских и кооперативных чиновников является безусловно развращающим с точки зрения пролетарских интересов. Мало того, чиновникам настоящая внутри-партийная демократия и не нужна. Действующая, главным образом, через чиновничество, партийное и близкое к партии, мелкая буржуазия напрягает все силы, чтобы истинный голос широких пролетарских масс в нашем общественном мнении был менее всего слышен, ибо из среды этих масс постоянно слышно недовольство развитием капиталистического хозяйства в стране.

Правда, широкое применение внутри-партийной демократии также может быть использовано мелкой буржуазией для усиления своего влияния на широкие партийные и рабочие массы. Но это влияние ни в коем случае нельзя рассматривать как влияние, производимое ею на вышеуказанную часть партии и чиновничество. Надо иметь в виду, что о материальном благосостоянии, следовательно, о падении революционности широких слоев пролетариата и партии еще рано говорить. Мелко-буржуазное влияние поэтому здесь не может выразиться в успокоении революционной совести, в перерождении, как это может иметь место у вышеупомянутой части партии, а наоборот, здесь это влияние выражается в подсказывании широким пролетарским массам в партии и вне ее о том, что их партия мало о них заботится, и, таким образом, вызвать требуемые мелкой буржуазией недовольства широких партийных и рабочих масс с их авангардом—партией. Такого рода влияние имеет скорее революционизирующее, чем развращающее, перерождающее значение для интересов партии пролетариата.

Поэтому корнем всех корней в решении судьбы партии в настоящее время является вопрос о действительном, безоговорочном проведении внутри-партийной демократии.

P. S. Вышеизложенное представляет собой наброски при желании выяснить то, что происходило в партии ко времени XIV с'езда, о чем происходят среди ее руководителей весьма острые споры при отсутствии в обще-партийной печати даже в самой незначительной степени подходящего раз'яснения.

---

[5]) Примечание в конце статьи.

В виду того, что примечания поступили в редакцию после верстки номера — они помещаются в конце статьи.

[1]) Теперь, ко времени 3-го пленума, июль 1926 г., общая линия найдена. Путь пролетариата для разрешения сложнейших современных проблем партийного и советского строительства проходит где-то по середине между путем, указанным оппозицией 1923 года, и путем, указанным оппозицией 1925 года. Оказывается, основное свойство этих обоих путей не было центробежным, центростремительным. Достаточен был коротенький период столкновений (правда, весьма резких), чтобы найти свою общую орбиту.

[2]) Напрасно т. Бухарин в своем ленинградском докладе от 28 июля извращает мои мысли. Смысл, сказанного мною в статье, помещенной в № 7—8 «Большевика», следующий: городская буржуазия и сильное крестьянство чрезмерно увеличивают после революции свои потребности за счет полной ликвидации накоплений видимых капиталов, необходимых для обслуживания рынка с/х продуктов и для соответствующего вложения в промышленное строительство, как это имело место до революции, когда мелкие сбережения частного хозяйства города и деревни достигли суммы в 2 миллиарда дов. рублей, пошедших на нужды с/х и промышленного оборота, в то время, когда теперь эти слои населения накоплений никаких не показывают и пользуются госуд. оборотным капиталом (а в известной мере и основным капиталом—долгосрочн. кредит) для обслуживания своего частного хозяйства в ущерб соц. промышленности. Напоминая о «царе и помещиках», т. Бухарин следует недостойному примеру своего ученика т. Стецкого, изобретателя этого извращения (см. «Правду» 29/IV и «Большевик» № 9). Этому вопросу мною посвящена специальная статья. Здесь пользуюсь лишь случаем задержки выхода очередного «Большевика», а также появления доклада т. Бухарина для коротенького раз'яснения.

[3]) Впоследствии своему определению природы Советского государства, как не рабочее, а рабоче-крестьянское, Ленин дал следующую формулировку: «Рабочее государство есть абстракция», т.-е. с тех пор, когда будет существовать государственная власть (в классовом обществе) о чисто рабочем государстве вообще и говорить нечего—это абстракция, т. к. в стране преобладает крестьянское и мелкобуржуазное население. Как видно, Ленин остался верным первому своему даже в несколько более резкой формулировке определению. Ленин исправил лишь стилистическую ошибку для успокоения взволновавшегося тов. Бухарина. Тут Ленин с большим педагогическим искусством членораздельно вторично раз'яснил т. Бухарину и другим, сделавшим испуганное лицо, слушав и не понимав ленинское первоначальное, и правильное определение природы Советского государства. Повидимому, и здесь, как и по вопросу о кооперации, т. Бухарину почему-то нужны два Ленина: один принципиально ошибавшийся, а другой исправленный... т. Бухариным (см. «Правда» от 3/VIII).

[4]) Большинство ЦК тут обыкновенно спрашивает: что же вы против постановлений XIV апрельской партконференции и декабрьского с'езда по существу?—Нет, отвечаем мы. Мы против оценки, данной большинством ЦК этим постановлениям. Мы против заявления большинства XIV с'езда о том, что разрешение найма безинвентарного бедняка зажиточным крестьянином и кулаком, а также допущение аренды кулаком земли этого же бедняка, есть уступка кулаку и зажиточному крестьянину, а... бедняку. Мы против названия, данного большинством ЦК ребенку, родившемуся в 9-месячном эмбриологическом периоде (знаменательный когда-то у истоков нашей истории период) между XIV апрельской партконференцией и декабрьским с'ездом. Заявляют, что тут ребенок родился от брака фактического,—согласны. Но большинство ЦК хочет добавить: от брака по любви и просит для ребеночка пряничек... Нет, тут уж позвольте не согласиться. До пряничков нашей стране вообще, особенно пролетариату, еще далеко, очень далеко.

[5]) Часто мы слышим со стороны большинства ЦК, что меньшинство, требуя свободы обмена мнениями в партии, является рупором мелкой буржуазии. Это не верно и противоречит логике. При диктатуре пролетариата мелкая буржуазия, наоборот, всячески избегает открытого выступления во имя своих интересов. Подкрашивая себя в модный и защитный цвет, мелкая буржуазия легализует себя достаточно для того, чтобы перерождающе воздействовать на наш государственный аппарат. Громкий и открытый голос мог бы ей тут лишь мешать. Следовательно, свой рупор в нашей единственной в стране легальной партии, мелкая буржуазия уже имеет и не может не иметь, ибо она в стране и преобладает. Вопрос лишь в том, выгодно ли пролетариату и до каких пор разрешить этому рупору пользоваться и прикрываться именем диктатуры пролетариата и социализма. Не выгоднее ли в интересах пролетариата заставить этот рупор скинуть маску и говорить от своего имени.

А. Слепков.

Платформа оппозиционного ликвидаторства.

(Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV с'езду»).

При появлении различных внутрипартийных оппозиционных отклонений от ленинской линии почти всегда находится лицо, продолжающее и умножающее ошибки оппозиции и представляющее их в логически-развернутом виде.

Эта логически развернутая платформа дает возможность судить о том, куда «растет» оппозиция и что она представит собою на другой или на третий день, если она будет «настаивать на своих ошибках».

В течение последних лет партии пришлось вести серьезнейшую борьбу с различными внутри-партийными оппозиционными течениями. В 1923—24 г.г. она была вынуждена бороться с троцкизмом; в 1925—26 г.г.—с так называемой «новой оппозицией»; в последние месяцы она стала перед необходимостью преодоления об'единенной оппозиции, которая включила, кроме ее идейных гегемонов—троцкистов, представителей «новой оппозиции» и подтянула к себе даже осколки «рабочей» оппозиции. Об'единенная оппозиция тоже нашла идейного продолжателя и умножителя своих ошибок. Мы имеем в виду Оссовского, выступившего сначала нелегально, а затем легально со своей платформой «Партия к XIV с'езду», разбором которой мы и намереваемся заняться в настоящей статье.

Центральным пунктом платформы Оссовского является положение о невозможности единства компартии из-за непролетарского характера руководимого ею советского государства (смысл его центральной идеи именно таков) [1]).

> «Положительное разрешение этого вопроса (о единстве партии. *А. С.*) не было бы затруднительным,—изрекает Оссовский,—если требовалось бы доказать возможность единства не единственно легальной партии. В таком случае партия, группируя вокруг себя определенный сектор экономических интересов страны, может оставаться абсолютно единой, оставляя другим партиям или группам возможность группировать вокруг себя чуждые ей интересы. Тогда мы были бы единой правящей страной партии, но не единственной в стране. Гораздо сложнее доказать возможность абсолютного единства единственно легальной партии в стране, где экономика самая разнообразная. О последнем никто никогда не спорит, т.-е. никто не спорил о том, что име-

---

[1]) Автор считает необходимым отметить: 1) что он цитирует статью по первоначальному ее тексту, 2) что курсив всюду наш.

ются в нашем хозяйстве секторы, где капиталистическая предприимчивость играла бы положительную роль. В таком случае партия, оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Грехопадение нашей партии, т.-е. ее скат с классовых позиций пролетариата к представительству интересов разных классов у автора новой платформы, несомненно, логически связано с приходом партии к власти.

Ибо, во-первых, различие экономических структур имелось на территории теперешнего союза республик и до диктатуры пролетариата; однако, Оссовский из голого факта различия структур еще не выводит неизбежности перерождения; наоборот, он подчеркивает, что в дореволюционный период партия могла быть и была классово-выдержанным авангардом пролетариата; перерождение же, очевидно, обусловлено у него таким положением, при котором партия руководит—или пытается руководить—делом экономического строительства в нашей стране, т.-е. обусловлено диктатурой пролетариата.

Во-вторых, единственно-легальной коммунистическая партия, как известно каждому, стала в силу того, что она сделалась правящей партией, т.-е. партией, возглавляющей советское государство. Таким образом, инкриминируемое нашей партии перерождение обусловлено у Оссовского ее руководящей ролью в отношении советского государства, которое, в силу своего об'ективного положения, якобы вынуждено «представлять интересы всех социально-экономических сил советского общества».

Из приведенных выше цитат следует, что у Оссовского идет речь не просто о неизбежности мелко-буржуазных влияний на компартию, а о невозможности единства компартии в условиях, когда эта партия является единственной легальной партией, руководящей советским государством.

Общеизвестно, что в партийной среде неоднократно и многими виднейшими представителями нашей партии выдвигалось утверждение о неизбежности влияния мелкой буржуазии на наименее устойчивые слои партии, особенно в такой обстановке, когда компартия является единственной легальной партией; на страницах партийной печати нашли отражение и обще-теоретические постановки вопросов о возможностях раскола партии и отколов от нее,—все это вполне закономерно, понятно, естественно и не ново. Но никогда и ни один партиец, через горнило каких бы уклонов он не прошел, не говорил о неизбежности раскола, о невозможности существования единой и единственной компартии.

Только в обстановке того идейного маразма, который характерен для последних внутри-партийных оппозиций, вошедших ныне в единое русло анти-партийной фракционной деятельности, только в условиях систематической борьбы оппозиции против ленинских принципов партийной организации,—могла появиться

и обнаружить себя чудовищная, ликвидаторская идея Оссовского о том, что наша партия, «оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Читатель напрасно будет искать у Оссовского серьезную аргументацию. У него есть лишь тень одного аргумента. Так как партия руководит государством и так как государство в своих управляющих и регулирующих функциях неизбежно вступает в теснейшую связь с различными экономическими структурами, вплоть до капиталистических, то и государство и правящая им партия вынуждены в своей политике отражать интересы различного социально-экономического порядка, вплоть до интересов капиталистических предпринимателей.

Из этой постановки вопроса вытекает, что пролетариат, организованный в государственную власть, не может вести классовой экономической политики в таких условиях, когда в народном хозяйстве имеются значительные элементы досоциалистических экономических формаций. С точки зрения Оссовского, социалистическое строительство и успешное продвижение к социализму со стороны пролетарского государства возможно и гарантировано только при условии, когда все хозяйство является монолитно обобществленным, т.-е. когда «куда ни плюнь—кругом социализм». Иными словами, пролетарское государство, ведущее классово-выдержанную экономическую политику, мыслимо только в такой исторической обстановке, когда пролетариат составляет все—или почти все—общественное целое и когда все—или почти все—хозяйство организовано как обобществленное социалистическое хозяйство.

В этой мысли заложена величайшая бессмыслица.

Если все хозяйство обобществлено и пролетариат составляет все—или почти все—общество, то тогда мы, по сути дела, не имеем уже ни пролетариата, ни классов, ни пролетарского государства (ибо, если нет классов, то нет и государства). Ни один здравомыслящий человек никогда еще не думал, что может существовать одноклассовое общество.

Таким образом, классово-выдержанное государство пролетариата, представляющее его исторические интересы — по Оссовскому—возможно только тогда, когда уничтожатся классы вообще и пролетариат в частности, а, стало быть, уничтожатся и условия для существования государства вообще и пролетарского в частности.

Успешное продвижение к социализму возможно только тогда, когда социализм уже осуществлен,—эта бессмыслица есть основной абстрактно-теоретический «перл» Оссовского, это есть центральная идея его «научной» системы.

Нужно ли доказывать, что Оссовский здесь неграмотно и плоско пропагандирует премудрости Каутского и всех теоретиков оппортунизма, считающих предпосылкой пролетарской революции полное—или почти полное—вытеснение капитализмом всех других докапиталистических экономических структур?

Однако, Оссовский может поступиться категоричностью своих суждений и соскользнуть на ту точку зрения, что пролетарское государство может вести выдержанную классовую политику и в условиях сосуществования различных социально-экономических

форм, но только при таком соотношении этих форм, когда социалистический сектор хозяйства по своим масштабам, продукции, роли в общей продукции народного хозяйства, стоит на много впереди других досоциалистических хозяйственных секторов. Иными словами, пролетарское государство может иметь место и может вести классово-выдержанную политику только в самых передовых странах, а не в отсталых, к числу которых (в технико-экономическом отношении) принадлежит и Советская страна.

Допустим, что Оссовский юркнет в эту теоретическую подворотню, и вытащим его оттуда «на божий свет». Укажем, прежде всего, что теоретические посылки Оссовского могут с полным правом быть отнесенными и к буржуазному государству. Буржуазия, организованная в государственную власть, ведет свою экономическую политику в обстановке сосуществования капиталистических хозяйственных форм с докапиталистическими (натуральное хозяйство, простое товарное хозяйство).

Вспомним хотя бы такую историческую эпоху, как эпоха, наступившая в ряде западно-европейских стран после буржуазных революций. Тогда буржуазия, ставшая у кормила государственной власти, вела классовую политику и укрепляла своей политикой капитализм, несмотря на то, что капиталистический сектор народного хозяйства был еще очень незначителен, что докапиталистические хозяйственные формы играли исключительно крупную роль даже в промышленности (вспомните Францию непосредственно после Великой Французской Революции).

Логика Оссовского обязывает его утверждать, что эти буржуазные государства вели не чисто классовую политику, а политику, представляющую и защищающую интересы всех хозяйственных форм (в том числе и интересы простого товарного производства). Но тогда что же остается у этого претенциозного «спасителя» партии и «хранителя» ленинских заветов от марксистско-ленинской теории государства? Не уместно ли еще раз вспомнить, как Каутский от критики теории диктатуры пролетариата пришел к развернутой ревизии Марксова учения о государстве?

При некотором напряжении своих умственных способностей Оссовский, конечно, мог бы придумать и еще один аргументик. Советская власть обнимает различные хозяйственные формы своим плановым воздействием, в то время, как буржуазные государства не ведут планового хозяйства и не подходят с непосредственно-регулирующими функциями к социально-чуждым хозяйственным элементам, как это может иметь место при советской власти, планирующей или имеющей тенденцию планировать и в частно хозяйственных секторах (напр., в отношении концессионных предприятий и даже крестьянских хозяйств). Поэтому, дескать, вышеприведенная нами аналогия недопустима. Но совершенно нетрудно сообразить, что привнесение в государственную экономическую политику буржуазии планово-регулирующего начала не меняет его классового характера.

Возьмем хотя бы государственно-капиталистические отношения, складывавшиеся в ряде европейских стран во время войны; буржуазное государство в этот период начинало регулировать в плановом порядке хозяйственное развитие и докапиталистических экономических форм,—тем не менее, оно ни на иоту не теряло своего классового характера. Таким образом, аргумент от плановости совершенно невесом.

Итак, мы видим, что от методологии Оссовского и не пахнет марксизмом. Если стать на его точку зрения, если принять всерьез его аргументацию, если анализировать государственную политику по Оссовскому,—то остается прийти к нелепому выводу, что никогда и нигде и никакое государство не вело классовой политики; все буржуазные государства, аккумулировавшие в течение веков методы и приемы классового эксплоататорского подавления эксплоатируемых,—с точки зрения Оссовского—вели не классовую, а межклассовую, надклассовую политику.

Поздравляем его с открытием, но напомним ему, что, вступив на этот путь, он теряет все, что случайно и поверхностно захватил от марксизма, и целиком и полностью становится на почву буржуазной идеологии.

Мы останавливаемся, прежде всего, на вопросе о государстве, потому что в немарксистском разрешении этого вопроса зарыт корень всех дальнейших злоключений Оссовского в его теоретическом путешествии к меньшевизму. Партия неизбежно перерождается—по Оссовскому—потому, что она завязла в госаппарате, который обязательно должен отражать интересы различных социально-экономических групп, вплоть до «капиталистических предпринимателей»; перерождение партии теснейшим образом связано у Оссовского с перерождением государства.

Собственно говоря, по Оссовскому, советская власть никогда не была формой пролетарского государства. Из этого явствует, что Оссовский не может говорить о перерождении рабочего государства: ибо не могло же перерождаться то, чего не было. Перерождается, по Оссовскому,—рабоче-крестьянское, а не рабочее государство, ибо советская власть является, согласно теории нового ревизиониста, формой рабоче-крестьянского государства.

> «Здесь уместно вспомнить,—пишет в статье Оссовский,—сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII с'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается теперь, через 6 лет стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское... Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно-существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят такими стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры, до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его

на все 100% социалистическим или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и таким образом ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям».

Хлестаков-Оссовский владеет ключом к истине. Он—и, пожалуй, немножко Ленин—знает, что наше государство не рабочее и бесстрашно разоблачает тех, кто это оспаривает, называя их «наследниками старого обанкротившегося режима». Если все коммунисты запуганы и осмеливаются, по мнению Оссовского, высказать правду только «за стаканом пива или за бутылкой вина,—у себя дома, вдали от партийной организации и пролетарской общественности»,—то он-то за словом в карман не полезет и будет резать «правду матку» в глаза.

Однако, эта «смелость» (не лучше ли здесь употребить другое слово, которое вернее отразило бы основное качество этого развязного мещанина в политике?) отнюдь не основана на серьезном изучении и теоретически продуманных положениях. Хлестаков обронил словечко о Ленине, а Ленина-то, на поверку, он и не знает.

Ленин, действительно, сказал однажды, что у нас «рабоче-крестьянское государство», но почти тотчас же раз'яснил, что это оговорка, ошибка.

«Говоря о дискуссии 30-го декабря,—пишет Ленин в статье «Кризис партии» весною 1921 года —я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское».

Тов. Бухарин сразу же воскликнул: «какое?». А я в ответ ему сослался на только что закончившийся VIII с'езд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А *на деле мы имеем рабочее государство*, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 33).

Ленин указывает на особенности среды, в которой действует пролетарское государство (преобладание крестьянского населения), он подчеркивает, далее, недостатки и болезни этого государства (бюрократические извращения), но он говорит ясно и недвусмысленно, что фраза о «рабоче-крестьянском» государстве у него случайна, что это оговорка, и что наше *советское государство есть рабочее государство*.

Не даром *Ленин* написал большую работу «Государство и революция»; не даром он дал блестящую контр-критику теории диктатуры пролетариата в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»; не даром именно он *обосновал тезис о советах, как форме пролетарского государства*.

И после этого Оссовский так себе, походя, между прочим, бросает словечки о том, что Ленин... согласен с ним в вопросе о классовой сущности советского государства. Это—верх шарлатанства.

Но Оссовский последователен. Он не любит доказывать; он изрекает «пифически», он бросается серьезнейшими, ответственнейшими, ревизующими ленинизм утверждениями необычайно легко, без раздумья, без тревоги, без аргументации. Особенное

возмущение вызывает его псевдо-научная форма, которая прикрывает чудовищную безграмотность.

Он поставил себе задачу—доказать непролетарский характер советского государства. По сему поводу он, во-первых, об'явил, не давши никаких доказательств, кроме разоблаченной, безграмотной, неосновательной ссылки на Ленина,—что советское государство есть не рабочее, а рабоче-крестьянское государство. Во-вторых, он утверждает, что это государство, по мере своего развития, теряет пролетарские элементы, отрывается даже от крестьянства, и вступает на путь капиталистического перерождения.

«Доказал» он это следующим образом. Обозначил разные классы и социальные группы значками (как учено!), при чем в социально-экономических характеристиках щеголяет удивительной «точностью»; в подразделении «пролетариат» у него фигурирует «пролетарски настроенная интеллигенция»; [1]) в подразделении «крестьянство»—с величайшей аптекарской «точностью» разграничены: во-первых, «*зажиточное* крестьянство», во-вторых, «*сильное* крестьянство» и, в-третьих, «*нарастающая буржуазия*». Говорите после этого, что он не владеет ключом к науке!

Наделив значками эти «точно» классифицированные социальные слои, Оссовский разбивает пройденный советским государством путь на три части (1917—21 г.г., 1921—25 г.г., 1925—1926 г.г.); затем намечает в перспективе еще три периода (почему не десять, не двадцать, это абсолютно не понятно!) уже без хронологических граней,—и заявляет, что за истекший период влияние непролетарских и особенно частно-капиталистических элементов на государственную политику усилилось, а пролетарских элементов—ослабилось; в перспективе же это перерождение советского государства, по Оссовскому, будет происходить еще сильнее.

Замечательнее всего то, что *этот вывод не доказан никакими фактами, цифрами, материалами, документами*. Сказано—и все тут. И этакое шарлатанство выдается за подлинный ленинизм!

То, что пролетариат за последние годы собрался и окреп, что за этот период были изжиты явления деклассирования пролетариата, что социалистический сектор хозяйства СССР укрепился и абсолютно и относительно,—это Оссовскому нипочем; мимо него пробежали и факты политического укрепления пролетариата и его авангарда. Вопреки всем этим фактам Оссовский утверждает, что государство под руководством партии умерщвляет активность и инициативу пролетариата и, наоборот, не препятствует оживлению политической активности враждебных пролетариату сил.

Ибо какая же другая, как ни эта мысль заключена в нижеследующей выдержке из его статьи:

«Если авангарду сравнительно легко без крупных потрясений может удаваться временно *умерщвлять* в зародыше попытки, со стороны *своего же* арьер-

[1]) Во втором «исправленном» тексте Оссовский «уточняет» и заносит в «пролетариат» уже не «*пролетарски*-настроенную интеллигенцию», а «*советски*-настроенную интеллигенцию». «Широкая» натура!

гарда добиваться свободной *критики* генеральной руководящей линии, устанавливаемой на основе компромисса с частно-капиталистическим хозяйством и, таким образом, тормозить развитие активности арьергарда, то мероприятия такого рода по отношению к классам, с которыми нет органической связи, удаваться никогда не могут... *О задержке в развитии этих классов, таким образом, не может быть и речи.* Вот тут-то умерщвление в зародыше попытки арьергарда своего же класса добиваться свободы критики генеральной линии, покоящейся на компромиссе с другим классом, может воистину сыграть роковую роль для классовых интересов пролетариата. Пролетарский арьергард отстает в лучшем случае от своего же авангарда. В противном же лагере, у других классов, подрастает более развитой и подготовленный для защиты своих классовых интересов арьергард. При таком положении (*а это не сон...*) авангард в лучшем случае может погибнуть в неравном бою, а в худшем?—скажете: сдается в плен, нет—в социальной битве в плен не берут. В худшем случае авангард неизбежно предаст. Он становится обыкновенным авангардом подросшего у других классов арьергарда».

Или несколько ниже:

«Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства и его народного хозяйства на один лишь пролетариат... Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, *сохраняет за собой свободу критики своего же государства в интересах частно-капиталистического хозяйства.* Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства *должна быть предоставлена* и пролетариату, особенно его авангарду—*его партии*».

Какую же картину нарисовал Оссовский?

Он утверждает:

1) Что в условиях развития советской демократии крестьянство «сохраняет за собой критику своего же государства *в интересах частно-капиталистического хозяйства*»;

2) в этих же условиях, когда генеральная руководящая линия взята на «компромисс с частным капиталистическим хозяйством», «*о задержке в развитии этих классов* (т.-е. *капиталистических* классов. *А. С.*) *не может быть и речи*»;

3) *авангард рабочего класса*, управляющий государством и заключивший компромисс с частно-капиталистическими элементами, *затормозил* «*развитие своего арьергарда*».

В этой связи Оссовский говорит, что «такая же (т.-е. та, которую имеют элементы, представляющие интересы частно-капиталистического хозяйства. *А. С.*) свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства, должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду».

Для того, чтобы подчеркнуть, что речь здесь идет не о тенденциях, а о далеко зашедших процессах, кликушествующий «спаситель» партии предупреждает, что *такое положение существует, что «это—не сон»*.

Поняли теперь в чем дело? У нас все социальные слои имеют свободу критики и возможность развернуть свою политическую активность, кроме рабочего класса и его авангарда, т.-е. партии!..

Читатель уже видит, что Оссовский сказал неправду, когда он заявил, будто бы, по его мнению, советское государство является «рабоче-крестьянским»: из только что изложенного абсолютно ясно, что советское государство—по Оссовскому—это извращенное буржуазное государство. Открыв в заключительной части своей статьи два течения в нашей партии («национальное» и «интернациональное»), рыцарь политической демократии, склоняющийся в своих симпатиях к «интернациональному» (?!) течению, заявляет, что, по мнению этого течения, «дальнейшие жертвы пролетариата, его ответственность за все *государство, состоящее из частно-капиталистических хозяйств* (неправда ли, как все точно и грамотно выражено? *А. С.*), есть не что иное, как расхищение сил рабочего класса, его физическое и культурное вырождение».

Перед нами законченный ликвидатор. При своей наглости он все же очень труслив (эти качества столь часто встречаются вместе!). Если он не бросает слова на ветер, а совершенно убежден в своей правоте, он должен был бы сделать из своего анализа такой вывод, адресованный пролетариям: свергай советскую власть, ибо она чуждая вам власть!

А новый герой ликвидаторской фразы вертит хвостом:

«Возвращаясь к вопросу о *генеральной линии партии* в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или иной степени правильной с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она *не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата*, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства».

Сделайте же еще шаг, другой вперед, в согласии с вашей оценкой положения, и вы очутитесь, о, «спаситель» партии, в рядах правых меньшевиков!

* * *

Основой основ ошибок Оссовского является его утверждение, будто руководимое партией советское государство, ведущее определенную экономическую политику в условиях сосуществования различных социально-экономических форм,—обязательно, неизбежно, «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Как же обстоит в действительности дело с представительством различных классовых интересов в советской стране? Чьи классовые интересы выражает советское государство?

Когда речь идет об экономической политике государства, то критерием классового характера этой политики является укрепление системы производственных отношений *определенного*

типа, укрепление этой политикой определенного способа производства, носителем которого является определенный класс.

Здесь необходимо сделать несколько предварительных замечаний о классах советского общества.

Общеизвестно, что Ильич считал основными классами советского общества пролетариат и крестьянство, при чем, несомненно, придавал этому положению вполне определенный, ограничительный смысл.

Из всех экономических формаций, определившихся в период новой экономической политики, существеннейшими и играющими наибольшую роль в хозяйстве СССР, вне всякого сомнения, являются: социалистическое хозяйство, представленное обобществленной промышленностью, транспортом и т. д., и масса крестьянских хозяйств, представляющих в подавляющем большинстве случаев простое товарное производство.

Эти последние хозяйства являются частно-собственническими и товаропроизводящими, но не эксплоатирующими чужого труда.

Если взять социальную сторону экономического соотношения социалистической промышленности и простого товарного производства, то это и будет соотношение носителя государственной власти—пролетариата и середняцко-бедняцких масс крестьянства (плюс большинство ремесленников и кустарей).

Когда Маркс приступал к анализу капиталистического общества, то он, на первой ступени анализа, исходил из абстракций капиталистического общества, состоящего из двух классов: буржуазии и пролетариата; и только на другой ступени более конкретного анализа вводил помещиков и крестьянство, т.-е. модифицированных—по своему экономическому облику,—капитализмом классам старого феодального общества.

Когда Ленин намечал основной социально-экономический рисунок советского общества, когда он нащупывал первую ступень анализа советского общества, то он исходил из абстрактного, так сказать, «чистого» советского общества, состоящего из двух классов: пролетариата и простых товаропроизводителей (основная масса крестьянства).

Все основные экономические и политические вопросы, все стратегические задачи партии и государства, Ильич разрешал, считая главным именно это решающее классовое соотношение в советской стране; достаточно прочитать написанное Ильичем о новой экономической политике, чтобы убедиться, что дело обстоит именно так.

С другой стороны, общеизвестно, что Ленин характеризовал нашу эпоху как эпоху решающей борьбы между социализмом и капитализмом («кто кого?»), т.-е. он видел антипода пролетариата в советском обществе в лице класса капиталистов (ибо капитализма без капиталистов не бывает). Здесь мы имеем дело со следующей ступенью анализа классовых соотношений советского общества, когда в сферу анализа вводится буржуазия. Прежняя «дробь» на этой ступени анализа выступает как единица.

Таким образом, в этой второй, более конкретной фазе анализа советского общества, Ильич представлял последнее как трех-

классовое общество, состоящее из пролетариата, простых товаро-производителей и капиталистического класса (промышленная, торговая, финансовая буржуазия, сельская буржуазия и т. д.).

Эти три класса представляют три определенных способа производства, а именно: социалистическое производство, простое товарное производство и капиталистическое производство.

Когда мы ставим перед собой вопрос о том, каков классовый характер экономической политики советского государства, то этот вопрос может быть разрешен только путем разрешения вопроса: какой способ производства укрепляет своей политикой советское государство?

Необходимо не забывать, что Ленин рассматривал советское государство как «орудие классовой борьбы пролетариата»; в условиях строительного периода это и означает, что советское государство является орудием борьбы за социалистический способ производства.

Крикливый невежда Оссовский предлагает бороться «против создания в партии и в рабочем классе идеологии так называемого гражданского мира», безбожнейшим образом путая гражданскую войну и классовую борьбу вообще. Гражданская война есть такая форма классовой борьбы, когда классовые противники сражаются друг против друга с оружием в руках. Это у нас было. Сейчас гражданской войны внутри нашей страны уже нет: диктатура пролетариата может строить социализм, но классовая борьба не прекращается. При этом мощнейшим, важнейшим, величайшим орудием этой классовой борьбы в руках пролетариата является советское государство, обеспечивающее своей политикой конечную победу пролетариата, т.-е. торжество социалистического способа производства.

Политика советского государства—и по своей установке, сообщенной ему коммунистической партией, и по своим об'ективным результатам—обеспечивает победу социалистического способа производства над другими способами производства, т.-е. более быстрый рост социалистических элементов хозяйства СССР, чем рост других не социалистических элементов хозяйства.

Само собой разумеется, что здесь речь идет не о днях и месяцах (здесь могут отрицательно сказаться и временные неудачи и временные издержки наших хозяйственных маневров), а о годах. Пусть кто-нибудь докажет (а не сболтнет!), что политика советского государства не имеет своей целью торжество социалистического способа производства и не обеспечивает систематическое продвижение к этому торжеству,—тогда можно будет поставить под сомнение пролетарский характер нашего государства и его политику.

Пока же бесспорным является то, что политика советской власти привела к более быстрому росту социалистических элементов хозяйство СССР, чем рост враждебных социализму хозяйственных элементов. Это и есть выражение и доказательство классово-пролетарского характера советского государства и его политики.

Перейдем теперь к вопросу о простом товарном производстве. Заинтересовано ли советское государство в «уве-

ковечении» или конечном торжестве простого товарного производства? Отнюдь нет. Победа социализма означает уничтожение частного хозяйства вообще, в том числе и простого товарного производства. То обстоятельство, что мы видим в кооперации организационную форму для движения основной массы крестьянских хозяйств к социализму, означает, что партия и руководимое им государство ставят своей задачей, конечно, в длительный период, *преодолеть простое товарное производство.*

Однако, здесь речь идет, как выражался Ленин, о «*переделке*», а не о «пожирании», как выражаются некоторые другие товарищи.

Именно в интересах социализма мы должны переделывать простое товарное производство *на основе смычки* двух основных классов нашего общества—*пролетариата и крестьянства.* А эта смычка предполагает, что, во всякий данный момент, мы стремимся установить такое соотношение между социалистической промышленностью и простым товарным производством,—а, в переводе на язык социальных отношений,—между пролетариатом и основной массой крестьянства, которое обеспечивало бы абсолютный и относительный рост социалистических элементов нашего хозяйства *без нарушения равновесия между правящим пролетариатом и основной массой крестьянства,* без разрыва смычки.

Никто из ленинцев не будет оспаривать того, что интересы пролетариата требуют скорейшего и интенсивнейшего развития промышленности, максимально быстрого—при данных условиях—проведения индустриализации страны. Но если бы кто-нибудь предложил купить ускорение индустриализации *ценой разрыва* рабоче-крестьянского блока, тот об'ективно выступал бы *не выразителем интересов* пролетариата, а *врагом этих* интересов.

В самом деле. Предположим, что советская власть вступила бы на путь систематической постепенной экспроприации крестьянства (а не из'ятия прибавочного продукта *в меру,* что естественно и неизбежно) в целях обеспечения большого фонда для индустриализации. Такой фонд, несомненно, смягчил бы острый недостаток в капиталах, и, сам по себе взятый, теоретически рассуждая, мог бы ускорить процесс индустриализации нашей страны.

Но, во-первых, такая латентная экспроприация привела бы к восстанию против советской власти огромного большинства населения СССР и к свержению диктатуры пролетариата. Во-вторых, если даже предположить, что крестьянство с фаталистическим спокойствием отнеслось бы к своей экспроприации (что предполагать, вообще говоря, не очень умно), и рассмотреть вопрос с чисто экономической точки зрения, то, и в этом случае, перспектива будет весьма не утешительной. Экспроприация крестьянства лишила бы нас источников питания, сырья и рынка сбыта, нарушив все пропорции, поставив нас перед необходимостью изыскать новые, еще большие капиталы, для постановки сельско-хозяйственного производства, взвалив на нас задачи, под тяжестью которых мы бы задохнулись.

Вот почему быть «*сверхиндустриалистом*»—*это не значит представлять интересы пролетариата: об'ективно это значит—делать обратное.*

Итак, в интересах социализма, в интересах представляющего его пролетариата, мы должны обеспечивать рост социализма на основе рабоче-крестьянской смычки. Это означает, что наша политика, *в известной мере,* будет обеспечивать условия и для экономического под'ема основной массы середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств, которые мы одновременно стремимся всемерно кооперировать.

Значит ли это, что советское государство изменяет интересам пролетариата, испытывает «крестьянское перерождение» и соскальзывает с пролетарских на мелко-буржуазные рельсы? Это может утверждать только совсем недалекий человек, ибо вся экономическая политика ведется советским государством *под углом укрепления и бесперебойного роста социалистических элементов нашего хозяйства,* хотя в результате этой политики выигрывает не только социалистический сектор нашего хозяйства, но выигрывает и простое товарное производство; хотя от этого могут частично выиграть и капиталистические элементы, растущие из крестьянской массы.

Задача решается при данных социально-экономических условиях, в определенном историческом контексте, а не при выдуманных и произвольно взятых условиях, а не в безвоздушном пространстве—эту «малость» забывать нельзя ни на одну минуту.

Процесс кооперирования основной массы крестьянских хозяйств за счет накоплений в простом товарном производстве будет, с одной стороны, предотвращать возможные отрицательные для пролетариата последствия роста простого товарного производства, а, с другой—обеспечивать—опять-таки очень длительным и противоречивым путем—постепенное превращение простого товаро-производителя в члена социалистического общества.

Особо следует отметить место—в этом социальном переплете — *бедняка.* Поскольку он является полупролетарием (в случае продажи своей рабочей силы), постольку он, в этом своем бытии, должен рассматриваться как элемент рабочего класса, со всеми вытекающими отсюда последствиями; поскольку он является простым товаро-производителем с хозяйством низкого экономического уровня, постольку он нуждается в помощи советского государства как наиболее близкий пролетарию элемент класса простых товаро-производителей.

Таким образом, вопрос о представительстве классовых интересов крестьянства советским государством стоит гораздо сложнее, чем кажется некоторым «исследователям» типа Оссовского, кстати сказать, сплошь и рядом *валящего в одну кучу и выносящего за одни скобки капиталиста и простого товаро-производителя.*

Советское государство *не выражает* исторических интересов простых товаро-производителей, *как таковых,* поскольку оно не стремится обеспечить конечное торжество и «увековечение» простого товарного производства.

Оно *выражает* их интересы в том смысле, что, *исходя из интересов пролетариата,* своей политикой *предохраняет их от «пожирания» капитализмом* и переводит, в конечном счете, в социалистическое общество путем переделки, а не мучительным путем экспроприации.

Наконец, оно, *исходя из интресов строящего социализм пролетариата, частично выражает* и ее

сегодняшние интересы, обеспечивая условия для экономического под'ема и ускорения кооперирования основной массы крестьянских хозяйств.

Переходя к вопросу о частно-капиталистическом производстве, мы должны отметить, что в предыдущей части статьи уже, в основном, ответили и на этот вопрос. Ибо, если задачей и об'ективной результантой экономической политики советского государства является абсолютное и относительное укрепление социалистического способа производства, то это и означает, что экономическая политика направлена на вытеснение капиталистического способа производства.

Ильич квалифицировал специфический характер нашей экономической политики в отношении частного капитала в строительный период термином «вытеснение», в отличие от «переделки», о которой шла речь в отношении основной массы крестьянства, т.-е. простых товаропроизводителей.

Однако, это вытеснение происходит противоречиво и с зигзагами. Если на первоначальной ступени строительства социализма государственные «капиталы» являются недостаточными для обслуживания производства и обращения в необходимых масштабах, то пролетарскому государству может быть выгодным частичное допущение капитала и в области обращения и даже в области производства, конечно, при условии соответствующего контроля, обложения и государственного воздействия на этот капитализм (в случае, когда налицо «государственный капитализм», этот контроль и воздействие более значительны, в случаях с частным капиталом—слабее).

Само собою разумеется, что капитал, использующий эту кон'юнктуру, проявляющий,—конечно, в ослабленных формах—и свою эксплоататорскую сущность, усиливается, но нельзя забывать, что, допуская его, ограничивая его, мы вместе с тем его используем. В этом и заключается историческое оправдание его допущения: мы допускаем, ограничивая, для использования.

Общеизвестно, что советская революционная законность включает в себя и известные правовые гарантии для допущенного в советской стране капитала, конечно в совершенно других размерах и по другому, чем в буржуазных странах. Но вся суть дела заключается в данном случае в том, что революционная законность охраняет здесь права допущенного капитала именно под углом зрения временного сохранения об'екта использования и источника государственного накопления. В наших условиях некоторое усиление капитала сопровождается еще большим усилением моментов использования этого капитала государством.

По мере нашего собственного укрепления, которое будет, между прочим, происходить и за счет частного капитала, мы все больше и энергичнее будем продвигаться по пути «вытеснения» частного капитала, вплоть до полной ликвидации капитализма.

Таким образом, советское государство, представляющее интересы пролетариата и обеспечивающее своей политикой торжество социалистического способа производства, ни в какой мере не выражает исторических интересов капитала, а, наоборот, является решающим фактором окончательного уничтожения капитализма. С другой стороны, советское государство и не трансформирует капиталистические хозяйственные формации, так как оно трансформирует простое товарное производство: оно не «переделывает», а «вытесняет» капитализм. Наконец, используя допущенный капитал, советское государство до поры, до времени допускает существование и даже абсолютное усиление капитала, что ни в коей мере не может быть квалифицировано, как представительство интересов частного капитала.

В данной связи необходимо осветить еще одну сторону рассматриваемого вопроса. Общая классово-пролетарская выдержанность политики советского государства в отношении допущенного капитала отнюдь не исключает временных просчетов и ошибок, способных частично усилить капитал и временно ослабить наши позиции. Борясь за большую точность наших расчетов, выводя уроки из прошлых ошибок, избегая новых ошибок, мы вместе с тем не можем не понимать и того, что рыночная стихия не поддается в наших условиях абсолютноточному учету и плановому воздействию, откуда проистекает, в известной мере, неизбежность подобного рода просчетов.

Если бы эти просчеты стали нормалью, определяющей политику советского государства, а не частичными и исправляемыми ошибками, то тогда можно было бы поставить вопрос об искривлении классовой линии советского государства.

Но этого нет, а потому отпадает и подобная постановка вопроса.

Критики типа Оссовского неимоверно упрощают свою задачу: вместо разрешения проблемы они ее просто снимают; вместо изыскания правильных путей экономической политики пролетарского государства в классовом обществе, каким является советское общество, они об'являют вообще невозможной правильную политику пролетарского государства в этом классовом обществе и тем самым уклоняются от вопроса. В этом, как и во многом другом, сказывается их полнейший и радикальный отход от ленинизма.

Ленин, между прочим, велик тем, что он сумел поставить и разрешить проблему гегемонии пролетариата в революции; он велик тем, что сумел эту проблему поставить и в основном разрешить и для периода социалистического строительства. Гегемония же предполагает не только суб'екта гегемонии, но и об'екта гегемонии; осуществление ее предполагает умение правильно оценить классовые взаимоотношения и инициативно воздействовать на них.

Еще в «Что делать?» Ильич подчеркивал, что суть политики заключается в правильной установке пролетариата и его авангарда по отношению к разным классам. И пролетариат, и пролетарское государство, и пролетарская партия, и экономическая политика советского государства существуют постольку, поскольку еще существуют классы, поскольку между этими классами существуют определенные взаимоотношения, поскольку существует проблема регулирования этих взаимоотношений, поскольку, конкретно, существует проблема гегемонии пролетариата.

А Оссовские в своем «анализе» «начинают» классово выдержанную политику пролетарского государства там, где она кон-

чается: они видят проблему в такой обстановке, в которой она уже снимается ходом исторического развития.

Политика вообще и политика пролетарского государства в частности имеют место только до социализма, при котором отомрут классы, отомрет политика и «снимется» проблема гегемонии пролетариата.

А Оссовские, в этот период движения к социализму, осуществления последнего, считают социализм неосуществимым, и надеются его получить когда-то и почему-то готовым без предшествующей исторической работы пролетарского государства, без осуществления гегемонии пролетариата в классовом обществе переходного периода.

Методологически здесь во всей своей красе обнаруживается меньшевистский фатализм, а политически такая постановка вопросов полностью и целиком есть скат к оппортунизму. Подождем еще сотни лет, пока капитализм сметет в своем развитии докапиталистические социально-экономические остатки, а тогда посмотрим,—«вот смысл философии сей».

Но эта философия так же чужда пролетариату и так же близка буржуазии, как чужда пролетариату и близка буржуазии идея увековечения политической демократии, за которую ратует Оссовский.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о партии.

Оссовский утверждает, что в переживаемую нами эпоху партия не может быть единой, и намечает перспективу—сначала расщепления партии на фракции, а затем затвердения этих фракций в политические партии. Решающим аргументом в пользу положения о невозможности единства партии у Оссовского является соображение о непролетарском характере и перерождении советского государства, в котором завязла правящая, единственно-легальная компартия. Поскольку существует советское государство в классовом обществе, поскольку это государство неизбежно выражает интересы разных классов, постольку монопольно правящая государством компартия неизбежно превращается в политическую организацию, теряющую классово-пролетарский характер и выражающую интересы разных классов. Мы уже попытались показать в предшествующем изложении истинную цену этих теоретических посылок Оссовского.

Посмотрим же теперь, куда гнет свою линию Оссовский, для чего он нагородил столько вздору, к чему он подбирается, выставив положение о невозможности единства компартии? Наиболее близкой и безоговорочно приемлемой для себя Оссовский считает организационную платформу троцкистской оппозиции 1923 года.

Вот как он излагает эту платформу.

«Оппозиция 1923 года говорит: в партии нет спора об отсталости и противоречивости экономики нашей страны. Нет также спора о том, что никакие организационные принципы о формальном абсолютном единстве партии не спасут от возникновения в партийной верхушке (высшей и средней) политических разногласий (не выходящих, конечно, за пределы общей единой программы). Если же широкая партийная масса не будет воспитываться на экономических и политических противоречиях, вызванных самой жизнью, то эта жизнь пройдет помимо массы, а партия останется «генеральской». А поэтому крайне необходимо внести в массы политическое оживление путем привлечения ее к обсуждению или разборке экономических и политических проблем нашего времени.

В низах, правда, создадутся текущие группировки по различным вопросам по-разному. Но эти текущие группировки будут, как и у верхушки бывает, в пределах единой партийной программы. Как в фокусе, партия будет отражать происходящее в стране и будет готова к грядущему дню. Но предварительной предпосылкой оздоровления партийных организаций есть: пожертвование установившимся в последние годы в партии абсолютным формальным единством. Оппозиция 1923 года считала и продолжает считать это единственным выходом из положения»[1]).

Смысл этой платформы заключается в легализации группировок (тож фракций) «в пределах единой партийной программы». На счет единства программы — это сказано так, для прикрытия. Ибо разве теория перманентной революции Троцкого, возглавляющего оппозицию 1923 года, не ревизует основ ленинской партийной программы; разве фактическое отрицание ленинского плана кооперирования крестьянства не есть отрицание одного из важнейших программных положений нашей партии?

Но легализация фракций для Оссовского не законченная программа, а лишь «дверь», «ворота» к более широкой программе, лишь первая ступень. А вот и вторая ступень. Характеризуя тенденции новой оппозиции 1925—1926 г.г., Оссовский полагает, что, с точки зрения этой оппозиции, «действительно лучшим средством была бы система «отсечения», «раскола партии на два лагеря», и продолжает:

> «Оба лагеря, по крайней мере на первое время, коммунистические: один коммунистический с фактическим преобладающим национальным содержанием, а другой—с интернациональным. Все, что революционное в русском рабочем классе и крестьянстве, сохранилось бы и развивалось в борьбе против капиталистического хозяйства своей страны и всего мира. Менее революционные элементы рабочего класса вместе со средне-мощным крестьянством продолжали бы строить хозяйство в пределах ограниченных возможностей нашего государства».

Обратите внимание на то, что строящая социализм компартия, сочетающая это строительство с поддержкой мировой революции,— изображается здесь как «национальная» партия, а долженствующая быть легализованной, борющаяся с компартией и скатив-

[1]) Цитируя Оссовского мы вынуждены воспроизводить целиком все стилистические несуразности и просто грамматические ошибки этого «сверхтеоретика».

шаяся к позициям буржуазной демократии, партия Оссовского,— именуется «интернационалистской».

Хорошее же чутье интернационального у автора этих замечательных теорий!

Как Оссовский относится к этой платформе, можно видеть из следующей цитаты.

«Мне кажется, что для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело, а поэтому нет о ней надобности говорить [1]). Во-первых, еще не доказано, что исчерпаны все возможности действительного строительства у нас пролетарского хозяйства и социализма. Делать подобные выводы из неправильной экономической политики 1924—1925 г.г. просто паника. Надо лишь бороться за ее исправление. А, во-вторых, политика «отсечения» об'ективно может быть полезным для пролетариата лишь в том случае, когда все вопросы, сложнейшие проблемы нашей революционной действительности в истинном их свете без малейшего прикрытия, как это бывает у нас теперь, стали достоянием всех даже мало-мальски сознательных сил пролетариата и партии. Только в таком случае можно было бы быть уверенным, что «отсечение» сохранило бы на левом фронте советского государства абсолютно все действительно революционные элементы пролетариата. Но такое я бы сказал, «просвечивание» всех внутренностей партии рабочего класса возможно лишь только после того, когда партия в течение сравнительно длинного периода времени проводила бы широкую идеологическую отшлифовку умов пролетариата в условиях действительной внутри-партийной демократии».

Итак, Оссовский не отрицает этой платформы принципиально. Он лишь находит, «что для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело». Он лишь находит, что надо еще «доказать», а доказать без действительной внутри-партийной демократии (т.-е.—по Оссовскому—без свободы фракций) невозможно.

Не ясно ли теперь каждому, что Оссовский намечает перспективу перехода от легализации фракций к легализации двух партий?

Но это не последняя ступень. Не угодно ли ознакомиться с тем, как Оссовский представляет себе эту третью ступень?

Оссовский полагает, что в нашей партии, в ее руководящих кругах, имеется группа товарищей, до сих пор стоящая на оценках и позициях, обобщенных в лозунге «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и предполагающих легальное существование мелко-буржуазных и даже буржуазных политических партий.

Констатируя, что ходом революции уже в октябре 1917 года эта позиция была преодолена, Оссовский продолжает:

[1]) Во втором тексте автор из стратегических соображений смягчил это утверждение, добавив, что, быть может, условия для такой постановки вопроса никогда не созреют. Однако, эта вставка находится в вопиющем логическом противоречии с ходом дальнейших рассуждений автора.

«Но если это не удалось в 1917 году, то еще не доказано, что это самое не удастся в 1925 году, если в силу обстоятельств необходимо вернуться к такому положению. Наоборот, меньшевики или эсеры, или другие, с подобным старым содержанием, с другими названиями и другими вождями, были бы довольны хотя бы возможностью одного легального существования без всякой претензии пока на значительную роль в руководящей и правящей власти. Если возврат к такому идеальному положению возможен, то почему же партии, при создавшейся обстановке, активно не содействовать этому возврату? Ведь такой возврат освободил бы ВКП от роли защитника капиталистических элементов нашего хозяйства, с их положительными и отрицательными сторонами, одинаково нам чуждыми и до сих пор плохо усвоенными...»

Как же Оссовский реагирует на эту сконструированную и логически завершенную им теорию? Быть может, какой-нибудь наивный читатель подумает, что хоть здесь, на границе с буржуазной демократией, Оссовский решительно и резко осудит эту теорию? Вотще!

«Возможно... через некоторое время кое-какие группировочки необходимо будет отсечь от партии, оставляя их легально в стороне, как представителей мелко-буржуазных форм нашего народного хозяйства. Теперь же это преждевременно, а следовательно, и вредно... Предварительно необходимо проделать и доделать громадную воспитательную внутри самой партии работу. Эта работа должна быть проделана на конкретном материале, содержащем все оттенки фактических течений в экономике и политике СССР. Только на подобной работе может произойти правильно как отбор лучших элементов нынешнего состава партии, которые готовы ко всяким боям пролетариата, а также таким образом только может произойти отсеивание тех элементов, которые могут быть полезными для советской власти только лишь при прочности основ пролетарской диктатуры, при чем вне рядов партии. Надо создать благоприятную обстановку для такой гигантской работы, долженствующей охватить широчайшие слои партии и пролетариата».

Таким образом, и здесь нет принципиальных возражений; наоборот, весь ход мысли упирается в необходимость подготовить обстановку для осуществления этой платформы, которая в данный момент еще не осуществима, еще «преждевременна», но на которую нужно держать курс, которую надо стремиться реализовать в будущем.

Перед нашими глазами теперь прошли все три ступени «перспективного плана» Оссовского.

Первая ступень: легализация фракций внутри партии.

Вторая ступень: легализация двух политических партий.

Третья ступень: легализация различных политических партий, представляющих интересы различных социально-экономических групп. В числе этих партий прямо указаны

меньшевики и эсеры, а из всего построения следует, что легализация должна распространиться и на буржуазные партии.

«Конец венчает дело!»

Ликвидатор скинул с себя псевдо-пролетарское облачение и предстал в виде готового и банального буржуазного демократа. Вот как дорого обходится последовательная ревизия ленинских принципов партийной организации! Нужно ли здесь что-нибудь критиковать? Нам кажется, что не нужно. Все это тысячи раз раскритиковано, буржуазный характер этой программы доказан еще очень давно Лениным и очевиден для всей нашей партии.

Здесь достаточно только показать. Мы сие и делаем.

Остается показать Оссовского еще с одной стороны. Наш «левый» политик и «истинный интернационалист» предлагает не более, не менее как отказ ВКП(б), этого опытнейшего и сильнейшего отряда международной пролетарской организации, от идейного руководства Коминтерном.

С точки зрения логики, такое «дополнение» к программе ликвидации ВКП(б) ничего удивительного не представляет, но кто же рискнет утверждать, что столь универсальный ликвидатор страдает «левым» уклоном?

Вот дилемма Оссовского:

«Изолировать готовящиеся к боям коммунистические партии Запада от давления чуждых им факторов является задачей всего Коминтерна. Здесь возможны два варианта: 1) ВКП(б) изолирована от влияния чуждых ей экономических (и политических) факторов, когда ее непосредственная руководящая роль в Коминтерне может быть еще на долгое время необходима и обеспечена;

2) ВКП(б) находится под влиянием чуждых ее программе хозяйственных форм, тогда непосредственно руководящая роль в Коминтерне должна быть обеспечена и за национальными секциями».

Или ликвидируй диктатуру пролетариата СССР, или отказывайся от идейно руководящих функций в Коминтерне! Всякому революционному рабочему известно, что роль ВКП(б) в Коминтерне обусловлена именно тем, что ВКП является наиболее ленинской, наиболее выдержанной, наиболее опытной секцией Коминтерна, умеющей укреплять пролетарскую диктатуру и строить социализм в труднейших условиях. Идейное руководство ВКП(б) есть один из решающих факторов большевизации международной пролетарской организации.

Что же предлагает Оссовский?

В случае, который он считает лучшим, в СССР будет несколько политических партий. В таких условиях Оссовский обязательно потребовал бы, чтобы пролетариат Союза Республик представлялся различными партиями (или даже только партией, не стоящей у власти, дезорганизующей ее и имеющей своим идеологом Оссовского). Но кто может всерьез предположить, что, в этом невозможном случае, Коминтерн допустил бы руководство, представленное ликвидаторствующими Оссовскими!

В худшем—по расчетам Оссовского—случае, ВКП(б) остается единственной правящей легальной партией, но зато отстраняется от активного участия в Коминтерне и идейного руководства им. В этом случае мы имели бы дезорганизацию Коминтерна. И эта

политика отхода от Коминтерна предлагается человеком, который претендует на настоящий, стопроцентный «интернационализм»! «Левый». Оссовский, протяните вашу руку «левому» Медведеву! Право же, вас разделяет очень немногое!

* * *

Читатель может посетовать на нас за то, что мы столь долго занимаемся некиим Оссовским, который, ведь, не представляет мнения сколько-нибудь значительной группы членов партии. Не слишком ли много внимания?

По нашему мнению, это была бы неправильная постановка вопроса. Один из виднейших вождей об'единенной оппозиции уже взял Оссовского под свою защиту. Он заявил, что Оссовский не представляет никакой опасности, что последний, дескать, видит, как некий «башмак жмет ногу рабочего», и только «неумело» выражает стремление рабочего освободиться от давления этого башмака.

Когда перед XIV с'ездом партии и во время его развернулась дискуссия с «новой оппозицией», и партия уловила в речах представителей этой оппозиции ликвидаторские нотки, тогда некоторые товарищи—по простоте ли или по особой хитрости душевной—утверждали, что в лице наиболее типичных и откровенных представителей «новой оппозиции» мы имеем «сигнализаторов», а не «ликвидаторов», «сигнализаторов» опасностей, «сигнализаторов», указывающих партии правильный путь.

Теперь виднейший вождь об'единенной оппозиции склонен усмотреть в законченном ликвидаторе Оссовском не ликвидатора, а «сигнализатора».

Это уже слишком. У новой оппозиции были слышны лишь фальшивые нотки, напоминающие ликвидаторство. Здесь же под защиту берется человек, открыто развертывающий программу ликвидации нашей партии, диктатуры пролетариата и дезорганизации Коминтерна.

Эту защиту нельзя рассматривать, как случайное явление: это есть политический факт крупнейшего значения.

Симптоматичная картина! Оссовский осуждает партию и расхваливает на всем протяжении своей статьи оппозиционно-фракционные течения, включая сюда и демократический централизм, особенно троцкизм и «новую оппозицию», это ядро «будущей» якобы «интернационалистски» ориентированной, легализованной половинки компартии.

Исходя из ошибок этих оппозиционных течений, логически продолжая их ошибки, Оссовский дошел до программы буржуазной демократии.

И эта программа прикрывается об'единенной оппозицией, заставляющей таким поведением задуматься о путях ее дальнейшей эволюции. Оссовский наметил три ступени к буржуазной демократии в нашей стране, а оппозиция, уже ставшая на первую ступень, усматривает в Оссовском не ликвидатора, а «сигнализатора»!

Не должно ли это внушить серьезнейшее опасение нашей партии, которая жаждет того, чтобы оппозиция не поднималась на «оссовские» ступеньки, а спустилась бы и с первой ступеньки на обще-партийную платформу?

Оссовский считает, что XIV партс'езд сделал ошибку, когда, он, якобы, дал команду: огонь налево. Это же думают и вожди об'единенной оппозиции.

Но зачем так извращать факты? Партия и представляющий ее XIV партс'езд не говорили, что новая оппозиция есть «левый» уклон. Она утверждала и утверждает теперь с еще большим правом, что левая фраза оппозиции прикрывает правую политическую программу.

История с Оссовским еще раз доказывает правильность прогноза партии.

Правый фронт внутри партии выравнивается. Партия сумеет ликвидировать этот фронт.

* * *

И статья Оссовского и наш ответ на нее были уже набраны, когда на сцену появились дополнительные и раз'яснительные примечания автора ликвидаторской платформы.

Примечания эти совсем не новы по тону: развязность и безответственная нагловатость не покидают «спасителя» партии ни на минуту; они не новы и по той «грамотности» автора, которая в них проявляется: нельзя же, на самом деле, за короткое время, протекшее от написания статьи до написания примечаний, сделаться грамотным марксистом... Но они новы в том отношении, что автор пытается в них «достойно» реагировать на самые последние внутрипартийные события и, в частности, на тот круг идей, который обоснован тов. Бухариным в его докладе о Пленуме ЦК и ЦКК на собрании ленинградского актива.

На этом «новом» мы и считаем необходимым остановить на минутку внимание читателя.

Прежде всего, Оссовский, познакомившийся по докладу т. Бухарина с суждениями Ленина о классовой сущности советского государства, вынужден был каким-нибудь образом оправдать свою попытку фальсифицировать ленинские взгляды на советское государство.

Вместо того, чтобы признать свою безграмотность, он пытается доказать, что Ленин утверждал в своих выступлениях по этому вопросу прямо-противоположное тому, что он на самом деле думал. Так, дескать, из-за хитрости... Сложная механика—эта стратегия!

> «Впоследствии,—пишет Оссовский,—своему определению природы советского государства как не рабочее, а рабоче-крестьянское («стиль» автора, как и прежде, воспроизводим полностью. *А. С.*) Ленин дал следующую формулировку «рабочее государство есть абстракция», т.-е. до тех пор, когда будет существовать государственная власть (в классовом обществе) о чисто рабочем государстве и думать нечего,—это абстракция, так как в стране преобладает крестьянское и мелкобуржуазное население. Как видно, Ленин остался верным первому своему даже в несколько более резкой формулировке определению. Ленин исправил лишь стилистическую ошибку для успокоения взволновавшегося тов. Бухарина. Тут Ленин с большим педагогическим искусством членораздельно вторично раз'яснил т. Бухарину и другим, сделавшим испуганное лицо, слушав (!) и не понимав (!) ленинское первоначальное и правильное определение природы советского государства. Повидимому и здесь, как и по вопросу о кооперации, т. Бухарину почему-то нужны два Ленина: один принципиально ошибавшийся, а другой... исправленный т. Бухариным. (См. «Правда» от 3/VIII)».

Из этих «умозаключений» всякий непредубежденный читатель увидит, что «два Ленина» существуют именно в представлении Оссовского: один Ленин пишет и говорит определенные вещи, которые массы принимают всерьез, а другой Ленин про себя думает обратное и досягаем только для Оссовского.

Один Ленин заявляет, что наше государство рабочее, а другой убежден, что оно «далеко не пролетарское».

Мы знаем только одного Ленина—пламенного революционера и принципиальнейшего вождя пролетариата и в теории и в практической политической работе, умеющего просто, ясно, без выкрутас высказать массам свои мысли, просто и ясно устранить оговорку, если она вкралась в его речь.

Опошлять же Ленина и клеветать на него партия никому не позволит,—не позволит и Оссовскому, который такой «трактовкой» вопроса лишь еще раз доказал, что ленинизма он не знает и не понимает, что он еще не научился—и, повидимому, никогда не научится—относиться к Ленину так, как должен к нему относиться коммунист; что он является ликвидаторствующим извратителем ленинизма.

Ленин сказал, во-первых, что «рабочее государство есть абстракция» и, во-вторых, что «на деле мы имеем рабочее государство» с особенностями (преобладание крестьянского населения в стране, бюрократические извращения). Опошлитель же ленинизма, на основании (?!) этих положений Ленина заключает: раз рабочее государство есть абстракция, значит рабочее государство есть вещь конкретно неосуществимая.

Каков истинный и очевидный смысл приведенных выше утверждений Ленина?

Когда мы даем общую характеристику пролетарского государства, то мы принимаем во внимание лишь самые главные, существенные принципиальные черты этого государства, абстрагируя от ряда конкретных, обусловленных местной обстановкой и средой, особенностей различных пролетарских государств. В этом смысле рабочее государство, тип которого обрисован Лениным в его работе «Государство и революция», есть абстракция. В конкретной же политике и в данной стране, когда речь идет об СССР, нужно понимать не только классово-пролетарский характер государства, но и его особенности, что отнюдь не исключает, а непременно предполагает правильное представление о классовой сущности государства.

Ильич говорит о специфически российских особенностях. Но об особенностях чего?—Конкретного, реально-существующего рабочего государства, отвечает Ильич. Не пролетарского государства, а государства, выражающего интересы всех классов, находящихся в стране, вплоть до «капиталистических предпринимателей», полагает Оссовский. Что же касается «рабочего

государства», то так как оно, по Ленину, «есть абстракция», то—заключает Оссовский—о нем «вообще и говорить нечего», «до тех пор, *когда* (повидимому *пока*? *А. С.*) будет существовать государственная власть (в классовом обществе)».

Итак, еще раз: 1) в классовом обществе, каковым является и советское общество, в переходный от капитализма к коммунизму период, о рабочем государстве «вообще и говорить нечего», 2) при коммунизме, как известно всякому марксисту, государства не будет, ибо не будет классов. Значит, пролетарское государство не будет никогда; значит, Маркс и Ленин жестоко ошибались, когда говорили о диктатуре пролетариата, как необходимом условии осуществлении коммунизма.

Одно из двух: либо Маркс и Ленин не марксисты, либо Оссовский... каутскианец.

Так как первое предположение не возьмется защищать даже Оссовский, то остается принять второе.

Мы могли бы—в назидание Оссовскому—привести еще одну иллюстрацию, на которой можно видеть соотношение абстрактного и конкретного.

Общая характеристика ликвидатора предполагает абстракцию от ряда конкретных особенностей ликвидаторов разных мастей. Ликвидатор есть абстракция. Ликвидаторство выражалось в *разных формах* в *разные* этапы пролетарской революции. Но это не значит, что ликвидатор, имеющий ряд своих специфических особенностей, находящихся в определенной связи со специфическим характером исторического момента, не является ликвидатором: он только является *ликвидатором с конкретными особенностями*. Ликвидаторская же *его суть не* нарушается этими особенностями.

Эта суть видна в лице всякого ликвидатора.

> «Пролетарий,—писал Ленин, в 1911 г. против тогдашних ликвидаторов,—сознавший эту задачу (т.-е. задачу утверждения гегемонии пролетариата в отношении широких масс трудящихся, *А. С.*), есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи *гегемонии* своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это—раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а *не* за свержение рабства...
>
> Проповедывать рабочим, что им нужна «*не* гегемония, а классовая партия», значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену *социал-демократической* рабочей политики либеральной рабочей политикой».

Это писал Ленин в 1911 г. против ликвидаторов эпохи буржуазно-демократической революции. Теперь—другая историческая полоса, иначе выглядят и ликвидаторы, но *суть их*, как нетрудно видеть сие хотя бы на примере Оссовского, *та же*.

Они отрицают возможность и необходимость осуществления *гегемонии* пролетариата в отношении широких масс трудящихся, они склонны «предать либералам дело пролетариата», они стоят на платформе «либеральной рабочей политики», хотя и имеют специфические, отличающие их от ликвидаторов эпохи буржуазно-демократической революции, особенности.

Поняли, наконец, Оссовский, в чем дело?

Из других примечаний надо указать далее на то, в котором Оссовский выявляет свое отношение к решениям XIV партконференции и XIV парт'езда.

> «Большинство ЦК тут обыкновенно спрашивает: что же вы против постановлений XIV апрельской партконференции и декабрьского с'езда по существу? *Нет, отвечаем мы. Мы против оценки, данной большинством ЦК* этим постановлениям. *Мы против заявления большинства XIV с'езда* о том, что разрешение найма безинвентарного бедняка зажиточным крестьянином и кулаком, а также допущение аренды кулаком земли этого же бедняка есть уступка не кулаку и зажиточному крестьянину».

Оссовский пытался в своих целях, оперировать «двумя Лениными», теперь он, поскольку считает сие выгодным, «раздваивает» себя.

Итак, он, по существу не против решений XIV партконференции и XIV парт'езда («Нет, отвечаем мы»). Но он же продолжает: «*Мы против заявления большинства XIV с'езда*»...

Мы за решения с'езда, но мы *против* решений его *большинства*. С каких это пор решениями партийного с'езда считаются «решения» его меньшинства.

К тому же Оссовский совсем, совсем не понял смысла решений XIV партконференции и одобрившего их XIV с'езда. Изречения Оссовского на эту тему имеют весьма определенный источник; из последнего Оссовский позаимствовал и в корне ошибочный подход к данному вопросу.

Под каким углом зрения рассматривали и решали конференция и с'езд проблемы партийной и советской политики в деревне. Под углом зрения *укрепления диктатуры пролетариата*. Это угол зрения обязывает, прежде всего, к изысканию таких мер, осуществление которых способно укрепить блок рабочего класса с основной, *середняцкой* массой крестьянства. Главное в решениях с'езда (снижение налогов, способствование дальнейшему росту товарооборота в деревне и развитию кооперации, осуществление революционной законности) идут именно по этой линии. Решения об аренде и найме рабочей силы—есть не главное, а производное, не основное, а частное в решениях партии по вопросам деревенской политики. Если, наконец, взять эти частные решения сами по себе, то и здесь «новая оппозиция» и новый ее пропагандист Оссовский не поняли смысла и об'ективной роли этих решений. Никто из большинства ЦК не утверждал, что осуществление решений об аренде и найме рабочей силы—в общем вполне целесообразных с точки зрения укрепления диктатуры пролетариата—не обеспечит условий для некоторого усиления кулака.

Но, во-первых, легализация аренды и найма рабочей силы; имеют целью защитить права бедняцких элементов деревни путем регулирования доселе подпольных и полукабальных сделок.

Во-вторых, осуществление этих решений помогает рассосать деревенскую безработицу, чем тоже облегчается положение бедноты.

В-третьих,—что самое главное,—*общий баланс* результатов этих мероприятий, с точки зрения партии, должен выразиться *с плюсом для диктатуры пролетариата*. *Оссовский* же, как и все представители «новой оппозиции», пытается разрешать вопросы деревенской политики не с точки зрения стоящего у власти пролетариата, а с точки зрения изолированно взятой, оторванной—и потому противопоставляемой пролетариату—деревенской бедноты.

Совершенно очевидно, что если пролетарское государство—в общем и целом—приходит в результате осуществления указанных мероприятий к положительному балансу, то это означает обеспечение условий для *действительной* помощи бедноте. Понять это—не дано Оссовскому.

В своей статье Оссовский еще разграничивает троцкизм и новую оппозицию. После об'единения этих оппозиционных течений, он должен выступить с корректирующим примечанием:

> «Теперь,—отмечает он,—ко времени 3-го пленума,—июль 1926 г.—общая линия найдена. Путь пролетариата для разрешения сложнейших современных проблем партийного и советского строительства проходит где-то посередине между путем, указанным оппозицией 1923 года, и путем, указанным оппозицией 1925 года. Оказывается, основное свойство этих обоих путей не было центробежным, а *центростремительным* (курсив автора. *А. С.*). Достаточно было коротенького периода столкновений (правда, весьма резких), чтобы найти свою общую орбиту».

Этот коррректив Оссовского, в свою очередь нуждается в некоторых коррективах.

Во-первых, надо отметить, что центром притяжения и идейно-гегемоническим началом в новом блоке все же является «троцкизм».

Во-вторых, «центростремительные» тенденции прилепили к оппозиционному блоку и ликвидаторское теченьице, представленное Медведевым, и столь родственного последнему Оссовского.

Что-то еще наделает этот закон «центростремительного» движения внутрипартийных оппозиционных групп. Последнее примечание, на которое мы считаем необходимым реагировать, заслуживает особого внимания не столько по существу, сколько по тону.

Ликвидатор всегда претенциозен, он всегда мессианистски настроен. Ликвидатор, предающий дело пролетариата, всегда утверждает, что он спасает это дело, что только он представляет интересы рабочего класса.

Выступая развязно и расточая чудовищно-клеветнические обвинения, направленные против авангарда революционного пролетариата, он кичится своей наглостью и ставит ее себе в заслугу.

> «Часто мы слышим со стороны большинства ЦК,—небрежно бросает Оссовский,—что меньшинство, требуя свободы обмена мнениями в партии, является рупором мелкой буржуазии. Это неверно и противоречит логике. При диктатуре пролетариата (откуда она взялась у Оссовского эта диктатура пролетариата? *А. С.*), мелкая буржуазия, наоборот, всячески избегает открытого выступления во имя своих интересов. Подкрашивая себя в модный и защитный цвет, мелкая буржуазия легализует себя достаточно для того, чтобы перерождающе воздействовать на наш государственный аппарат. Громкий и открытый голос мог бы ей тут лишь мешать. Следовательно, свой рупор в нашей единственно в стране легальной партии, мелкая буржуазия имеет и не может не иметь, ибо она в стране и преобладает. Вопрос лишь в том, выгодно ли пролетариату и до каких пор разрешать этому рупору пользоваться и прикрываться именем диктатуры пролетариата и социализма. Не выгодно ли в интересах пролетариата заставить этот рупор скинуть маску и говорить от своего имени».

Все так просто и ясно. Мелкая буржуазия говорит устами сторонников громадного большинства партии (ибо мелкая буржуазия обязательно пользуется выгодным защитным цветом), а Оссовский—говорит «классовую правду пролетариата», потому что он-то под защитный цвет не прячется.

Мы стараемся изучить и разобрать всякую новую политическую платформу по косточкам, вскрываем ее политическое содержание, а Оссовский нашел ключ распознавать классовую значимость этой платформы с первого взгляда.

Если кто-нибудь кричит «*громко и открыто*» против коммунистической партии, то тут уж и речи не может итти о мелкобуржуазности,—тут «настоящая» пролетарская революционность.

Оссовскому остается только поучиться искусству кричать подобным образом у меньшевиков, эсеров и других заклятых врагов пролетариата—тогда он получит законченное «марксистское» образование.

Мы же, пользуясь принятым в нашей партии критерием, не можем охарактеризовать платформу Оссовского иначе, как мы ее охарактеризовали в заглавии: *платформа оппозиционного ликвидаторства*.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленинский сборник, V, под редакцией Л. Б. Каменева, Институт Ленина при ЦК ВКП(б); Госиздат, 610 стр.

Публикуемые в настоящем сборнике материалы относятся к эпохе первой российской революции. Первым помещен в сборнике доклад тов. Ленина о революции 1905 года, сделанный им в день 12-летней годовщины 9 января в Цюрихском Народном Доме, на собрании рабочей молодежи. Последующий материал, состоящий почти исключительно из планов, статей и беглых заметок тов. Ленина, разделяется на семь отделов: 1) Планы, тезисы и наброски статей эпохи «Вперед» (до третьего с'езда партии), 2) Третий с'езд партии, 3) Планы, тезисы и наброски статей эпохи «Пролетария», 4) Характер и перспективы революции 1905 года, 5) Боевые организации и техника вооруженного восстания, 6) Письма Ленина (июнь—октябрь 1905 г.), 7) Varia (разное).

Сборнику предпослано «Введение» тов. Л. Б. Каменева, освещающее характер материала и метод работы Ильича.

Доклад тов. Ленина «О революции 1905 года», напечатанный на немецком языке, в начале текущего года уже был опубликован на русском языке в «Правде». Произнесенный по поводу годовщины 9 января доклад, по сути дела, является блестящим обобщением опыта всей революции 1905 года. Тов. Ленин дает в докладе анализ методов революционной борьбы гегемона революции—пролетариата.

Он подчеркивает, прежде всего, исключительно крупную роль всеобщей стачки в деле классового воспитания пролетариата.

«Русская революция является в мировой истории первой, но она будет, без сомнения, не последней, — великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль».

В последующем изложении хода революции т. Ленин показывает, как экономическая борьба неизбежно и быстро перерастает в забастовочном движении в политическую.

«В революционную эпоху,—заключает т. Ленин,—пролетариат может развить энергию борьбы в сто раз большую, чем в обычное спокойное время».

Переходя к вооруженному восстанию, тов. Ленин бичует тех буржуазных и социал-предательских политиков, которые пытаются изобразить декабрьское вооруженное восстание «путчем», крупнейшей политической ошибкой и плодом «анархистской» агитации большевиков.

Ленинскую оценку роли декабрьского восстания весьма не мешает вспомнить даже теперь, когда в исторической литературе сплошь и рядом можно встретить оценку восстания, как движения не массового или вовлекшего только отсталые слои пролетариата (см., напр., соответствующие места из XII тома «Русской истории» Н. Рожкова). Ленин рассматривал декабрьское восстание 1905 года в связи с массовой политической борьбой пролетариата.

«Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним»—отмечает тов. Ленин...—Чтобы оце-

нить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. В январе 1905 года в России было только 13 тысяч чисто политических стачечников, в октябре—330 тысяч, в декабре был достигнут максимум, именно 370 тысяч чисто политических стачечников в течение одного месяца!»

Весьма характерна, далее, та оценка, которую тов. Ленин дает крестьянскому движению, уничтожившему многие сотни и даже тысячи помещичьих усадеб. В то время, как меньшевики, предпочитавшие «мирные» методы борьбы, всемерно старались подчеркивать реакционный характер этого движения, тов. Ленин видел в захвате и разделе помещичьих усадеб показатель действительной революционности крестьянских масс.

«Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа. К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения».

В заключительной части доклада тов. Ленин характеризует международное значение революции 1905 года.

В первом отделе, прежде всего, останавливают внимание тезисы предполагавшейся к написанию—и ненаписанной—статьи «Как они защищаются» (против Г. В. Плеханова). Задача намечаемой статьи заключалась в критике меньшевистского отношения к либералам, выразившегося в плане земской кампании «Искры». Тезисы отмечают, что Плеханов, более хитро, чем редакция новой «Искры», защищает по существу меньшевистский план «уловления» земцов. «Плеханов защищает неверную позицию чрезвычайно осторожно и умно», читаем мы в тезисах. «Редакция—неумно. Плеханов ни словечка не говорит 1) ни о резолюции Старовера (Потресова) и ее связи с «планом» «Искры», 2) ни о «высшем типе мобилизации»... Плеханов все время вертится около «противоречия» старого и нового Ленина, доказывая, что редакция «Искры» действовала согласно старому Ленину».

Интересен план реферата о меньшевизме Ольминского, намеченный тов. Лениным; наиболее любопытна здесь характеристика оппортунизма в пункте четвертом.

«Характеристика оппортунизма. Основная черта—смена принципов, беспринципность, неумение связать принципы с текущей работой. Метание, скачки, «применяются»... Погоня за ходкими фразами и словечком: тактика—процесс, организация—процесс. Оппортунизм готов подписаться под любым принципом. (Смотря по удобству). Все это—в пределах. За пределом оппортунизм = измене. Оппортунизм = маленькая измена. Измена=большой оппортунизм (Парвус)».

Говоря о соотношении бернштейнианства и оппортунизма вообще, Ильич отмечает:

«Что такое оппортунизм? Не=бернштейнианство. Не только внутри социал-демократии... Бернштейнианство есть лишь часть оппортунизма»...

Метод и тщательность партийно-литературной работы т. Ленина могут иллюстрировать наброски к статье «Новые задачи и новые силы» (март 1905 г.); читатель увидит из этих набросков, как автор «обсасывает» тему несколько раз, прежде чем берется за написание статьи.

Во втором отделе, посвященном третьему с'езду партии, следует отметить письма Ленина германским социал-демократам Бебелю и Грейлиху, предложившим организовать для разбора конфликта между «большинством» и «меньшинством» третейский суд. Тов. Ленин заявляет в этих письмах, что только партийный с'езд российских социал-демократов правомочен решить выдвинутый вождями германской социал-демократии вопрос. Такой ответ, несомненно, диктовался тем обстоятельством, что ни Бебель ни Грейлих не представляли себе принципиальной глубины разногласий, приведших к расколу на «большинство» и «меньшинство», и склонялись к поддержке меньшевиков.

«В заключение—пишет т. Ленин Бебелю—позволяю себе выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства немецкой социал-демократии теперь, возможно, уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, а не особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, напр., обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда, может быть, это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что третий партийный с'езд может соединить обе фракции и восстановить е д и н у ю партию,—тогда немецкая социал-демократия сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» ценность ф о р м а л ь н о й организации (т.-е. организации вообще). Еженедельник немецкой социал-демократии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация—это лишь процесс, только тенденция... «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомить немецкую социал-демократию только со взглядами меньшинства... После всего этого... меня не удивит, если (всякие) попытки вмешательства со стороны (официальных) представителей немецкой социал-демократии натолкнутся на (особые) затруднения в наших рядах».

В третьем отделе весьма любопытен план-конспект, замышляемой и невыполненной статьи тов. Ленина против Плеханова: «Плеханов и Новая Искра». Ряд замечаний, имеющихся в материалах к этой статье, свидетельствует о величайшем возмущении Ленина против изменников идеям и традициям старой «Искры», против «перебежчиков» вообще, против Плеханова в частности.

Вот, напр., какими эпитетами он награждает «перебежчиков».

«Политическая безэтичность. Мода. Тушинские перелеты. Перебежчики. «Душечка». Хвастливость. С в е р х ч е л о в е к о д и н о к и д у м а е т, ч т о э т о п о т о м у, ч т о о н в ы ш е в с е х. И н о г д а о н е щ е в д о б а в о к л и ц е м е р и т д л я п р и к р ы т и я п е р е б е ж е к».

Тип «социал-демократической душечки» Ильич усматривал в лице Старовера (Потресова), которому посвящена заметка, приложенная к плану и так и озаглавленная «Социал-демократическая душечка». Содержание ее следующее:

«Приветствуемый «Освобождением» (органом Струве, похвалившим Старовера. *А. С.*), тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила (всем): мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер—«Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругали Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то об'ятиях очутишься ты завтра?»

Прекрасен набросок «Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды!», относящийся к октябрю 1905 года и дающий критику меньшевистского фатализма. Ленинские оценки противопоставляются здесь бундовским рассуждениям об отсутствии сил для вооруженного восстания.

«Мы не в силах вызвать восстание,—излагает т. Ленин точку зрения бундовцев,—п о э т о м у лозунг не вооруженное восстание, а учредительное собрание. Это все равно, что сказать: мы нагие и сирые, голодные и истерзанные, не в силах подняться из нашего болота, где мы гибнем, на эту гору, где свет и солнце, воздух и все плоды земные. У нас нет лестницы, без которой под'ем невозможен. Мы не в силах достать лестницы. Поэтому не надо связывать своей борьбы за под'ем с лозунгом добычи... лестницы. Т а к к а к нет лестницы, без которой подняться нельзя,—п о э т о м у не надо брать лозунгом добычу лестницы и работать над ее изготовкой,—поэтому лозунг должен быть: «очутитесь на верху, на горе, на горе счастье и т. д.».

«Слабость всегда спасалась верой в чудеса»,—говорил Маркс.—Эта вера—вера сумасшедших. Без вооруженного восстания учредительное собрание—фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня».

Впервые появляется в печати статья «Кровавые дни в Москве», написанная по поводу событий, связанных с октябрьской стачкой.

В материалах тезисного характера, об'единенных в четвертом отделе сборника («Характер и перспективы революции 1905 года»), останавливают внимание тезисы (6) под заголовком: «Этапы, направление и перспективы революции». Ильич намечает в тезисах тенденции классовой борьбы и перспективы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Факт установления этой диктатуры (буде таковое осуществится), с точки зрения тов. Ленина, должен повести к тому, что «либеральная буржуазия... становится прямо контр-революционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контр-революции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату. На почве (этих *А. С.*) отношений... растет и разгорается новый кризис и новая борьба, при чем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849—50 г.г. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., е с л и б ы на помощь российскому пролетариату не пришел е в р о п е й с к и й социалистический пролетариат».

Этот отрывок, относящийся, по всей вероятности, к концу 1905 года, характеризует ход мыслей тов. Ленина в отношении общих оценок развития революции. Политический смысл приведенных положений, несомненно, заключается в преодолении троцкистской трактовки теории перманентной революции Маркса и в правильном приложении этой теории к условиям первой российской, революции.

Тов. Ленин подчеркивает, что с точки зрения соотношения социальных сил в н у т р и России, нелепо говорить о социалистической революции, что последняя может стать фактом только в сочетании с социалистической революцией в других, более передовых европейских стран.

Но даже и это последнее условие, переводящее буржуазно-де кратическую революцию на социалистические рельсы (помощь европе ского социалистического пролетариата), отнюдь не мыслится т. Лениным так, как т. Троцким («государственная помощь победившего про тариата»).

Набросок статьи «К вопросу о задачах отрядов революционно армии» (отдел пятый) дает представление о том, как Ильич уме сочетать вопросы военной организации с вопросами политики, как он «политицизировал» военно-организационное дело и «военизировал» революционную борьбу.

В письмах В. И. (июнь—октябрь 1905 г.), помещенных в шестом отделе, интересны письма в Ц. К., особенно в той их части, где Ильич пишет о представительстве российской социал-демократии в Международном социалистическом бюро и о необходимости особого представительства большевиков (Плеханов стал представлять в бюро только меньшевиков, а Ц. К. большевиков назначил своим представителем тов. Ленина).

В общем, следует отметить, что если пятый сборник и не дает особенно много принципиально-новых вещей из ленинского литературного наследства, то он все же включает очень интересный и ценный материал для суждения о политических позициях большевизма в период первой российской революции.

А. С.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.